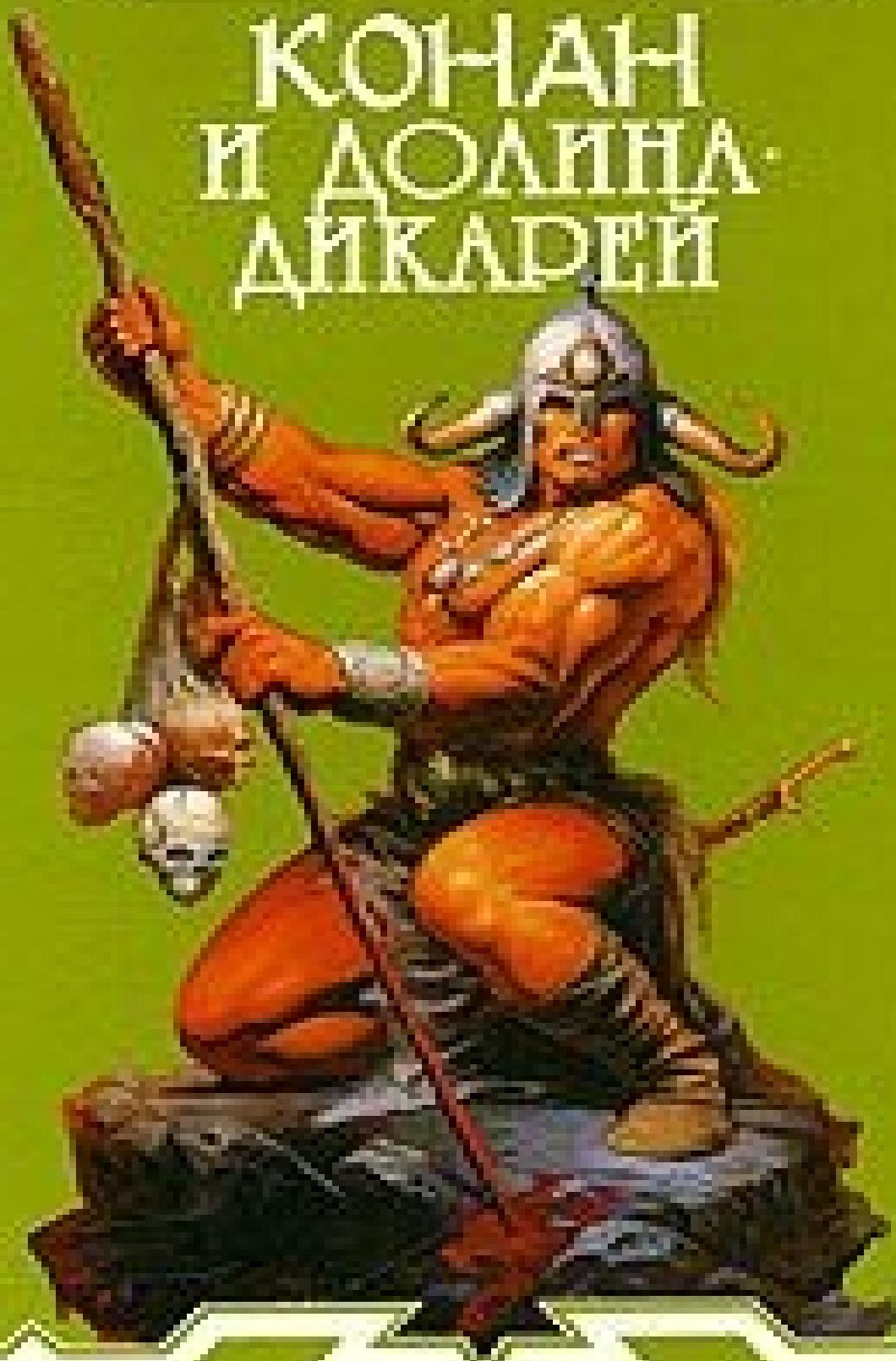

КОНДН И АОЛННА АИКАРЕЙ

Annotation

Бестрашный киммериец, на пути в Аренджун, вынужден вступить в неравную схватку с ужасным демоном Карпашских гор...

- [Терри Донован](#)

-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)

- [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
-

Терри Донован

Долина дикарей

(Сага о Конане – 120)

(ACT, 2006 г., том 120 «Конан и долина дикарей»)

1

Небо накрывало Карпашские горы, словно перевернутая хрустальная чаша. Иные называют небо чеканной чашей, ибо оно сияет совершеннейшими созвездиями. Но небо прозрачно, как же можно что-то по нему чеканить? Иногда небо принимается за воздух, где рождаются ветры и облака, бури и вихри. Но воздух на самом деле находится внутри неба. А еще в небе летают птицы, поэтому часто говорят «крылатое небо». Но это уже чистая поэзия. Крылья для влюбленных в ночь и песни.

Гизелла, шадизарская принцесса, прекраснейшее создание, возлежала в покачивающемся паланкине на шелковых подушках, глядя вверх сквозь окно из прозрачного шелка. В одной руке у нее был кхитайский веер, подаренный послом Фуанчи, который пробыл при дворе отца три года и только месяц назад отправился обратно на родину. На веере были изображены цветы и птицы. Ни таких цветов, ни таких птиц в живую Гизелла никогда не видела. В другой руке у нее была книга из пальмовых листьев, пахнущая вендинскими благовониями. Она не могла прочитать из этой книги ни строчки, она не знала ни букв, ни слов на языке, которым была написана книга, но ей было приятно держать в руках редкую и дорогую вещь.

Грудь Гизеллы медленно вздымалась и опускалась, вдыхая воздух, насыщенный ароматами сандала, мускуса и амбры. Принцесса возвращалась в Шадизар из храма Вина и Крови. Она совершила все положенные по сезону обряды, принесла все жертвы, произнесла все молитвы, и ни разу нигде не ошиблась. Она была очень довольна собой. Теперь никто не скажет, что она отлынивает от государственных обязанностей, не появляясь на приемах и не участвуя в торжествах. Ибо она совершила дальнее паломничество в горный храм! А это в семье считалось обременительной обязанностью.

Гизелла была не первая и не последняя в роду – у нее имелось двенадцать братьев и сестер. И нельзя было сказать, что они все жили душа в душу. В семьях такое вообще редко бывает, в больших – особенно редко, а в царских – никогда. Братья и сестры любили злословить, острили друг о друге, говоря глупости и пошлости, собираясь в тесные кружки и проходясь по всем, кого в настоящий момент с ними не было. И чаще всех злословили по поводу Гизеллы, потому что не была не такой, как другие. И потому что совсем не принимала участия в общих забавах и не сочиняла о

родственниках небылицы.

Путь от храма Вина и Крови до Шадизара не близок. Горная дорога сначала вьется по склону, потом входит в ущелье, а потом вливается в проложенную древними мостовую, ведущую прямо к вратам столицы. С одной стороны мостовой имеется стена, будто специально построенная для того, чтобы устраивать засады. Наверное, она имела смысл, как защитное сооружение, когда была гораздо выше, но по прошествии множества веков утратила его.

Гизелла слышала смех служанок, Мариссы и Хлои. Марисса – статная, с длинными русыми волосами и полными губами цвета вишни. Хлоя – чересчур худая, с тонким носом, нависающим над губами, и волосами, черными как смоль. Они умудрялись смеяться надо всем, что видели, а также и над тем, чего не могли видеть. Они находили повод для смеха в чем угодно. Это было удивительно. Гизелла не понимала, откуда у них такое всеобъемлющее чувство юмора. Она думала, что плохо относится к ним.

– Слишком редко наказывает, а от этого, как известно, большинство рабов и слуг портятся. Они должны чувствовать хозяина, но редко кто из них, может почувствовать его по иному, кроме как через телесное наказание.

Тело должно страдать, чтобы душа возвышалась. По крайней мере, тело черни, ибо чернь не ведает мучений разума. Гизелла приоткрыла занавеску и осторожно выглянула наружу, ища глазами лица служанок.

Но они заметили ее первыми – и, конечно, засмеялись.

Гизелла смутилась. И едва не позабыла, что собиралась сказать.

– Марисса! – строгим голосом произнесла она, пытаясь вновь собрать воедино ускользнувшую фразу.

– Да, госпожа! – звонко отозвалась Марисса, подбегая к принцессе и заглядывая ей в лицо.

– Марисса, мне кажется, ты забыла, кто твоя госпожа. Забыла, кому ты принадлежишь душой и телом.

– Нет, нет, госпожа Гизелла! – взволнованно и резко воскликнула Марисса. – Я целиком и полностью принадлежу тебе! Как же я могла это забыть!

– А я думаю, что забыла, – твердо произнесла Гизелла, – С тех самых пор, как мы покинули храм, это великое священное место, ты даже не приблизилась ко мне, не узнала, хочу ли я чего-нибудь, удобно ли мне путешествовать. Ты заботишься только о себе, мелешь попусту языком, сеешь кругом глупость. А до меня тебе нет никакого дела!

– Госпожа, но я всегда рядом... – слабо возразила Марисса.

Гизелла недобро ухмыльнулась.

– И ты еще споришь со мной? Когда мы приедем в Шадизар, попроси палача, чтобы он выдал твоему телу двадцать плетей. И не вздумай отлынивать от урока! Он тебе совершенно необходим.

Марисса изменилась в лице. Словно вечерняя тень упала на него. Глаза служанки потускнели, а полные губы дрогнули от обиды. Улыбнувшись, Гизелла удовлетворенно откинулась на подушки. Она надеялась, что теперь у Мариссы пропадет чувство юмора. По крайней мере, на несколько дней.

Марисса вернулась к Хлое. Они замолчали. Марисса размышляла о предстоящем уроке, а Хлоя думала, что ее тоже ждет подобная участь, ведь она вела себя точно так же, как подруга. Обе стали грустные и задумчивые, и больше волновались не о том, что вокруг, а о своих ягодицах. Напрасно светило солнце, отражаясь в заснеженных вершинах гор позади них, напрасно ветер теребил листья на деревьях вдоль дороги, напрасно прыгали по стене птицы, пытаясь петь. Ничто не могло теперь вызвать звонкий девичий смех, так приятно ласкающий слух охранников, с трудом напускающих на себя суровый и свирепый вид, как было положено им по этикету. Сохранять вид охранникам стало легче, но поступь их сделалась тяжелее, ибо тяжело было у них на сердце при мысли о том, что ожидает девушек. Но все это скоро перестало быть хоть сколько-нибудь важным.

Когда из-за стены, идущей вдоль дороги, выскоchila жуткая тварь, не иначе, как порождение самой нижней из преисподней Зандру.

Чудовище первым заметил левый передний раб-носильщик. Он увидел страшную голову, лишь отчасти напоминающую человеческую – она была в три-четыре раза больше человеческой, волос совсем не имелось, плоский нос распластался едва ли не во всю ширь лица, но самым нечеловеческим были зубы в широкой – от уха до уха – распахнутой пасти. Острые, торчащие как кинжалы, зубы разного размера, в несколько рядов. Между зубами застряли перья, кусочки мяса и хвосты недавно сожранных мелких животных.

Жуткий демон принял убивать, как только выскоchил из-за стены, пользуясь всеми своими четырьмя инструментами для убийства – двумя руками, пастью и хвостом.

В первый миг была сломана хвостом шея любимой служанки Гизеллы, Мариссы, откушена голова левого переднего раба-носильщика, вырвано сердце другой любимой служанки, Хлои, и отправлен смертельным ударом за ограду правый передний раб-носильщик. Голову раба демон выплюнул, и она тоже улетела за ограду. Паланкин упал, чуть не вывернув руки задним

рабам-носильщикам. Но демон быстро исправил этот недостаток. Пока рабы тщетно пытались найти способ выжить, в душе прекрасно понимая, что его просто не существует, демон схватил их за шеи и столкнул головами с такой силой, что оба умерли мгновенно.

Четырьмя рабами-охранниками демон занялся напоследок, наслаждаясь их страхом и дрожью в руках, которая передавалась их мечам, которые они потешно глупо выставляли перед собой. Демон хохотал и бросал в охранников камни, вырывая их из дорожной ограды руками и хвостом.

За время, понадобившееся Гизелле, чтобы отважиться выглянуть наружу, демон уничтожил всех.

– Ну, что боишься меня? – спросил убийца.

Гневное выражение на лице принцессы сменилось выражением панического страха. Она не закричала только потому, что страх не давал ей раскрыть рот. Скулы заныли от усилий, а крик внутри, готов был вырваться через кожу.

У страшного создания была голова, две руки и две ноги, он стоял прямо, но это все равно не делало его человеком, несмотря даже на то, что он разговаривал.

Кожа его была покрыта зеленой чешуей, которую он непрестанно терял, стоило ему пошевелиться. Длинный гибкий хвост, по сути выполняющий работу хватательного щупальца, как у осьминога или кальмара, непрестанно извивался. А через всю сгорбленную спину, от головы к копчику, проходил гребень с острыми шипами. Желтыми глазами с вертикальными зрачками, как у змеи, он пристально смотрел на принцессу Гизеллу.

– Не зря боишься! – заявил демон, шагнув к Гизелле, и единственным движением вытащил ее из паланкина, содрав с нее богатое платье.

Гизелла вскрикнула, задрожав всем телом. Она осталась в одной набедренной повязке. Руки ее метнулись к грудям, не знавшим еще ласки мужчины, и закрыли их.

Зеленокожий демон расхохотался и следующим движением сорвал с Гизеллы набедренную повязку. Ноги больше недержали принцессу, и она повалилась на колени. Внутри ее живота образовалась страшная пустота, в которую провалилось отчаянно бьющееся сердце.

А когда огромные сильные руки демона с выступающими жилами схватили принцессу, она потеряла сознание. Она уже не видела и не чувствовала, как демон закинул ее на плечо, словно мешок с зерном, и потащил обратно в горы.

Гизелла пробыла без сознания достаточно долго, чтобы демон углубился в дикие места, о которых она не имела ни малейшего понятия. Она все еще была грузом, когда демон взобрался на крутую обледеневшую скалу и остановился перед широким входом в пещеру, чтобы перевести дух.

Он положил принцессу на снег и выпрямился над ней. Гизелла открыла глаза. И увидела, что все, что, как ей казалось, привиделось в кошмаре, вовсе не привиделось. Это была страшная реальность. Реальность, в которую Гизелла ни за что не хотела верить.

Зеленокожий демон смотрел на нагую девушку, лежащую на снегу у его ног, и хохотал. Он любил наблюдать, как люди испытывают боль и страх, любил слышать их крики и мольбы о помощи, и чем беспомощнее и нежнее была жертва, тем большее удовольствие он испытывал.

– Умоляю тебя, отпусти меня. Мне холодно, и, я уже не чувствую ни рук, ни ног! – без надежды проговорила Гизелла.

Она была прекрасна, это юное, черноволосое создание, с бледной, будто ледяной кожей и пронзительными черными глазами. Правда, сейчас, от холода и разреженного воздуха, она действительно превращалась в лед, и соски ее сморщились и сжались, как у старухи. Когда демон впервые увидел ее, соски были круглыми и набухшими, словно вишни.

Демон наклонился к ней и погладил хвостом-щупальцем по животу. Она задрожала.

– Умоляю... – прошептала она, следя за тем, как хвост поднимается все выше.

Черный волосатый хвост, голый на кончике, будто у крысы, но подвижный, как змея.

– Ты прекрасна, моя принцесса, – пророкотал демон глухим рычащим голосом, в котором звучали жуткие, нечеловеческие страсти, одолевающие его.

Из широкого зубастого рта демона вырвалось облако зловонного пара и окутало голову девушки. От этого она зажмурила глаза, задрожав еще сильнее.

– Вижу, тебе не нравится мой запах, – прорычал демон. – Запах благородного Тахора! Ничего, он тебе понравится, когда ты станешь мертвой!

Он расхохотался, запрокинув страшную голову назад и раскрыв пасть, полную острых неровных зубов.

– Нет, нет! – закричала Гизелла, умоляюще протянув к нему руки, а потом забормотала, как в бреду: – Добрый господин ведь не позволит умереть своей рабыне! Добрый господин позволит мне уйти, чтобы я могла

привести себя в порядок, и завтра предстать перед ним в лучшем наряде!

Демон перестал смеяться и опять склонился над принцессой.

– Лесть тебе не поможет, Гизелла, – сказал он и прижал кончик хвоста к ее губам. – Лучше замолчи и предайся медленной смерти, А она будет медленной. Я, ужасный Тахор, не дам тебе легко уйти. Готовься наслаждаться болью и ужасом! Ты познаешь все виды медленной смерти. Но быстрая смерть не придет к тебе. Говорят, самая страшная смерть съедает человека изнутри, ты узнаешь это. Так же говорят, что ни один человек не способен выдержать боли, возникающей в его собственной душе, и это ты тоже узнаешь. Я заставлю тебя полюбить боль, ты будешь наслаждаться болью, но сначала ты полюбишь смерть. Ты станешь призывать смерть, мечтать о ней, в тебе возникнет вожделение к смерти, ты страстно захочешь отдаваться ей, твоя грудь будет трепетать от желания смерти, сердце возжаждет остановиться, а душа захочет покинуть тело. Но я не дам тебе избавления. Ты будешь жить и страдать. Ибо только так я могу чувствовать наслаждение.

Тахор вдруг схватил пленницу и приподнял над землей. Черные смоляные волосы Гизеллы разметал буйный горный ветер, который вечно странствует среди покрытых льдом скал. Руки и ноги Гизеллы бессильно повисли.

– Но может быть, я тебя обманул, и ты все же умрешь. Никто ведь не живет вечно! – добавил демон и снова расхохотался.

Гизелла открыла глаза и посмотрела в небо, где парила одинокая птица. Наверное, это ее душа, которая уже вышла из тела, предоставив страдать ему одному. Иней на ресницах делал все окружающее призрачным, а холод, стягивавший голову, словно пыточный обруч, не позволял развиться ни одной мысли. Они только возникали и сразу же уходили куда-то за пределы сознания. Ум Гизеллы постепенно проваливался в спасительную тьму, и ей уже стало казаться, что она слышит тихую странную музыку, исполняемую на неизвестном инструменте. Демон тоже посмотрел наверх.

– Проклятая птица! – воскликнул он. – Ты видишь то, что тебе не положено видеть. Эта дева – моя, и не тебе расклевывать ее кости!

Он повернулся и с девушкой на руках скрылся под сводами пещеры. И поглощенный собственными бешеными страстями, не заметил, как с руки девушки соскользнул тонкий серебряный браслет, единственное украшение, которое еще оставалось на ней.

Птица печально, протяжно крикнула и покинула ущелье, спустившись в воздушном потоке вниз, туда, где зеленели леса, и добыча была более

покладистая. Но демон был не совсем прав.

Не только птица видела то, что ей не положено видеть. Несколько маленьких снежных обезьян укрывшихся в другой пещере, на противоположной стороне ущелья, наблюдали за демоном и девушкой с самого начала их появления здесь. Они не были избалованы подобными зрелищами и поэтому смотрели во все глаза, забыв даже про любовные игры и ловлю блох. Они не знали, зачем понадобилась демону юная принцесса. Они приглядывались к входу в пещеру, куда скрылся с трофеем демон, надеясь увидеть продолжение истории, но ничего не происходило, и постепенно обезьяны вернулись к обычным своим занятиям – любовным играм и ловле блох. Кроме одной обезьяны, имевшей вид грустный и задумчивый, а шкуру белее обычного, ни одного темного волоска. Поймав пару блох, она, не обращая на остальных внимания, прошла к выходу из пещеры, некоторое время приглядывалась к склону, а потом стала спускаться вниз.

2

Горы – дурное место, особенно вершины, где лежат ледники. Кажется, что здесь не может быть никакой жизни. Но это не так. Шальным ветром приносит сюда снизу мириады насекомых – и они, обомлевшие от стужи, усыпают снег. Богатый пир для множества птиц: грифов, гусей, кондоров и галок. Птицами не прочно разнообразить свой стол барсы и волки, но это удается еще реже, чем прокусить шею козлу, ламе или даже зайцу. Добыче хищников здесь особенно не на чем жировать, скучная растительность – карликовые деревья, трава, мох, лишайники, изредка грибы. Но жизнь есть не только на поверхности. В пещерах живут снежные обезьяны и летучие мыши. А в бурю и другие животные прячутся в пещерах, иногда даже каким-то образом договариваясь о временном перемирии. Волки делают вид, что совершенно не голодны, а зайцы и козлы изо всех сил изображают спокойное равнодушие.

Появляется в горах и человек. В основном это тоже обитатели гор, живущие чуть выше их подножия. Но время от времени в горах оказывается некто, кто пришел издалека. Такой гость среди скал – редкость, и любопытные обезьяны и галки стараются глаз с него не спускать. Чужак – кто его знает, что у него на уме.

Черноволосый пришелец издалека был похож на медленно ползущего жука. Он кутался в грубый плащ из верблюжьей шерсти и ступал осторожно, прекрасно понимая, насколько опасно легкомыслie в горах.

Когда он приблизился, стало ясно, что среди людей он гигант. Плащ скрывал мощное, подвижное тело, а кроме того – меч. Рукоять меча торчала из-за верхнего края плаща. Человек нес меч на спине, лучший способ ношения подобного оружия в горах. Густые черные волосы запорошило снегом. На ногах у него были сандалии из толстой кожи – не слишком богатая одежда. Но судя по мечу и решительному взгляду голубых глаз, он не собирался долго мириться с таким положением.

Он был голоден. Карабкаясь вверх, вслед за солнцем, собираясь наведаться в Аренджун, некогда было отвлекаться на охоту за прыткими и верткими обитателями гор. Несмотря на всю силу и ловкость, человек не мог состязаться в скалолазании даже с горными зайцами. Будь у него лук, которым обычно пользуются местные охотники, тогда другое дело – но лука не было. Кроме голода, на нем еще плохо сказывалась разреженность воздуха – он забрался слишком высоко. Понадеявшись на себя, он отказался

от услуг проводника и заблудился.

Но, может быть, это было меньшее из зол – очень ему не понравилось, как проводник, грязный тип с татуировкой на лбу и длинной бородой, заплетенной в косичку, смотрел на его меч.

Ущелье становилось все уже, а скалы вокруг неприступнее. Чахлые березки и криптомерии казались в чересчур прозрачном воздухе какими-то ненастоящими, словно нарисованные. Похоже, собирались бури.

На правом склоне он вдруг заметил пещеру, а еще увидел снежную обезьянку, которая карабкалась к пещере.

Весьма кстати! Ужин и укрытие вместе! Не иначе, как Кром смилиостивился над одним из своих чад, Конаном из Киммерии.

Конан полез вслед за обезьянкой, двигаясь как можно быстрее, насколько хватало сил. И на середине подъема он вдруг почувствовал странный запах. Смесь запахов. Отталкивающую и привлекающую одновременно.

Обезьяна скрылась за краем площадки перед пещерой. Сделав над собой последнее усилие, Конан подтянулся и тоже оказался на площадке. Странный запах усилился. От него киммерийцу делалось не по себе.

Обезьянка сидела перед самым входом. И как будто не собираясь никуда бежать. Конан бросился к ней и уже протянул руки, чтобы сломать ей шею, как вдруг увидел что-то блестящее у нее в лапах. И зверек протягивал это к нему, глядя в глаза, словно желая что-то рассказать. Умная тварь!

– Ты откупаешься от меня, малыш? – спросил Конан.

Если бы обезьянка понимала его, она возможно бы обиделась. Потому что малыш по своим обезьяням меркам был весьма стар.

– Ну, ладно, малыш, я больше не хочу тебя съесть, – продолжил Конан, протянул руку и взял то, что протягивал зверек.

Серебряный браслет! Тонкий и изящный, которому было здесь не место. Вряд ли он мог принадлежать женщине какого-нибудь горного племени.

– Желал бы я знать, откуда это у тебя, – сказал Конан и снова посмотрел на обезьянку.

Зверек указывал ручкой с черными пальцами на вход в пещеру. Увидев, что человек, наконец, обратил на него внимание, он с криком подпрыгнул и быстро заковылял внутрь. Потом остановился и обернулся, глядя Конану в глаза.

– Кром, да ты умнее большинства людей, которых я знал! – воскликнул Конан. – Мы стали бы добрыми друзьями, если бы ты был человеком,

малыш!

Он сунул браслет за пазуху.

– Жаль, конечно, что я не попробовал тебя на вкус. Но я не могу жрать разумных тварей! – заявил Конан.

Не совсем было ясно, что хотела сообщить обезьяна, но, несомненно, было, и что в пещере есть что-то очень важное, и браслет с этим связан.

Обезьяна снова вскрикнула, подпрыгнув, и, подняв хвост, побежала во тьму пещеры. Конан направился следом, на всякий случай, вытащив меч из ножен, и вскоре перестал что-либо видеть, тьма была непроглядной. Но слух у киммерийца был отличный, и он неплохо умел им пользоваться. В горах, где он вырос, тоже были пещеры, и он научился не теряться в них сразу же после того, как научился ходить, ибо куда еще ходить малышу-горцу, как не в пещеры? Все чувства его обострились до предела. Он нарочно громко ступал, чтобы различать оттенки эха и ориентироваться по нему. И когда своды пещеры понизились, Конан почувствовал это и заранее пригнул голову.

Обезьяна бежала впереди и время от времени останавливалась, чтобы подождать человека. Зверек прекрасно понимал, что такое большое существо, половина сил которого уходит на поддержание длинного неуклюжего тела в вертикальном положении, не может быстро двигаться. Трудно жить без хвоста.

3

Гизелла очнулась, когда зеленокожий демон остановился и положил ее на землю. Принцесса со стоном открыла глаза, дышать стало легче. Они спустились с высот, и воздух теперь стал почти таким же густым, как на равнинах.

В призрачном красноватом свете, исходившем неизвестно откуда, проклятый Тахор выглядел еще страшнее. Он склонился над чем-то, и Гизелле была видна только его спина с шипастым гребнем и хвост, кончик которого подрагивал, словно у гремучей змеи. Услышав стон пленницы, демон медленно обернулся. Налитый кровью желтый глаз пошевелился в глазнице. Морда была окровавлена, а из чуть приоткрытой пасти торчало крыло летучей мыши.

– Хочешь поесть? – осведомился демон, открыл пасть шире и достал из нее какой-то кровавый ошметок. – На, бери, – сказал он, и протянул ошметок принцессе.

Она вскрикнула, зажала рукой рот и отвернулась, борясь с тошнотой. Плечи ее дрожали. Хорошо, что она постилась перед посещением храма, иначе бы не сдержалась.

Тахор расхохотался. Раскаты хохота наполнили пространство пещеры, во много раз умножившись эхом. И принцессе показалось, будто потолок колеблется, словно это не камень, а шкура живого существа, темного и зловещего.

– Ничего, проголодаясь, сожрешь еще и не такое! – сквозь хохот воскликнул демон. – А то привыкла у себя во дворце, под крыльшком отца, вкушать только самое изысканное!

Гизелла продолжала смотреть на потолок, и вдруг осознала, что потолок действительно двигается. Это не было видением! И в следующий миг она поняла, что представлял собой потолок.

Это была огромная черная масса летучих мышей. Одна из мышей вдруг сорвалась и упала, взбивая воздух крыльями с отчаянным писком.

Тахор поднял голову и зарычал. И на писк сверху еще более отчаянным писком отозвалась мышь, которую демон прижимал задней лапой. Он тут же оторвал ей голову, но вся масса мышей с потолка услышала зов и замахала крыльями. Пространство пещеры словно взорвалось многоголосым криком. И все летучие мыши сорвались с места и заметались по пещере. Хлопанье тысяч крыльев напоминало шум прибоя.

Словно грозовая туча, мыши опускались черной массой, создавая ветер.

Зеленокожий демон выпрямился во весь рост. Грудная клетка его раздулась, мышцы напряглись. Он стал еще больше, еще страшнее. И когда в пределах досягаемости оказалась одна из мышей, он одним ударом когтя рассек ее на две половинки, которые пролетели сквозь стаю.

Крики летучих мышей стали невыносимы. Принцесса Гизелла зажмурилась и закрыла уши ладонями, как можно сильнее прижав их. И все равно, ей казалось, что она все слышит. А когда особенно сильный порыв ветра разметал ее волосы, она открыла глаза и увидела перед собой мохнатое округлое тело с ушами, словно лепестки какого-то большого цветка. Но этот цветок был хищным. И раскрывал пасть во всю ширь, показывая изогнутые маленькие клыки.

Хлесткий удар, нанесенный чем-то вроде кнута, сбил этот мохнатый цветок на землю. Зубастая тварь запищала, пытаясь забиться в щель между камнями, но второй удар лишил ее способности двигаться, а заодно – и жизни.

С недоумением Гизелла проследила за кнутом и вдруг догадалась, что на самом деле это хвост Тахора, и никакой благородный рыцарь не пришел ей на помощь.

Тахор сражался с летучими мышами. И убивал их десятками, но они не отступали. Жажда мести и смерти охватила их. Безумная жажда, из-за которой гибнут мелкие царства и приходят в упадок большие.

Тахор был быстр и силен, но мышей было слишком много – и некоторые из них добиралась до демона, несмотря на все его четыре великолепных инструмента для убийства. Несмотря на то, что он подключил к этой тяжелой работе еще и ноги, давя недобитых летучих тварей.

Писк стоял невообразимый. Пещера наполнилась запахом крови. И это была не только мышиная кровь. Кровь зеленокожего демона оказалась черной.

Смешиваясь с кровью мышей, она начинала дымиться, меняя цвет на красный, и подниматься вверх колеблющимися испарениями. И вскоре пол пещеры словно покрылся сетью кровавых ручьев. Гизелла взобралась на камень с краю и прижалась к нему, не смея от ужаса двигаться дальше.

На самом деле битва длилась недолго. За это время даже лучший мясник не успел бы разделать тушу даже самого маленького поросенка. Но принцессе казалось, что прошла целая ночь. И ночь, наполненная кошмаром!

Она пришла в себя только тогда, когда Тахор тронул ее плечо кончиком

хвоста.

– Ты жива, принцесса?

– Где мы? – пробормотала сквозь не до конца сброшенное оцепенение принцесса и лишь потом окончательно очнулась. Она задрожала от отвращения, увидев черную кровь, вытекающую из рваных ран Тахора. Но еще отвратительнее была запекшаяся кровь, к которой прилипли куски кожистых мышиных крыльев.

– Жаль, что ты не ранена, – пророкотал Тахор. – А то бы я не удержался и сам откусил от тебя кусочек, как хотела мышь! – Он зарычал и, протянув черный волосатый хвост с голым кончиком, погладил принцессу по плечу, отчего та вздрогнула, словно от удара бича. – Ты такая аппетитная! Но тебе холодно! Твоя кожа уже как мрамор! Нам надо спешить, а то ты умрешь раньше времени! К тому же, где-то здесь неподалеку живет одна тварь с очень дурным характером, и она наверняка уже почувствовала запах крови. А я бы не хотел с ней встречаться, хоть она и приходится мне дальним родственником. Потому что я уверен, что она об этом не знает!

Тахор снова расхохотался, потом схватил Гизеллу, грубо забросил ее на плечо, словно она была мешком с зерном, а не живой прекрасной девушкой, и двинулся дальше, вниз, во тьму.

4

Обезьяна, которая вела Конана за собой, устала быстрее, чем он. Чего и следовало ожидать. Зверек с такими глазами – добыча хищников, а не мечта самок. Пришлось посадить его на плечо. Обезьянка, казалось, заснула. Конан не стал нарушать ее покой. В конце концов, он и сам неплохой следопыт, и его нос, хоть и не сравнялся с носом животного, но тоже способен указать путь. А здесь путь чувствовался весьма сильно. Красавица, потерявшая изящный серебряный браслет пользовалась благовониями, оставившими ароматный след в пещере, где не было ветра, чтобы развеять его.

Но, в конце концов, и Конан устал. Устал от темноты и неизвестности. Ожидание опасности тоже требует немало сил. Поэтому, когда они вышли на свет, в большую пещеру, киммериец вздохнул с облегчением. Но оно длилось ровно столько, чтобы закончить вдох, с выдохом пришлось задержаться.

В красном свете, который не был ни лунным, ни солнечным, было видно, что пол пещеры устлан мертвыми летучими мышами. И залит кровью. Мыши были обезглавлены, раздавлены, разорваны, у кого-то не хватало крыла, у кого-то лапы. А над побоищем клубился странный красный туман – и стоял отвратительный запах.

Обезьянка задрожала всем телом и уткнулась в человеческое ухо.

– Да, мне тоже это не нравится, – сказал Конан, но зверек, конечно, ничего не мог ответить.

Любой туман таит в себе опасность, но красный туман, образовавшийся из крови, вдвойне опасен. Особено здесь, в глубине Карпашских гор. И хуже всего, что одним жутким видом не ограничивалось. Уши улавливали тихое, но постоянное шипение, как будто выдох старца. Конан непроизвольно напрягся и сжал меч. Внутри красного тумана словно шевелились тени. Или это всего лишь игра воображения!

Шипение стало нарастать. Обезьянка вцепилась в плечо Конана, глубоко вонзив когти. Но он едва замечал это, почти не чувствуя боли, настолько сосредоточился на другой задаче. Он пригнулся и полуприсел, перехватив поудобнее меч.

Обезьянка вдруг резко взвизгнула, и в этот момент Конан тоже увидел это. На него во всю прыть, высоко поднимая ноги, неслось самое жуткое существо, изо всех виденных им прежде.

Двуногое, но с коленями, обращенными назад, с вытянутой головой крокодила и четырьмя передними ними конечностями размером оно было со слона, вставшего на задние лапы, а красная чешуя, покрывавшая кожу почти полностью, явно служила неплохой защитой от меча. Чешуя отсутствовала только на голове, но, судя по остальному, череп у твари мог соперничать по крепости с самой лучшей броней. Чудовище бежало, как боевой петух навстречу врагу – чешуя у него всторопшилась как перья. Оно слегка пригнулось, как раз, чтобы мигом откусить Конану голову. Зверек на плече киммерийца возопил, что было мочи.

Конан отступил на шаг назад, обернулся и заметил большой камень у стены. В один прыжок он оказался на его верхушке, и теперь был вровень с головой атакующего чудовища. Плечо Конана опустело, но некогда было выяснить, куда делась обезьянка. Колени атакующего чудовища подогнулись, и оно повернулось боком, пытаясь замедлить бег. Конан дождался, когда оно окажется в нескольких шагах от него, и прыгнул. Он уже приметил короткий толстый рог на голове жуткой твари и собирался ухватиться за него, но тварь тоже обладала неплохой реакцией. Она мотнула головой, и Конан очутился у нее на спице. Одной ногой на всторопшившейся пластине чешуи. Упервшись мечом в другую пластину, Конан сумел развернуться и прижаться к чудовищу, закрепившись на нем. Так что когда оно попыталось достать врага передними конечностями, раскачиваясь на задних, это у него не вышло. Еще одно усилие – и Конан все-таки сделал то, что планировал. Ухватился за рог.

Тварь зарычала, словно самец крокодила в верховьях Стиksа и, вытянувшись на ногах, почти достав потолка пещеры, запрокинула голову.

Конан оказался спиной вниз, едва ли не висящим на толстом роге. Держаться особенно было не на чем. Рог был слишком большого размера, к тому же совершенно гладкий. Конан изловчился и ткнул мечом в глаз чудовища, но оно успело вовремя закрыть нижнее веко, и удар острия пришелся по нему, а не в относительно податливую роговицу. Раздался щелчок. Конан чуть отвел меч, ожидая, когда чудовище приоткроет глаз, но оно было достаточно умным, чтобы этого не делать. Из-за предательской гладкости рога Конан соскальзывал; медленно, но неотвратимо.

В действительности прошло всего несколько мгновений, но Конану показалось, что не меньше колокола. А потом он увидел обезьянку. Она висела вниз головой, одной рукой цепляясь за щель в потолке, а в другой руке у нее был увесистый камень. дождавшись удобного момента, обезьянка швырнула камень вниз. И камень попал прямо в дыхательную глотку чудовища.

Оно глухо захрипело, покачнулось и открыло глаз. Конан тотчас воткнул в него меч. Хрип стал еще более пронзительным. Все четыре передние конечности жуткой твари принялись быстро, но беспорядочно молотить воздух. А затем тварь повалилась на спину.

Конан успел вовремя соскочить. Чудовище упало и принялось кататься на спине, изгибаясь в конвульсиях, не в силах вдохнуть. Меч все еще торчал у него из глаза. Конан подпрыгнул и ногой вогнал меч еще глубже, потом еще раз. Чудовище дернулось последний раз – и затихло.

Конан выдернул меч. Обезьянка потянула его за плащ.

– Кром меня побери, – сказал Конан. – Теперь я тебе обязан жизнью! А ведь недавно я собирался тобой поужинать! – Он присел и обезьянка снова взобралась ему на плечо, вид имея гордый и довольный.

5

Тьма не способствует ясности мысли. Отвратительный запах тоже. Неизвестность лишь усугубляет все это, вместе взятое. А холод и тряска заканчивают дело.

Принцесса Гизелла окончательно потеряла связь с реальностью. Чем глубже уносил ее демон, тем меньше оставалось нитей с прошлым. Некоторое время Гизелла пыталась всматриваться в темноту, но это только вызвало легкие галлюцинации. В темноте сначала появились цветные пятна, потом эти пятна принялись слагаться в призрачные фигуры, а в довершение всего этого – фигуры задвигались. Не дожидалась, пока они заговорят, Гизелла закрыла глаза и попыталась полностью избавиться от мыслей об окружающем. Перед ее внутренним взором появился монах из Обители Ветра. Он был ее наставником с одиннадцати лет.

Она помнила, как вначале испугалась его пепельной бороды, заплетенной на конце в косичку, и еще больше испугалась его длинной колеблющейся тени, которая падала от огня в большом камине. Но когда увидела его глаза, страх исчез. Мгновенно и бесследно.

Диомад, так звали наставника. Он носил одежду из кусков ткани пяти цветов и обучал Гизеллу науке о превращении пяти стихий. Наука состояла из пяти частей. Учение о живых существах, о строении мира, о душе, о формах и о пустоте. Начали с учения о живых существах и до сих пор дошли только до строения мира. Об остальных трех учениях Гизелла ничего не знала.

Но и первых двух было достаточно для того, чтобы стать не такой, как все. Двенадцать ее братьев и сестер подшучивали над ней, называя монашкой, ибо она пристрастилась к науке настолько, что забросила даже обычные игры – в мяч и прятки. Не радовал ее даже сад-лабиринт, специально разбитый отцом для увеселения детей. В дни, когда она не пребывала в Обители Ветра, не припадала к источнику знания, она была грустна и вяла, проводила время за чтением книг или созерцанием мира с западной башни дворца. Хотя и смотреть-то было не на что. Что увидишь с западной башни? Несколько улочек, крепостные стены, горы вдали, небо с облаками и птицами, да еще мелких противных тварей, снуящих в щелях меж камнями башни. Но Гизелла предпочитала такое сомнительное удовольствие всему остальному.

С закрытыми глазами, лежа животом на плече зеленокожего демона,

уходящего вглубь гор, Гизелла улыбалась, ибо в ее голове звучал голос наставника с пепельной бородой:

«Существа ровные нравом, обитают на равнине, существа, высокие духом, способны возноситься в небо, существа, скользкие умом и нравом, не способные остановиться ни на одной мысли, скользят по воде или плывут в ней, рядом с ее поверхностью. Не таковы существа с перемешанными стихиями, разрываемые ими. Противоположные стихии, смешиваясь, составляют живые существа чудовищной природы, которые стремятся укрыться либо в пучине морской, либо в глубинах гор...»

– Вот здесь мы и отдохнем, – произнес голос из внешнего мира.

Гизелле понадобилось несколько мгновений, чтобы вернуться в него и вспомнить, где она и что с ней. Потом она открыла глаза.

Тахор положил ее на теплый песок и склонился над ней. И вдруг Гизелла как бы внутренним взором непостижимым образом увидела три составляющие демона стихии. Пламя, металл и землю. Земля была его плотью, пламя – духом, а металл – скелетом.

Снаружи он был, словно червь или змея, рождающиеся из земли, а внутри был, как меч, горящий в пламени.

Но стоило Тахору пошевелиться, как видение пропало. Гизелла снова увидела над собой отвратительного демона, похожего на мерзкую ящерицу.

– Ты спиши, принцесса? – спросил он. – Разбудить тебя? – И слегка шлепнул Гизеллу кончиком хвоста по бедру.

Принцесса вскрикнула и сжалась от боли. Кожу будто обожгло. Она даже не представляла себе, что это может быть так больно. Когда за их общие проказы наказывали Мариссу, и она плакала, кусая губы, Гизелла лишь смеялась. Ах, как бы она хотела сейчас повиниться перед любимой служанкой! целовать ее и самой намазывать целебным бальзамом! Марисса! Прости меня! Я не понимала степени твоей боли, не понимала, что ты не кричишь лишь потому, что не хочешь своим криком ранить мою чувствительную душу! Какая я была глупая!

Но теперь Марисса мертва – и убита тем самым хвостом, что лишь слегка шлепнул Гизеллу. Марисса мертва, и не перед кем виниться, не у кого просить прощения. И вину теперь ничем не избыть!

– Ну что, проснулась? – осведомился Тахор. – Смотри у меня, не засни до смерти, а то лишишь меня удовольствия умертвить тебя медленно.

Гизелла огляделась. Демон притащил ее в большую пещеру, где было очень тепло. Даже жарко. На стенах, на потолке, на полу светились красноватые точки, подобные глазам волков.

Гизелла вдруг почувствовала, что песок под ней будто шевелится,

словно это был не песок; а теплый бок какого-то огромного существа, и оно медленно дышало.

– Где мы? – спросила принцесса.

– Все там же, – ответил Тахор. – Под горами. И даже ниже. Под землей. Твой город, твой отец и братья уже где-то наверху, а мы с тобой в глубине земли.

«У врат преисподней», – подумала принцесса. И жара это подтверждает. А еще это движение песка... Неужели правы были те, кто считал, что преисподня – это зверь?

«... ибо, говорят они, грязь всех пяти стихий умножается в глуби земли, гуманность становится слабостью, правила – развратом, долг – распущенностью, мудрость – жадностью, ум – тупостью, чудовищная природа обитателей глубин складывается стократно и тысячекратно, и образует в самой глубине одно большое существо, называемое преисподней, ибо пожирает грязные души, питаясь ими».

Дрожа от ужаса, Гизелла спросила:

– Где твой дом, Тахор? В преисподней?

Тахор в ответ расхохотался. Красноватые светящиеся точки поблекли, песок вдруг прекратил двигаться.

– Преисподня, это там! – сказал Тахор, отсмеявшись, и показал пальцем вверх.

И в этот момент песок под Гизеллой пропал. А вместо него появилось нечто твердое. Тахор встрепенулся и протянул руки к принцессе, но ее отбросило ударом снизу. С истошным визгом она откатилась к стене и уткнулась в нее носом.

Сзади раздался рев Тахора, смешавшийся с каким-то странным, быстрым треском.

Гизелла обернулась и увидела мечущиеся тени. Сначала она не могла ничего разобрать, но потом разглядела тварь, с которой боролся Тахор. У нее было туловище жабы, ноги паука, и рот, как у пиявки, вытягивавшийся из отверстия в костяной маске, которая заменяла твари морду. По верхнему краю маски светились паучьи глаза – два больших и два маленьких, впрочем, может быть, это были и не глаза, а что-то другое.

И тварь была в два раза больше зеленокожего демона. Быстрый треск создавали шипы на ногах, стуча друг о друга. Паучьи глаза были холодны и ничего не выражали, зато рот жадно тянулся к голове Тахора, а три пары задних ног совершили массу ненужных, механических движений. Словно эта тварь была не живым существом, а всего лишь марионеткой в руках кукловода. Но когда рот дотянулся до демона и зубы, сомкнувшись,

оторвали несколько пластин чешуи, Гизелла поняла, что тварь все-таки живая.

Тахор успешно сопротивлялся, но не мог одолеть жуткое создание. Равновесие сил сохранялось – и ни тварь не могла пообедать Тахором, ни он не мог убить ее.

Гизелла обнаружила, что с ее лба по носу стекает светящаяся красным тягучая жидкость. Принцесса с отвращением отерла ее пальцами, а потом принялась вытираять пальцы о стену, и только тогда поняла, что это.

Красноватые точки, освещавшие пещеру, как оказалось, медленно передвигаются. Нечто вроде светящихся улиток без панциря. Ударившись о стену, Гизелла раздавила одно такое существо.

«Я слишком красива, чтобы меня сожрал какой-то паук из глубин преисподней», – подумала принцесса, и в этот момент раздался треск ломаемого дерева.

Гизелла вскрикнула от страха, обернулась, и ей показалось, что на нее бежит эта паукообразная тварь. Но это была всего лишь одна его нога. Она упала возле принцессы, едва не задев ее. Шипы все еще шевелились, но уже не стучали друг о друга.

– Беги, Гизелла! – заорал Тахор.

Гизелла увидела его спину, которая была обхвачена передними лапами этого создания.

Черная кровь текла из-под пластин чешуи Тахора. Спина надвигалась. Тахор изо всех сил сопротивлялся, но жабопаук продолжал теснить его к стене, возле которой на коленях стояла обнаженная принцесса.

– Беги! – снова крикнул Тахор.

Третьего призыва не потребовалось. Гизелла вскочила на ноги и понеслась, что было сил. Она понимала, что только отсрочивает свой смертный приговор, который может оказаться еще хуже, чем смерть в утробе голодной твари, но все равно не собиралась быть чьей бы то ни было едой. Это было бы слишком унизительно.

– Эй! – раздался вдруг голос.

Самый неожиданный голос в таком месте. Голос человека. И принцесса увидела перед собой мускулистую грудь и плечо, на котором сидела седая обезьянка, а в следующий миг ее обхватили теплые сильные человеческие руки.

– Не бойся, я – за тобой, – продолжил голос.

И Гизелла увидела глаза. Синие, как море.

6

Чем дальше пещера уходила вглубь, тем становилось теплее. Конан закинул плащ сначала за спину, обнажив грудь, потом повязал его вокруг пояса. Правильно говорят, что преисподня Зандру расположена внизу, в глубине земли, а в Карпашских горах ближе всего поднимается к поверхности.

И Конану не пришлось слишком долго ждать подтверждения этого. Он услышал впереди сначала пронзительный женский визг, потом жуткий рев, и, наконец, шум битвы. Обезьянка на плече встрепенулась и крепко ухватилась за его волосы. Она правильно сделала, эта умная тварь, потому что в следующий миг Конан бросился вперед так быстро, что иначе ей бы не удалось удержаться.

Затем раздался еще один женский крик. На этот раз не такой продолжительный. Но не менее отчаянnyй.

Конан вбежал в пещеру, где стояла жара, как в большой кузнице, а на стенах, на полу и на потолке – повсюду, словно светились красные волчьи глаза. Так и должно было выглядеть преддверие преисподней.

И в этом преддверии боролись два существа. Одно другого ужаснее. У одного была кожа, покрытая зеленою чешуей, длинный гибкий хвост, которым он орудовал как осминог щупальцем, гребень с острыми шипами, начинающийся на голове и проходящий через сгорбленную спину, и желтые глаза с вертикальными зрачками, как у змеи. Второе напоминало жабу, у которой отрасли паучьи ноги, рот вытянулся и стал, как у пиявки, а вместо лица была костяная маска. Оно было в два раза больше противника, но судя по оторванной ноге, которая лежала за спиной зеленокожей твари, счет был не в его пользу.

Зеленый демон ревел и рычал за двоих, зато его жабоподобный противник не издавал ни единого звука.

А навстречу Конану, не видя его, бежала обнаженная девушка. Она была прекрасна! Длинные черные волосы падали на бледную снежную кожу. Красные губы были подобны лепесткам болотной орхидеи.

– Эй! – крикнул Конан.

И увидел пронзительные черные глаза девушки с расширившимися от испуга зрачками. Что, пожалуй, делало ее еще более привлекательной. Она стояла так близко, что Конан чувствовал уже не только аромат благовоний, окружавший девушку, но и запах ее пота. Кожа ее лоснилась от жары и

страха.

Он не удержался и обнял дрожащую незнакомку.

– Не бойся, я – за тобой, – сказал он, прижимая ее к себе.

– Бежим! – воскликнула девушка, вцепившись в руки Конана так сильно, что ногти ее глубоко впились в его кожу. – Ты силен, это видно, но ты всего-навсего человек...

– Честно говоря, я бы предпочел посмотреть, кто из этих двоих победит, чтобы знать, кто пустится за нами в погоню. Кто из них притащил тебя сюда?

– Бежим, бежим... Он убил всех! – кричала девушка.

Слезы вдруг обильно хлынули из ее глаз. Она снова, задрожала, но теперь озnob сотрясал ее всю. Голова ее запрокинулась, ноги ослабли. На самом деле она скорее готова была упасть, чем бежать. Да и вряд ли с босыми ступнями ей бы удалось бежать быстро.

Конан подхватил ее на руки и прижал к себе.

– Наверное, ты права... – сказал он и кинулся прочь, надеясь, что хорошо запомнил путь.

Запах больше не мог вести его, поскольку был непосредственно с ним.

Люди верят, что все их грехи тяжелы и естественным путем притягиваются глубиной земли, уходят в подземные области, скапливаются там, в пустотах и образуют всяких чудовищных тварей.

Жадность человеческая превращается в глубине земли в различных жаб, жадность стяжателей и мздоимцев превращается в жабу с паучьими ногами, что питается другими созданиями преисподней и способна ждать в засаде тысячи лет.

Тахор людям не верил. С таким же успехом можно верить в то, что и сами люди являются чьими-то грехами. Это полный бред. Вот он, Тахор, существо из плоти и крови. Он родился под землей самым обычным для человека способом, и пока рос, питался телом своей матери, что умерла при родах. Никаких сгущений греха, ни каких превращений стихий. Но иногда человеческий бред, как ни странно, находит свое физическое воплощение. Эта безмолвная тварь, выскочившая из засады, чтобы сожрать честную добычу Тахора, и была одним из таких воплощений. Правда, рта пиявки в представлениях людей не было, но бред редко бывает детальным. Ноги демона жадности крепились к телу довольно плохо, сочленения были тонкими и хрупкими, будто жабье туловище на самом деле являлось каким-то придатком, легким пузырем, полым внутри, а истинное тело твари состояло из одних лишь конечностей. Хорошим ударом хвоста Тахору удалось отсечь одну из задних ног. Но больше демон не давался. Его передние лапы работали быстро и точно. Тахору только и оставалось заботиться о том, чтобы не пропустить удар. Он ушел в глухую оборону и даже слегка позабыл о собственном хвосте. Только когда жабопаук прижал Тахора к стене, пришлось вспомнить о нем, ибо пиявочный рот вытянулся еще больше, и тварь принялась жрать чешую с груди Тахора. Прежние попытки оторвать хвостом отросток рта ни к чему не приводили. Чудовище умело очень быстро втягивать его в отверстие в костяной маске. И даже успевало по пути прихватить волосы с хвоста Тахора. Но на этот раз оно просчиталось, высунув рот слишком далеко. Хвост Тахора захлестнулся петлей вокруг отвратительного отростка, прежде чем тварь сумела втянуть его. Рот широко открылся, из него потекла какая-то красноватая жидкость, и он еще раз дернулся назад. Но Тахор сжал петлю хвоста изо всех сил, а потом дернул вниз. Отросток разорвался. Часть с зубами упала под ноги Тахора, и он с удовольствием наступил на нее ногой, а оставшаяся часть

втянулась в панцирь. Передние конечности жабопаука поднялись, словно в мольбе, и застыли. И Тахор оторвал их.

Тварь опомнилась, попятаилась назад и попыталась снова зарыться в песок. Но сопротивляться ей уже было нечем, и Тахор с остервенением принялся рвать ее на куски.

Жабье туловоище действительно было большей частью полым. Когда Тахор разодрал сверху кожу, из раны наружу полезли пузыри, вроде рыбых, только было их множество, и они соединялись между собой в гроздья, как лягушачья икра. Только в лягушачьей икре есть плоть, в этих же пузырях имелся лишь вонючий воздух.

Убив тварь и сполна насладившись победой, Тахор огляделся в поисках принцессы. Он позабыл о ней в пылу битвы, позабыл вообще обо всем и ничего не видел и не слышал, кроме врага, но теперь, когда враг был повержен, мысли о Гизелле снова завладели им. Он вдыхал воздух и ощущал ее аромат, правда, не такой сильный, как был, когда он нес ее на плече. Но Гизеллы нигде не находилось. Тахор заглянул в яму, в которой в засаде сидел жабопаук, но песок осыпался, и никаких следов Гизеллы заметно не было. Последний раз он видел ее у стены, когда предупредил криком. Но что он кричал? Тахор не мог вспомнить.

Он подошел к стене. Кажется, вот здесь принцесса стояла на коленях. Он наклонился и увидел раздавленную огненную улитку. Слизнув ее языком, он выпрямился и поглубже втянулся в себя воздух. К аромату Гизеллы примешивалось еще что-то. Что-то знакомое.

В задумчивости Тахор съел еще десяток огненных улиток и посмотрел в том направлении, откуда пришел с Гизеллой. Неужели глупая девчонка направилась назад, в надежде выбраться? Но ведь она была без сознания, когда Тахор принес ее сюда.

Тахор направился к входу, а оказавшись возле него, вдруг понял, откуда ему знаком посторонний запах. Запах человека и запах его одежды. Кожа, пот и верблюжья шерсть. Острый и ненавистный человеческий запах!..

Тахор глухо зарычал. Кто-то шел за ним и посмел увести от него трофей, добытый в честной битве. Он поплатится за это! И Гизелла тоже поплатится, она умрет в еще больших муках, чем он планировал сначала.

К запаху человека и благовониям Гизеллы примешивался еще один запах. Старого и больного животного. Это было странно. Или Тахор ошибался, и это был не человек, а какое-то неведомое существо, рожденное от женщины, изнасилованной зверем?

Все равно. Никто еще не крал у Тахора!

Гизелла рассказала все. В той мере и с теми подробностями, которые только возможны в рассказе на руках человека, который бежит в почти кромешной тьме. Лишь кое-где светились улитки, плесень или грибы, похожие на коровьи языки, только прозрачные, словно стекло.

Она рассказала об отце, которого редко видела, даже еще реже, чем остальные дети, о наставнике по имени Диомад, о храме Вина и Крови, куда направилась вместе со своими любимыми служанками Мариссой и Хлоей, и о том, что, когда напал демон, дремала на шелковых подушках в паланкине и мысленно разговаривала с наставником, правда, она забыла, о чем. Когда она выглянула из паланкина, все было кончено. Кругом валялись изуродованные трупы. Она хотела закричать, но демон зажал ей рот ладонью, а потом сорвал с нее все одежды и потащил в горы. Демон обещал убить ее медленно и мучительно. И, несомненно, поступит так же с тем, кто осмелится помешать ему.

– Мы обречены, обречены! – воскликнула принцесса, изо всех сил прижавшись к могучей груди Конана.

Он не отвечал, сберегая силы – скоро, возможно, они понадобятся ему все без остатка. Но, не разделял мнения Гизеллы. Пока человек жив, у него есть хотя бы один шанс прожить еще, и успеть выпить хотя бы одну чарку вина. А сколько этих чарок будет, в конце концов, не так уж и важно, да и не может быть ведомо человеку, одни боги знают, что они предуготовили для каждого. Но отдаваться на волю отчаяния определенно не нужно.

Гизелла тихонько всхлипывала. Она чувствовала удивительную силу, исходящую от киммерийца, и постепенно успокаивалась. Он нес ее так, словно она была не женщиной из плоти и крови, а шелковой подушкой, набитой невесомым пухом. И в нем нисколько не ощущалось напряжения, сердце его билось ровно, как будто он отдыхал после обеда в своем дворце.

Уловив вдали рев, Конан остановился и прислушался. Рев раздался еще раз. Более явственно. Преследующий их демон был настолько уверен в себе, что не собирался скрывать своего присутствия.

– Ах, он догоняет нас! Конан, сделай же что-нибудь! – снова взволновалась Гизелла.

– Он догоняет нас, но мы уже близко к той пещере, где мы убили бескрылого красного дракона.

– Мы? – удивилась Гизелла. – Ты бредишь, Конан? Мы с тобой еще

никого не убивали.

– Нет, принцесса. Убить дракона мне помогла обезьяна.

Зверек, сидевший на плече Конана, словно понял, что речь идет о нем, и коротко вскрикнул, при этом шерсть на его голове всторопшилась, а морда сморщилась – и он совсем стал похож на сварливого старца.

– Но чем нам поможет эта пещера? – спросила Гизелла.

– Там можно занять выгодную позицию для боя. Кроме того, там множество трупов, и демон не учуяет нашего запаха. По крайней мере, я на это надеюсь. А если все так, то у нас есть немалые шансы победить его.

На самом деле Конан не был уверен ни в чем, из того, что заявил, но сказать откровенно, что у него нет никакого плана действий, значило обрести рядом чересчур взволнованную, если не паникующую женщину, а вот это точно было ни к чему.

Гизелла поверила.

– Когда мы выберемся, я попрошу отца сделать тебя полководцем, – заявила она. – А лучше всего, чтобы ты был начальником внутренней дворцовой стражи. Тогда я смогу каждый день видеть тебя и каждый день благодарить! Я больше не буду дурной девчонкой, которая не знает благодарности, потому что считает, что на все на свете имеет право!

– Тише! – сказал Конан, заметив впереди отблески колеблющегося света.

Они вошли в большой зал, с потолка которого свисали длинные белые сосульки. Он был в несколько раз больше тех, где они побывали раньше. В нем имелось множество уступов разного уровня, а в стенах виднелись многочисленные проходы и щели. Но самое главное – в нем горел огонь. Слабый, едва заметный, но огонь.

Посреди пещеры, на одном из уступов, возле тлеющих углей сидела странная компания. Это, несомненно, были люди, но все страшно худые, уродливые и почти голые. Волосы у людей были длинные, грязные и спутанные. Время от времени то один, то другой подбрасывал в огонь что-нибудь и ворошил угли палкой. В этом действии принимали участие все, кроме единственной женщины, чудовищно огромные груди которой, были скреплены широким ремнем – длинные сморщеные соски находились на уровне ее пупка. Она не принимала никакого участия в поддержании огня. Хотя в руках тоже держала палку, потрясая ей. Но не короткую и тонкую, как у остальных, а длинную и толстую, на конце которой был закреплен человеческий череп. С черепа на веревочках свисали мелкие амулеты, издававшие треск, стуча друг о друга. Это был древний шаманский посох, символ власти у пещерных людей. Женщина подняла голову и пристально

уставилась на непрошеных гостей.

– Кром! Кажется, мы свернули не туда! – воскликнул Конан и в тот же миг какой-то увесистый и весьма твердый предмет опустился на его затылок.

Взгляд Конана потерял осмысленность, он упал на колени, а потом рухнул лицом на каменное крошево, придавив принцессу. Обезьянка стремительно кинулась к щели в стене и забилась в нее. С уступа возле входа спрыгнул дикарь с камнем в руке, обнюхал поверженного чужака, потом – щель, в которую забилась обезьяна. Сунул туда руку, но зверек укусил его за палец и забился еще дальше. Дикарь фыркнул и сплюнул.

Обезьянка перестала интересовать его, зато обнаженная девушка заинтересовала гораздо больше. Он присел возле нее и рассматривал, покачивая головой, пока грудастая женщина со спутанными волосами не подошла и не ударила его палкой. Он снова фыркнул, но теперь жалобно, и на четвереньках отбежал в сторону. Вид у него был еще хуже, чем у остальных. Кожа была красной и бугристой, как будто его недавно сварили. Из приплюснутого, вогнутого носа торчали клочья седых волос. Зубы были черные и гнилые, как у всех в пещере, зато имелись длинные, волчьи клыки, торчавшие даже из закрытого рта.

Другие пещерные люди попытались поднять Конана, но он оказался слишком тяжел для них, и его пришлось откатить, чтобы извлечь девушку. Когда Гизелла выпрямилась, грязные дикари закружились вокруг нее, издавая хриплый смех, больше похожий на кашель, подпрыгивая и тряся головами, а потом кинулись к ней, схватили за руки и потащили в один из темнеющих проходов.

9

Обезьяна сидела в щели тише мыши, дрожа от страха, не решаясь вылезти. Она слышала приближающийся рев зеленокожего демона. Слышала его быстрые шлепающие шаги, отдающиеся в камне. Конан тоже был тише мыши. Он без сознания лежал рядом с убежищем обезьяны, куда его откатили грязные дикари. Обезьяна видела его затылок со слипшимися от крови волосами.

Шаги демона приблизились. Он вошел в пещеру и остановился у входа, уставившись на тлеющий очаг дикарей. Из-за какой-то неведомой прихоти богов он не смотрел вниз, иначе сразу бы увидел лежащего Конана. Ноздри его втягивали воздух, насквозь пропитанный зловонием дикарей.

Другие человеческие запахи растворились в этом зловонии, остался только особый неистребимый аромат Гизеллы. Эти два насильно совмещенных запаха вызывали у Тахора непрерывное глухое рычание. Он в ярости хлестнул хвостом по ни в чем не повинному камню, побежал к очагу и принял с остервенением топтать его, раскидывая искры.

— Ублюдки! Твари! Мерзкие людишки! — сквозь рычание говорил он, потом, не до конца погасив очаг, бросился вслед за ушедшими дикарями. — Вы поплатитесь! — донесся его возглас, прежде чем затихли шаги.

Конан простонал и пошевелился. Первым делом, очнувшись, он ощупал меч у себя на спине, убеждаясь в его присутствии. Будь пещерные люди меньшими дикарями, они наверняка бы стащили оружие. Хотя бы, чтобы обезопасить себя. Но они, скорее всего, просто не догадались, что это оружие. Наверное, они никогда не видели меча в действии. Ничего, если судьба все еще благоволит к нему, они скоро увидят — и это будет последнее зрелище в их поганой жизни!

Потом Конан тщательно ощупал рану на затылке. Ничего страшного. Кость не повреждена. Но голова, тем не менее, раскалывалась от боли. Тьма плыла перед глазами, звуки доходили как сквозь вату, и он долго не мог обнаружить костер. А когда все-таки обнаружил, то понял, что пещера пуста.

Кром, они увезли ее! Конан поднялся на ноги.

Обезьянка! Он наклонился, чтобы зверек сумел забраться к нему на плечо. Маленькие пальцы дотронулись Конану до виска — и он вдруг ощутил облегчение. Оказывается, обезьянам известна точечная терапия!

Боль стала глуше, чувства постепенно возвращались в норму.

Конан вдруг вспомнил о зеленокожем демоне. Его гневный рев раздавался уже близко, когда они вошли в пещеру. Но сейчас кругом была тишина. Конан принялся искать следы. Не слишком много следов остается в каменной крошке, но хороший следопыт сумеет найти их. И вскоре Конан выяснил, что Тахор прошел мимо. И оставил Конана в живых! Тогда, когда мог одним ударом прикончить его, решив проблему. Этому было только одно объяснение. Обуреваемый яростью и страстью, Тахор оказался слеп и глух, как раз тогда, когда проходил мимо.

Конан улыбнулся. Кром не оставил заботой свое дитя. Он продолжил читать следы и нашел, по какому из выходов увели принцессу. Ужасная вонь пещерных людей и аромат Гизеллы, смешанные друг с другом, вызывали у Конана ярость и гнев не меньше, чем у Тахора, но, в отличие от демона, он был человеком и умел сдерживать страсти.

Он направился следом за дикарями с большими предосторожностями. Не хотелось получить еще один удар камнем по затылку. Не стоит испытывать милость Крома.

10

Гизелла не могла кричать. В рот ей засунули камень, обернутый в лоскут кожи, и прикрепили его тонким ремнем к затылку. Принцессу тошнило, лоскут кожи был вонюче-кислым, от него исходил отвратительнейший запах.

Гизеллу тщательно привязывали к большому куску ствола окаменевшего дерева, формой напоминающего человека. Обрубки ветвей были похожи на руки и ноги. После нижних ветвей ствол кончался. Гизеллу положили лицом кверху, затылок ее опустился в небольшое углубление, веревками закрепили шею и голову, вокруг лба, потом развели руки и ноги, привязали их, и, наконец, тонкой бечевкой обмотали сверху и снизу груди.

Гизелла пыталась отогнать мысли о том, что должно сейчас случиться. Но не могла полностью избавиться от них. Она догадывалась, почему среди пещерных людей только одна женщина с большими грудями, возраст которой определить было так же трудно, как и возраст остальных.

Они все были татуированы с головы до ног, и в татуировку нанесена краска. У некоторых татуировка почти полностью заменяла одежду, если не, считать кожаного чехла, надетого на гениталии. О подобных племенах она знала от наставника Диомада.

«Есть племена в глубинах гор, которые выходят наружу только в безлунные ночи, – говорил Диомад. – Ибо глаза их поражены какой-то страшной болезнью, одни ученые считают, что это мелкие черви, другие – что изменения самой формы глаза, вследствие долгого пребывания под землей, а третья вообще утверждают, что поражены не глаза, а души, и пещерные люди испытывают сильнейшую панику перед светилами дня и ночи. Как бы то ни было, а все сходятся на том, что для них нестерпим белый свет, как свет солнца, так и свет луны. Но когда они выходят в безлунные ночи, они крайне опасны, ибо не только добывают пропитание и топливо для огня, но и похищают детей. Иные же рассказывают, что пещерные люди крадут женщин, а когда они рожают дитя, убивают их. В самих племенах женщин нет».

«Есть, учитель!» – хотелось прокричать Гизелле. Как бы она хотела сообщить Диомаду о своем открытии!

Над ее лицом нависал огромный сталактит необычной формы. Сталактиты должны быть шире у основания, чем внизу, иметь форму

конуса, а этот, наоборот, даже утолщался в конце. Влага, стекающаяся по нему, скапливалась в каплю. Капля уже дрожала, готовая упасть. Гизела закрыла глаза.

Потом она услышала женский вопль и свист рассекаемого воздуха. Невольно она открыла глаза и увидела, как палка матери племени сбивает падающую вниз каплю. Раздались возмущенные возгласы мужчин.

– Кхару, кхару! – впервые услышала Гизелла хоть что-то, похожее на слова.

Она не знала, действительно ли это что-то осмысленное, или просто так случайно сложились звуки.

– Кхару мора! – взвизгнула женщина.

Определенно, слова, решила Гизелла. И тут мужчин как будто прорвало. До этого молчавшие, они вдруг наперебой разразились быстрым бормотанием. Постепенно разрозненные голоса слились в хор. Ритм то нарастал, то замедлялся, не слагаясь в мелодию, но завораживая. Это было удивительно. Слушая хор, Гизелла позабыла, что это голоса грязных пещерных дикарей. И вдруг осознала, что понимает слова. Это был древний язык, на котором проводились службы в храме Вина и Крови. Он был искажен, и, к тому же звучал в весьма необычном месте, и при необычных обстоятельствах, вот поэтому Гизелла не сразу распознала его.

«... и увидел прекрасную женщину вместо безобразной твари. Приблизился к ней и узнал в ней свое творение. И тотчас возжелал ее, предстал перед ней и соблазнил ее. Ибо не может ни одна земная женщина противостоять чарам небесного бога. Вошел в нее глубоко, как змея входит в нору. И от него родила она девять сынов. Девять мужчин, прекрасных, как сама, и сильных, как он».

Потом они принялись повторять фразу: «Вошел в нее глубоко, как змея входит в нору» и стали касаться ног Гизеллы. Она задрожала от отвращения.

Над ее головой протянули веревку, и на этой веревке она увидела один из кожаных чехлов, составлявших одежду дикарей. Прикосновения к ногам стали более продолжительными и влажными. Запах возбужденных мужчин стал гораздо сильнее. К первому чехлу присоединился второй.

Палка матери племени снова свистнула в воздухе, сбивая каплю.

Хор мужчин все быстрее и быстрее произносил фразу: «Вошел в нее глубоко, как змея входит в нору». Слова слились от быстроты в бессмысленный тревожный гул.

На веревке появился третий чехол.

Сердце Гизеллы билось, как у зайца, убегающего от тигра, вот-вот

готовое вырваться из груди, когда она вдруг руг услышала знакомое рычание.

– Твари! – раздался голос Тахора. – Ублюдки! Эта дева – моя!

Гизелла даже обрадовалась этому голосу. Лучше смерть, чем позорная жизнь матери пещерных дикарей!

Послышились звуки борьбы. Они, то отдалялись, то приближались. Вопли дикарей были не менее громкими, чем рычание Тахора.

Гизелла увидела тень руки, а потом и саму руку с жутким костяным ножом с зазубринами. Нож в темных разводах, не иначе от крови, был занесен над ее лицом. Гизелле хотелось закричать, она зажмурилась и сильно дернула головой – и в этот момент нож опустился.

Гизелла не почувствовала боли. С ужасом она открыла глаза и обнаружила, что может открыть и рот. Камня, завернутого в лоскут вонючей кожи, во рту больше не было. Гизелла закричала.

– Тише! – послышался голос матери племени.

Костяной нож снова поднялся и опустился. Гизелла смогла повернуть голову.

– Беги! – сказала мать. – Ты должна бежать!

И она быстро разрезала остальные путы. С болью в спине и шее, Гизелла поднялась на своем ритуальном ложе.

Тахор метался по пещере, убивая пещерных дикарей. Как выяснилось, это было не так просто сделать. Дикари обладали почти невозможной прыткостью. Они прыгали по пещере, словно блохи, и при каждом удобном случае разили зеленокожего демона – дубиной или камнем.

– Быстрее, дура! – поторопила мать и в подтверждение своих слов столкнула Гизеллу с ложа.

Гизелла упала на теплый песок, приземлившись на четвереньки, словно кошка, и едва не уткнулась носом в разодранный труп дикаря. Но это оказался не совсем труп. Он еще дышал. У него не было правой руки, а он продолжал цепляться за жизнь.

За принцессу он тоже решил уцепиться. Приподнявшись на левой руке, он зарычал, харкая кровью, и попытался отхватить у Гизеллы кончик носа. Она отпрянула, невольно ударив умирающего в челюсть. Он стукнулся головой о песок и затих.

– Кхару! – завопила мать племени.

Гизелла обернулась. Женщина лежала на стволе дерева в таком же положении, как и Гизелла несколько мгновений назад. Бедра ее при этом двигались, словно она уже принимала в себя великого любвеобильного бога. Она протянула руки к грудям и расстегнула ремень,держивающий

их. И груди сверзились по обе стороны, как полупустые бурдюки.

– Кхару! – завопила женщина еще громче.

И зову вняли. Так, по крайней мере, показалось Гизелле в первый момент. Из темноты вылетел обнаженный мужчина и упал в объятья матери. Она закричала от страсти и прижала его к себе. Но тут же сбросила вниз, обнаружив, что у него нет головы.

– Грязная псина! – произнес голос Тахора, и он возник над распластершись на стволе дерева матерью.

Она снова закричала. Теперь – от ужаса. И это уже был последний ее крик. Хвост Тахора вонзился в нее так же глубоко, как змея входит в нору, но слишком быстро, грубо и слишком глубоко – через мгновение он вышел у нее из шеи.

– Ты этого хотела, тварь? – осведомился Тахор, но ответа, конечно, не мог получить.

Гизелла опомнилась и полезла в какую-то дыру в стене пещеры. Тьма вокруг была теплой и влажной. Гизелла почувствовала странное возбуждение, вдвойне странное после того, что только что случилось. Она ждала, что хвост Тахора обовьется вокруг ее ног и вытянет наружу, но этого не произошло. То ли в пылу битвы Тахор не заметил бегства принцессы, то ли у него были особые планы. Гизелла подумала, что смысла в ее бегстве немного. Вряд ли она действительно сумеет выбраться из горы. Разве что погибнуть самостоятельно или еще ненадолго отложить мучительную смерть, которую ей обещал Тахор.

Становилось все жарче и труднее дышать. Голова сделалась тяжелой, как снаряд для баллиста. Гизелла уже подумывала, не повернуть ли ей обратно, как вдруг впереди забрезжил неясный свет, словно от неплотно закрытой заслонки печи. Гизелла остановилась. Вполне может быть, что она добралась до преисподней, хоть Диомад и отрицал её существование, как реального места. Ну, или, по крайней мере, до неугасимого пожара в пустотах земли. Во всяком случае, любопытно посмотреть, что там.

Гизелла поползла еще медленнее и осторожнее, иногда ощупывая стены лаза кругом. Вскоре сделалось настолько светло, что она смогла разглядеть черную поверхность стен, искрящуюся мелкими вкраплениями минералов.

Она услышала прерывистое шипение, словно на сковородке жарилось мясо. Так и должно быть в преисподней. Гизелла проползла еще немного, соблюдая осторожность, но вдруг обнаружила, что находится на краю обрыва. Сердце Гизеллы подпрыгнуло к горлу, а потом спряталось где-то внизу живота.

Лаз заканчивался в почти отвесной стене, которая уходила вниз на неизвестно какую глубину. На дне пропасти текла огненная река, служившая единственным источником света здесь, и определить расстояние до нее не представлялось возможным. Ибо Гизелла никогда прежде не видела огненных рек, и не знала, какой ширины они обычно бывают.

Она ожидала, что сумеет разглядеть на берегах реки тварей наподобие Тахора или той жабы с паучьими лапами, сражаясь с которой он упустил Гизеллу. Но, как ни старалась, ничего не увидела. Берега были пусты. Шевелилась только сама река.

Это было заметно по перемещению светлых, темных и полностью черных пятен, которые наползали друг на друга, кружились, сужались, расширялись. Она, эта огненная река, текущая по дну подземной пропасти, была похожа на текущую по дощатому полу эшафота кровь детоубийцы.

Когда-то в детстве, совсем еще маленькая, едва умеющая говорить, но не знающая, что говорить, Гизелла увидела казнь. Казнили ужасного преступника, умертвившего своих детей из-за того, что после смерти жены он не желал себе никакой обузы. Гизелла узнала это потом, спустя много лет, а тогда она просто видела, как на площади, на большом эшафоте, при скоплении огромной толпы, расчленяют человека. Словно вошь, словно мерзкое насекомое. Преступника казнили четверо палачей, сдирая с него, живого, кожу при помощи специальных ножей. Они сдирали ее маленькими кусочками, падающими на пол, смешиваясь с кровью, которая текла багровой рекой, сверкая на солнце.

Гизелла задрожала от отвращения, снова испытав потрясение, заставившее ее навсегда отказаться от общения с толпой. Она не появлялась ни на официальных аудиенциях, ни на праздниках. За это сестры и братья называли ее отшельницей.

Она на мгновение прикрыла глаза, чтобы попытаться избавиться от ужасного воспоминания, а когда открыла их, то новый ужас предстал перед ней. Прежде она не заметила ужасных тварей, но они были. Обитатели огненной преисподней поднимались по стенам. Поднимались к Гизелле.

Они были похожи на черепах, у которых вместо ног имелись щупальца, и не четыре, а множество. Гизелла не смогла сосчитать их. Щупальца извивались как змеи в любовном экстазе, ни мгновения не находясь в покое. Глаза этих тварей были открыты и не мигали.

Гизелла вспомнила отрывок из книги о чудесах, которую она любила читать перед сном в присутствии своей любимой служанки Мариссы, которая держала светильник:

«Когда они достигли верхней преисподней, называемой так, потому что она находится наверху, над большой преисподней, которая, в свою очередь, располагается над глубокой преисподней, самым ужасным было то, что они увидели много необычных животных. Ибо большинство этих животных – чудовища, имеют вид страшный и свирепый. Ибо питаются другими живыми существами и никогда не спят. Чудовища, которые не спят, суть наиболее отвратительны человеку. Ибо спящие чудовища могут иногда быть не опасны человеку, чего нельзя сказать о неспящих».

Это они! Неспящие твари!

Гизелла всегда считала эту книгу странной и фантасмагорической. Ей казалось, что тот, кто написал ее, был безумен, ибо только безумцу могут сниться такие страшные сны. Но это были не сны.

Гизелла хотела двинуться назад, но обнаружила, что ей не на что опереться. Кроме того, из-под груди Гизеллысыпался черный песок, и она медленно, но верно, сползала вниз, ибо лаз имел некоторый уклон. Когда она дернулась, песок посыпался еще больше. Она закричала и забила ногами, как пойманная рыба хвостом, но, как и следовало ожидать, это только ускорило ее скольжение к пропасти. Тщетно она ломала ногти о камень. Кругом не было ни одной щели, за которую можно было бы зацепиться.

А твари внизу остановились, сообразив, что еда сейчас сама свалится к ним, и не надо затрачивать лишних усилий. Они раскрыли рты, оказавшиеся неожиданно большими, и принялись приседать, как будто в ритуальном танце. На самом деле никакой это был не танец. Гизелла однажды видела, как подобным образом приседала саранча перед полетом. Зубы ужасных тварей напомнили Гизелле о специальных ножах для сдирания кожи с детоубийцы. Она закричала и снова дернулась. И оказалась по пояс над пропастью. Больше ничто не удерживало ее в лазе, и она упала навстречу открытym ртам неспящих подземных чудовищ. Но рты так и не дождались. Вокруг талии принцессы неожиданно что-то обвилось и потянуло наверх. В первый миг она подумала, что досталась на ужин какому-то удаву, но это был не удав. Черный волосатый хвост, голый на кончике, будто у крысы.

– Хотела сбежать от меня? – раздался знакомый голос.

Тахор! Гизелла готова была обнять его, настолько была рада, что избежала участи приговоренного за детоубийство.

– Так просто вот взять и разом покончить с собой? А как же все те муки, которые я тебе обещал? – поинтересовался Тахор.

И странно, но в его голосе принцессе почудилась даже какая-то

нежность, или это всего-навсего была страсть палача к предуготовленной жертве?

Руки Тахора развернули Гизеллу лицом к нему и поставили на твердую почву. Она оглянулась через плечо. Обитатели огненной преисподней снова устремились вверх, быстро перебирая щупальцами.

— Похоже, нам следует продолжить разговор в другом месте, — заметила Гизелла.

Тахор отодвинул принцессу в сторонку и склонился над пропастью.

— Ты права! — воскликнул он, но вместо того, чтобы перебросить пленницу через плечо и уносить ноги, вдруг быстро вскинул руки и прыгнул вниз.

Так, по крайней мере, показалось Гизелле. От неожиданности она едва не устремилась вслед за ним, но тут ее кто-то схватил за руку, грубо и сильно. Но это было прикосновение не демона, а человека.

Гизелла обернулась. Конан! А она уже считала его погившим!

В руках у Конана был посох с черепом. Погох матери пещерного племени.

11

Следуя за дикарями и Тахором, едва сдерживая ярость, Конан добрался до священной пещеры как раз тогда, когда женщина с большими грудями освободила Гизеллу для того, чтобы занять ее место. Битва дикарей с Тахором была в самом разгаре.

– Кхару! – призывала женщина, устроившись на обрубке дерева, разведя ноги и поводя бедрами. – Кхару!

Но мужчинам пещерного племени было не до этого. Они были увлечены только двумя, тесно связанными между собой целями – убить зеленокожего демона и выжить самим.

Появилась и третья цель, но ее заметили не все. И не сразу. Только после того, как двое погибло, увернувшись от Тахора и напоровшись на меч черноволосого гиганта.

Он убивал менее эффектно и гораздо медленнее, но был так же опасен, как демон. Люди пещерного племени впали в панику.

И, тем не менее, никто не сбежал. Ни Конан, ни Тахор не задавались этим вопросом, но суть была в том, что подземные дикиари находились в святая святых своего дома, бежать было некуда, ибо эта пещера и была их первым и последним прибежищем. Во всем виновата была их глупая вера. Они быстро гибли под ударами двух врагов, не замечающих друг друга.

Раздался женский крик, отвлекший Конана и чуть не стоивший ему жизни. Хорошо, что дикарь споткнулся о камень и удар его дубины пришелся по пустому месту. Он не ожидал этого, и его повлекло вслед за дубиной, под меч киммерийца, до которого как раз дошло, что кричала не Гизелла, а грязная женщина с большими грудями. Увидев, что ситуация сложилась в его пользу, он быстро довел дело до финала, срубив противнику голову.

И тут же вынужден был упасть на землю, чтобы избежать удара хвоста Тахора. Хвост пронесся над ним, зацепив какого-то дикаря наверху, ломая ему шею. Мертвое тело с лицом, обращенным к затылку, свалилось на Конана. Он выскоцил из-под него и разрубил грудь другому дикарю, который держал увесистый камень над головой и вопил от ужаса.

Тахор склонился над женщиной, разодранной едва ли не надвое. Она, в некотором смысле, была еще жива. Тело дергалось в предсмертных конвульсиях.

– Ты этого хотела, тварь? – спросил демон у мертвой женщины, почти

уткнувшись носом в ее развороченное горло.

Конана вполне устраивало, что Тахор не видит его. И киммериец хотел бы, чтобы так и продолжалось. Поэтому снова вжался в землю, слившись с окружающими камнями.

В пещере повисла тишина. Кажется, пещерное племя полностью было мертвое. В короткое время оно скопом пересекло рубеж смерти, оправившись за предел существования. Наверное, так для них было лучше. Вместе не так скучно и грустно в мрачной стране мертвых. И можно, по крайней мере, никому не завидовать.

Конан лежал среди камней и слышал тяжелое и шумное дыхание Тахора. Он принюхивался к выходам из пещеры, выслеживая свою сбежавшую пленницу.

Наконец, он принял решение и скрылся в одном из проходов. Подождав некоторое время, Конан встал и выпрямился во весь рост. Запах крови витал в пещере. Сладостный для избранных и гнетущий для большинства.

Сказители на рынках рассказывают, что в чертогах Ареса, как называют его одни, или Одина, как называют другие, всегда стоит запах крови, ибо истинные воины, пирующие с богом войны за длинным дубовым столом, пьют не вино, а кровь. Сладкую кровь своих врагов.

– Настало время расплаты! – сказал шамкающий голос на коринфском языке.

Это было настолько неожиданно и настолько не вязалось с окружающим, что Конан не поверил своим ушам. Похоже, удар камнем по голове не прошел бесследно, подумал он.

– Ты убил всех моих братьев! Зря я не добил тебя прежде! Но теперь, когда мы остались одни, я убью тебя, мерзкий подонок! Ты ответишь за все! – продолжал голос.

Конан огляделся и увидел говорившего, который сидел на корточках на верхушке камня почти под самым потолком. Кожа у него была красной и бугристой, как будто его недавно сварили. Из приплюснутого вогнутого носа торчали клочья седых волос. А изо рта торчали волчьи клыки. В руках он держал посох с черепом, Это был тот самый посох, которым потрясала женщина с большими грудями, когда Конан потерял сознание.

Говорить он кончил как раз в тот момент, когда Конан заметил его. Пару мгновений они пялились друг на друга, а потом клыкастый дикарь прыгнул на Конана.

Как оказалось, он был, пожалуй, самым быстрым и вертким из всего племени, и отлично управлялся с посохом, как с пикой. Он сделал вперед

молниеносный выпад. Конан увернулся, но был весьма удивлен стилем боя пещерного человека. Это не был стиль дикаря. Он дрался, словно танцевал. Так дерутся актеры на сцене театра, увлекаясь больше красотой жеста, нежели его эффективностью.

Череп скользнул по камню и посыпалась искры. Хоть он и выглядел, как обычный человеческий череп, но на самом деле был из металла:

– Ты трус, раз бегаешь от меня! – издевательским тоном воскликнул клыкастый.

– Я никуда не бегаю, просто ты не можешь в меня попасть! Да ты не попал бы даже в слона с одного шага! – в тон ему крикнул Конан и хотнул, чтобы еще подбить масла в огонь.

Он хотел разозлить противника. Впрочем, противник поступал точно так же. В этом смысле они друг друга стоили.

– Но ты не слон. Ты всего-навсего заяц, который скачет в разные стороны, не решаясь вступить в схватку с рысью! Ты мышь, бегущая от кота! Ты муха, бьющаяся в паутине!.. – разглагольствовал дикарь, наступая.

– Попробуй меня убить, а не болтай попусту! – воскликнул Конан.

И пропустил резкий выпад. Череп боднул его в плечо, так что Конан крутанулся на месте, потеряв равновесие, и получил добавочный удар другим концом посоха под колени.

– Ты уже мертв! – заорал дикарь.

Конан упал на колени, а потом вынужден был упасть на спину, чтобы уклониться от следующей атаки. Этот дикарь был удивительно быстр!

Но он не учел, что противник ловко умеет управляться с большим мечом, и не совсем так, как общепринято. Он собирался ударить со всей силы металлическим черепом в лицо Конана, дабы превратить его в кровавое месиво, но киммериец молниеносным движением поднял меч с земли и разрезал ему щиколотку. Лезвие было настолько острым, что глубоко вошло в кость.

Раздался треск, дикарь завопил от боли и свалился, выронив посох. Конан поймал падающий посох, вскочил и еще раз воткнул свой меч во врага. На этот раз в живот, пронзив печень. Клыкастый дикарь застонал и прокусил собственный подбородок, оттуда полилась кровь, а на лбу дикаря выступила испарина.

Он умолк, тяжело дыша. Потом спросил громким шепотом:

– Кто ты? Я хочу знать твоё имя.

– Конан. А ты?

– У меня нет имени. Собственного имени. А называли меня множеством разных имен, лучшим из которых было «человек».

– Похоже, ты хочешь выговориться перед смертью, – сказал Конан. – Я с удовольствием послушаю тебя.

– Послушай, Конан. Ты не пожалеешь! Потом ты добьешь меня, но сейчас мне так много нужно сказать. Просто потому, что я устал от молчания. Здесь не принято говорить. Хоть и у всех есть языки. Они только поют бессмысленные песни и бормочут бессмысленные молитвы. Поэтому я не говорил слишком долго. Не знаю, сколько именно. Здесь нет счета времени. Может, я здесь всего лишь год, а может десять лет. Но разве для мертвеца есть разница? Я – изгой. Меня ненавидят друзья и презирают враги. А теперь я хочу умереть. Даже если бы я убил тебя... Я бы все равно потом покончил с собой.

– Ты в надежных руках, – заверил Конан. – Да и дальнейшая моя помощь, если честно, тебе уже не требуется. Ну, только если ты побыстрее хочешь отправиться на тот свет.

Клыкастый дикарь помотал головой.

– Нет, еще немного... Я родился таким. С этой кожей, которая не похожа на человеческую. Меня убили бы сразу, но мать спрятала меня, сказав, что я умер. Я жил в хлеву со свиньями и овцами и питался в основном тем же, чем они. Но я всегда хотел быть человеком. Не знаю, откуда во мне эта блажь. В безлунные ночи я выходил наружу – и слушал человеческие речи, которые удавалось мне услышать. Особенно я любил лежать под окнами монастыря, где жили ученые люди. И вот однажды я решил странствовать и не вернулся к утру в хлев. Мать решила, что меня разорвали волки или убили пещерные люди. Я украл одежду, которую сушили после стирки, и притворился странником. Я побывал в Аренджуне и Шадизаре. Я видел рынки и дворцы. Я видел прекраснейших женщин, но не смел к ним прикоснуться. Рай был вокруг меня, но сам я был адом. Чтобы защитить себя, я учился сражаться у странствующих актеров из Кхитая. Я ни разу не разговаривал с ними, но наблюдал за всеми их представлениями, следя за ними из города в город, из села в село. И долгое время это помогало мне. Но однажды я убил пьяного задири, который оказался переодетым в лохмотья, гуляющим сыном какого-то знатного вельможи. И так вышло, что из-за меня под пытками погибло много достойных и невинных людей. И я сказал себе, что мне нужно уйти из мира людей и больше никогда не возвращаться. Я решил сам пойти в преисподнюю, но по дороге наткнулся на пещерное племя. Я думал, что они убьют меня, но они, видя мое уродство, приняли меня за своего, и я стал их братом, а их мать стала и мне матерью. Но теперь у меня нет братьев и матери. Я снова одинок... Даже еще больше одинок, чем в хлеву,

где вместе со мной жили овцы и свиньи.

Он замолчал, тяжело дыша. Потом закрыл глаза. Пожалуй, он все сказал, решил Конан, и хочет, чтобы ему помогли уйти. Он подождал еще немного, но никаких возражений или просьб от поверженного врага не последовало. Поэтому Конан выдернул меч из живота странника и одним ударом отсек ему голову. Он завершил свой путь, не самый худший из Путей, которым предназначено ходить людям.

Шаманский посох с металлическим черепом показался Конану неплохим оружием, и он прихватил его с собой. Он запомнил, в каком из проходов скрылся Тахор, и направился за ним. Проход был широким и высоким. Где-то впереди имелся источник кроваво-красного света, и стены искрились вкраплениями минералов.

Конан двигался осторожно, но быстро. Не следовало больше терять времени. И без того, он упустил порядочно времени, сражаясь с клыкастым странником.

История, которую рассказал странник в награду за свое убийство, была, конечно, занимательной. Но Конана гораздо больше волновали не истории, а живые люди. Особенно, если они были противоположного пола, молоды и красивы. С обладанием красавицей не сравнится ни одна, даже самая увлекательная история.

К любовному пылу примешивался еще и другой пыл. Конан терпеть не мог не добиваться цели. А он потратил на эту цель уже достаточно времени и сил и рисковал жизнью. Но когда Конан увидел Тахора, то сразу понял, что ошибся, направившись за ним по следу.

Гизеллы с демоном не было. Он стоял один, окруженный красным сиянием, склонив голову вниз, занятый чем-то так сильно, что не почувствовал запаха подкрадывающегося к нему человека. Конан быстро сообразил, что это за красное сияние вокруг Тахора. Зеленокожий демон стоял у выхода из пещеры. Только куда вел этот выход? Конан осторожно подобрался ближе, и разглядел, что перед Тахором пустота. Пожалуй, это был неплохой шанс. И медлить не стоило.

Конан поудобнее перехватил шаманский посох и принял как можно более устойчивое положение, так чтобы вложить в удар всю силу разбега и собственного веса.

Он уже начал бег, расправившись в первом толчке, как мощная пружина, но вдруг увидел Гизеллу в объятиях Тахора. Она прильнула к демону, вися над пропастью.

– Хотела сбежать от меня? – спросил Тахор пленницу. – Так просто вот взять и разом покончить с собой? А как же все те муки, которые я тебе

обещал?

И Тахор поставил принцессу перед собой на твердую почву.

Гизелла оглянулась через плечо и посмотрела вниз.

– Похоже, нам следует, продолжить разговор в другом месте, – сказала она.

Тахор отодвинул принцессу в сторонку и склонился над пропастью. Удобный момент настал. Конан снова бросился вперед, и его таран в виде металлического черепа толкнул зеленокожего демона в спину с такой силой, что он взмахнул руками и полетел вниз.

Гизелла пошатнулась и едва не устремилась вслед за демоном, но Конан схватил ее за руку, с силой скжав ее. Принцесса обернулась. Улыбка появилась на ее прекрасном лице. Затмив призрачный красный свет, словно во мглу преисподней заглянуло само солнце!

– Конан! – сказало солнце. – Я думала, ты погиб.

– Ну, убить меня еще никому не удавалось, – ответил Конан и посмотрел в пропасть.

Тахор повис на середине, опутанный щупальцами жутких подземных созданий, похожих на черепах. Он отчаянно сопротивлялся, и, несмотря на попытки чудовищ сожрать его, им пока не удалось отхватить ни одного кусочка. Единственное, что им удавалось, так это кусать самих себя, ибо Тахор весьма ловко уворачивался от кинжалоподобных зубов тварей, подставляя их собственные щупальца.

– Он позаботится о себе сам, – сказал Конан. – А нам нужно поискать выход.

На мгновение он встретился взглядом с взглядом зеленокожего демона. В них сквозили ненависть и гнев, которых хватило бы, чтобы повергнуть в панический ужас добрый десяток огирских гвардейцев. Но Конан лишь ухмыльнулся. Взглядов он не боялся. Каких бы то ни было.

В темноте хода послышался пронзительный вопль. Конан напрягся и перехватил посох двумя руками, но в следующий миг расслабился. Он узнал этот вопль. Призыв знакомой обезьяны. Потом она сама вышла на свет. Вид у нее был весьма усталый.

Она протянула передние лапы к Конану, как ребенок, который хочет к отцу на руки. Киммериец поднял ее перед собой. Обезьяна продолжала что-то лопотать на своем языке, то и дело, обнажая маленькие клыки и поводя глазами.

– Жаль, что мы не понимаем тебя, малыш, – вздохнул Конан.

Зверек вдруг замолчал, словно понял, что разговаривать с этими людьми бесполезно, и заворочался в руках Конана, прося опустить его на

землю. Оказавшись на земле, он указал маленьким черным пальцем вглубь хода и направился туда.

– Надеюсь, твоя обезьяна знает, куда идет, – сказала Гизелла.

– Я тоже, – ответил Конан и, подняв принцессу на руки, пошел вслед за обезьянкой.

12

Мать Тахора, умирая, оставила ему в наследство только свое тело, но тело вполне роскошное. Она была женщиной тучной, и в ней было много мяса и жира, этого хватило, чтобы вскормить быстро растущего сына. Кроме того, в пещере было холодно, и мать сумела сохраниться съедобной достаточно долго, чтобы сын окреп и научился добывать пищу самостоятельно. Когда от матери еще немного оставалось, он уже понемногу разнообразил свой стол летучими мышами, змеями и насекомыми. Он даже не стал грызть ее череп, а некоторое время носил с собой, соорудив тесемку из змеиных кож и надев себе на шею. Он был хорошим сыном, и никогда бы не догадался, что его кормление и взросление весьма серьезно отличаются от свойственных человеку.

Но все равно это было хорошее кормление! И оно дало отличные результаты. Тахор вырос быстрым, сильным и ловким. И умел справляться с любыми опасностями. Почти с любыми. До поры до времени он считал, что со всеми, которые исходят от живых существ, кем бы они ни были.

Но выяснилось, что есть исключение. Некоторые особо коварные люди, это раз, и пещерные огненные спруты, два.

Щупальцев было слишком много. Тахор справлялся с десятком одних, но за это время десяток других уже держал его.

Он начал уставать, несмотря на всю свою демоническую мощь. Но сдаваться не собирался. Слишком ужасна для бессмертного существа перспектива оказаться разорванным на мелкие кусочки и съеденным.

В конце концов, один из огненных спрутов все-таки добрался до Тахора. Длинные, похожие на кинжалы, зубы впились в бедро демона и выдрали немаленький кусок мяса. Тотчас другие спруты попытались отнять у сородича добычу и ослабили напор на Тахора.

Щупальцев, державших демона, поубавилось – осталось ровно столько, сколько было конечностей у него – шесть. И Тахор не преминул воспользоваться ситуацией. Одним резким движением он вырвался – присоски щупальцев чмокнули и выпустили его. И зеленокожий демон оказался в состоянии свободного полета вниз.

Наслаждался свободой он недолго. Ибо не успел даже как следует торжествующе воскликнуть, как с шумом плюхнулся в огненную реку раскаленной лавы. И если бы был человеком, то мгновенно сгорел. Но он человеком не был, поэтому только взвыл от страшной боли, когда огонь

охватил всю его плоть, проникнув даже внутрь, превратив в живой язык пламени, и поплыл к берегу.

Лава намного вязче воды, поэтому Тахор плыл медленно, как будто во сне. Продолжая гореть и чувствовать нестерпимую боль. И он не знал, радоваться ли ему, что он бессмертный, или огорчаться и проклинать своего отца за то, что он сделал его таким.

Выбравшись на берег, Тахор пополз, оставляя за собой огненные следы. Горящий, расплавленный камень стекал с него. Тахор выглядел как сильно переваренная рыба. Жалкий, дымящийся скелет с ошметками плоти. Куски, которые он потерял, медленно подползали к нему и забирались на место. Кроме того куска, что съели огненные спруты. Он пока что был разделен на мелкие части, пережеван и проглощен. И все еще не выбрался наружу естественным путем.

Содрогаясь от боли, Тахор лег на спину и уставился на стену, с которой упал. На два отверстия в ней, с нижнего из которых он вытащил Гизеллу, стоя в верхнем.

«Коварный варвар с голубыми глазами! Ты отобрал мою Гизеллу, мою принцессу, но я с тобой еще встречусь, я еще посмотрю, какого цвета твоя кровь»!

Правда, желания пока не совпадали с возможностями. Наверх, к проходу в скале, по которому Гизелла сбежала с варваром, отсюда было не забраться. Погоню не возобновить. Жаль, что у Тахора нет крыльев или хотя бы присосок, как у огненных спрутов. След потерян, остается надеяться только на магические способы выслеживания, которыми владеет отец, или на вторую попытку. Однако получив такой убедительный жестокий урок, Гизелла, скорее всего, надолго спрячется во дворце, будет сидеть в собственных покоях, боясь высунуть наружу даже нос. А отец сказал, что она нужна ему немедленно, во что бы то ни стало.

Значит, остается единственная надежда. И надо поговорить с отцом. Другого пути все равно нет. Отец, конечно, будет крайне недоволен. И все муки, которые Тахор обещал Гизелле, достанутся ему самому.

Тахор со стоном перевернулся набок, потом оперся на руку и сел на колени, приняв позу, похожую на молитвенную позу стигийских жрецов. На лице его отражался красный свет текущей лавы. Он положил ладони на колени, обернулся вокруг себя хвост и низко склонил голову.

– Отец мой! – тихо сказал он. – Прошу тебя о снисхождении. Okажи мне милость, внемли моему призыву. Поговори со мной.

Потом он расправил хвост, поднял его и принял раскачивать его из стороны в сторону, быстро вращая кончиком. Воздух отзвался

вибрирующим звуком.

– Отец мой! – повторил Тахор. – Поговори со мной!

Отец, наверное, ждал, иначе не пришел бы на зов так быстро. Он явился в облаке красного света над потоком лавы. Он тоже выглядел как человек. Тахор был всего лишь его подобием. Но подобием, на которое пожалели материала и красок. Ибо, по сравнению с отцом, Тахор, даже в обычном своем виде, выглядел, как нищий по сравнению с царем. У отца было округлое тучное тело, лоснящееся от жира, огромные, лежащие на плечах уши, рот, как у лягушки, такого же, как он, размера, шесть длинных толстых рук, не имеющих локтей и кистей, гибких, словно змеи, и ноги, подобные слоновьим. Кожа была розовой, как у младенца, пупок глубоким, и на теле не имелось ни волос, ни родинок.

– Что случилось? Я ждал тебя. Ты должен был уже прийти, – спросил отец. – Где тебя носит? И где наша принцесса? Почему я не вижу ее рядом с тобой?

Тахор поклонился отцу, ударившись лбом в пол и, не смея поднять взгляда, так и остался.

– Она не со мной, – глухим голосом признался он. – Я упустил ее.

– Подними голову, смотри на меня, когда со мной разговариваешь! – прокричал отец. – Отвечай!

Тахор повиновался. Смотреть на отца было страшно. Он весь трялся от гнева. Огромный живот ходуном ходил из стороны в сторону, а во взгляде можно было бы сгореть, если бы Тахор уже не сгорел.

– Я упустил Гизеллу... – повторил Тахор.

– Как ты смеешь мне это говорить? И почему ты в таком виде? Я вижу, ты в процессе возрождения, так как же тебя угораздило попасть в столь серьезную переделку?

– Меня столкнул в лавовую реку человек, к тому же по пути вниз меня изрядно потрепали огненные спруты... – объяснил Тахор.

Отец расхохотался. Все шесть его рук одновременно поднялись, как у паука, который прыгает на свою добычу, и звонко шлепнули по животу.

– Человек? Тебя скинул в пропасть человек?

– Да, отец. Он вероломно подобрался ко мне сзади, и столкнул с обрыва. Он очень силен, отец. Я не знал, что люди могут быть такими сильными.

– Люди используют различные орудия, увеличивающие их силу. Думаю, твой человечек столкнул тебя с помощью какого-то орудия. Вряд ли он сумел бы сделать это голыми руками... И что, наша принцесса, конечно, убежала с ним?

Тахор кивнул. Отец вдруг помрачнел, как тучи перед бурей. Несмотря на жару, Тахора пробрал холод, настолько темным сделалось лицо отца.

– О, глупец! Ты же погубил ее! А погубив ее, ты погубил и себя. Ты связан с ней невидимыми узами, и эти узы не разорвать. Этого не могут сделать даже боги!

– Но я на все готов, чтобы спасти ее! – воскликнул Тахор.

– И себя, – добавил отец.

– Скажи мне, и я сделаю то, что ты скажешь.

– Ты должен разбудить каменного пса.

– Но, отец, ведь каменный пес неуправляем!

– Зато он легко может передвигаться сквозь скалы, а главное для нас – чует сквозь скалы. Он почивает людей с верхнего мира, которых очень не любит. Пахнут они по-другому, так что пес не ошибется. Ярость поведет его. А ты пойдешь за ним.

– А что мне делать, когда он доберется до них? Он же разорвет Гизеллу на части!

Отец улыбнулся.

– Об этом не беспокойся. Просто покорми его. Отдай ему свою руку, он начнет жрать и забудет о людях. Кстати, заодно и тебе маленькое наказание за большой проступок.

Правая рука Тахора заранее заныла. Нет, решил он, лучше отдам левую. Как и большинство людей, он был правшой.

13

Внутри земли есть полости, подобно тому, как в морях есть острова. И так же, как острова, эти полости бывают различных размеров, только высота их измеряется не расстоянием от поверхности моря до вершины самой высокой горы, а расстоянием между полом и потолком, как в комнате. Обезьяна привела Конана и принцессу в не самую большую из существующих под землей комнат, но и она была больше, чем даже тронный зал в самом роскошном из дворцов правителей земли.

Все здесь было исполинских размеров, будто люди стали в сто раз меньше, они чувствовали себя так, словно попали во дворец великанов. Гигантские сталактиты свисали с потолка, а им навстречу из черных вод подземного озера поднимались не менее гигантские сталагмиты, словно остроконечные шлемы утонувших воинов-исполинов.

По одной из стен струилась вода. Она вытекала из нескольких отверстий наверху, спускалась по уступам, постепенно сливаясь в один широкий поток, а на середине пути до озера, ударяясь о длинный широкий карниз, образовывала водопад.

Зрелище завораживало. Вода падала тонким ровным слоем, как будто искусно раскатанное вендинское стекло, и отражала призрачный свет, умножая его. Свет исходил от множества светящихся улиток, скопившихся в нескольких местах на потолке яркими огненными пятнами.

Обезьяна вскрикнула, показала черным пальцем на водопад и побежала вперевалку по узкому карнизу, идущему вдоль стены. Поверхность карниза имела небольшой склон в сторону пропасти. Кроме того, камень здесь всюду был покрыт инеем, что делало его скользким. Тем не менее, маленький зверек бежал, как будто по ровной тропинке в лесу. Но, видимо, для него это и был лес. Он ведь родился и вырос снежной обезьянкой, и привык карабкаться по скользким ледяным склонам, совершенно не боясь высоты.

– С тобой на руках мне здесь не пройти, – сказал Конан. – Иди вперед. Не бойся. Я тебя поддержу. – Конан опустил Гизеллу на землю.

– Нет, нет! Я не пойду за этой тварью! Твоя обезьяна сама не знает, куда идет! – вдруг взвизгнув, завопила Гизелла.

Впрочем, как и подобает настоящей принцессе, изнеженной жизнью во дворце, избалованной и не привыкшей к трудностям. Конан удивленно взглянул на нее. Такой он ее еще не видел. У нее было выражение лица

маленькой девочки из знатной семьи, которой предложили отведать грубого крестьянского хлеба.

– Не пойду! – еще более капризным тоном заявила Гизелла.

Конан пожал плечами.

– Как хочешь. Можешь оставаться, – сказал он и шагнул на карниз, не обращая больше на нее внимания.

– Конан! – завопила принцесса.

Он молча уступил ей дорогу, по-прежнему не глядя на нее.

– Ты отвратительный, грязный тип! От тебя воняет, как от свиньи! – сверкая глазами, срывающимся голосом произнесла Гизелла.

Конан ухмыльнулся.

– А ты давно смотрелась в зеркало, принцесса? – спросил он, наконец, взглянув на нее. Гизелла сжала кулаки и едва не задохнулась от гнева. Ее затрясло, как от лихорадки. У нее уже больше не осталось слов, которыми можно было бы хоть сколько-нибудь выразить охватившее ее чувство.

– Нас ждут, госпожа, – притворно учтиво поклонившись, поторопил Конан.

Гизелла прикрыла глаза и несколько раз глубоко вдохнула, попытавшись унять дрожь. Рука Конана осторожно коснулась ее плеча. Она вздрогнула и дернула плечом, опасно пошатнувшись над пропастью.

– Ты заснула? – осведомился Конан.

– Нет, я не сплю! – раздраженно ответила Гизелла.

Она еще раз глубоко вздохнула и ступила на карниз, прижавшись к холодному камню грудью, щекой и руками; Надо было идти, ей было бы невыносимо выслушивать от Конана издевательские слова, которые он, наверняка бы, не преминул сказать, если бы она слишком долго оставалась на месте.

Гизелла осторожно передвинула левую ногу, потом правую, снова левую, и тихонечко поползла вдоль стены всем телом. Не удержавшись, она посмотрела назад, на выступ, с которого только что сошла – и тотчас страх высоты ледяными пальцами пощекотал ее меж лопатками. Она осознала, что за спиной у нее пропасть.

– Не оглядывайся! – крикнул Конан.

Она не оглядывалась, но она знала, что далеко внизу из черной воды выступают каменные клыки, ждущие ее крови. Она словно уже слышала собственный крик, слышала свист рассекаемого падающим телом воздуха, и главное – слышала хруст разрываемой острием плоти.

– Просто забудь о том, что у карниза есть другая сторона, думай только о том, как бы понежнее и поплотнее прижаться к стене, – сказал

Конан. – Представь себе, что эта стена – твой любовник.

– У меня нет любовника! – возмутилась Гизелла.

– Ну, тогда прижмись, как будто от этого зависит твоя жизнь!

– Но ведь от этого действительно зависит моя жизнь!

– Ну что, поняла?

– По-моему, ты глупец, Конан. Большего глупца я в жизни не встречала.

– Если бы ты встретила такого же глупца, то у тебя был бы любовник, – уверенно заявил Конан.

Гизелла фыркнула и двинулась по карнизу дальше; Она никак не могла решить, что всем этим хотел сказать Конан. Но в одном она была точно уверена – в глупости она обвинила его зря. Она уже привыкла передвигаться столь необычным способом и перестала находить это невозможно тяжелым, как вдруг ситуация изменилась. Впереди карниз становился все более и более узким и сходил на нет. Обезьяна на мгновение остановилась, потом прыгнула. В первый момент Гизелла подумала, что зверек решил покончить с собой, но вдруг снова увидела его бегущим. Этот карниз прерывался, зато внизу был другой. Пожалуй, даже более широкий. Гизелла тоже остановилась. Но не на мгновение. Она повернула голову к Конану.

– Я не смогу здесь пройти. Мне так далеко не прыгнуть! – заявила она.

Конан качнулся назад, разглядывая стену перед Газеллой. Она не могла на это смотреть – и уткнулась взглядом в камень.

– Да, ты права, мы не такие маленькие и легкие, чтобы сделать такой прыжок, – сообщил он.

– Что же делать, Конан? Мы пойдем назад?

Он не отвечал. Она снова решилась на него взглянуть.

– Пойдем по стене, – сказал Конан. – Смотри, вон там есть пара трещин, за которые можно уцепиться. Они выглядят вполне надежными. Но придется работать только руками.

– У меня слишком слабые руки, ничего не получится, – сказала принцесса.

– Получится. Тебе ведь не надо висеть на руках. Твой вес поддержит скала, а тебе всего лишь надо по ней проползти. На самом деле стена только кажется отвесной.

Гизелла замотала головой.

– Нет, нет, Конан! Давай поищем другой путь. Наверняка есть другие пути. Не может не быть!

Конан молчал. И когда молчание стало невыносимым, Гизелла

оторвалась от созерцания камня и снова взглянула на спутника. Он уже не стоял на карнизе, а распластался на скале на пару локтей выше. Он как будто собирался проползти по скале над головой принцессы.

– Конан! – взвизгнула она.

Он не отвечал, продолжая передвигаться. На руку Гизеллы из-под его ноги посыпались мелкие камешки. Гизелла скривилась – это ведь совершенно невыносимо, что он себе позволяет!

– Подожди! – сказала она.

Конан остановился. Гизелла присмотрелась к скале и заметила трещины, о которых он говорил. Она шагнула в пустоту и зацепилась за верхнюю трещину, потом нашупала ногой нижнюю и перевела дух. Она еще толком не решила, как относиться к Конану – ненавидеть, или любить. Так же она не знала, в какой степени следует делать то, и другое. Пожалуй, увлекаться в любом случае не стоит.

Гизелла передвинулась еще немного. Руки ужасно болели. Словно их долго выворачивали палачи-дознаватели. Внезапно Гизелла осознала, что находится не вертикально, а боком по отношению к пропасти. От этого ее охватил новый ужас. И она снова не могла заставить себя сдвинуться с места.

– Честно говоря, принцесса, я бы на твоем месте не увлекался. В таком положении долго не протянуть, – раздался голос Конана совсем рядом.

«Ненавидеть, – решила Гизелла. Все-таки ненавидеть. Но не так, чтобы совсем. А ровно столько, чтобы назло ему, рискуя сорваться, быстро одолеть оставшееся до нижнего карниза расстояние и пойти по нему, вперед лицом, даже не касаясь руками скалы».

14

Когда отец, закончив беседу, растворился в красном свете лавовой реки, Тахор заметил столпившихся на другом берегу огненных спрутов.

Время от времени то один, то другой вздрагивали и воздевали кверху щупальца, словно плакальщицы на похоронах. Они действовали, четко сообразуясь друг с другом, как профессиональные танцоры. У них не было личных разумов, только коллективный, один на всех, вот поэтому движения получались идеально слаженными, Тахор в основном закончил возрождаться. Он чувствовал себя намного лучше, чем когда начинал разговаривать с отцом. Только вот кое-чего все равно недоставало. Тахор взглянул на бедро.

Отсутствовал солидный кусок. И Тахор хорошо знал, где он.

– Эй, я хочу мой кусок мяса обратно! – громко крикнул Тахор через лавовую реку.

Огненные спруты вдруг завертелись, будто флюгеры под вихрем, и панцири их затрещали. А потом один за другим стали лопаться. Тахор торжествующе улыбался. Из лопнувших панцирей вытекала мягкая плоть спрутов, стекая к огненной реке и сгорая в ней навсегда. Тахор захотел.

Не на того напали! Мясо Тахора не ядовито, но его нельзя переварить. Кроме того, оно отзывается на призыв хозяина и пробивается через все преграды. Съесть мясо Тахора все равно, что проглотить клубок пиявок, не разжевывая.

На берегу, после того, как мякоть огненных спрутов стекала в лаву, оставались маленькие кусочки демонической плоти, которые подползали друг к другу и соединялись, пока не образовали единое целое. Кусок бедра Тахора.

Огненные спруты еще некоторое время подрагивали, но уже не шевелили щупальцами. От жадности каждый из них съел хотя бы по маленькому кусочку от Тахора – и вот теперь все поплатились за это. Кусок бедра Тахора подполз к мертвцам и стал толкать их к лавовой реке.

Это было невыносимо больно. Так же больно, как человеку, когда его четвертуют, но человек может умереть от боли и прекратить мучения, а Тахор умереть не мог. Это был самый ужасный из даров отца – бессмертие. Отец обещал, что когда-нибудь Тахор научится умирать, но пока этого не происходило. Пока он даже не умел терять сознание. И спать тоже не умел.

Кусок бедра Тахора дотолкал первого из спрутов и тот медленно

закружился в лаве. Теперь следовало действовать как можно быстрее. Один за другим, благодаря неимоверным усилиям Тахора, мертвецы погружались в лаву, образовывая плавучий мост через огненную реку. Мост относило течением, но достаточно медленно, чтобы мост постепенно приближался к другому берегу.

И в тот момент, когда последний из спрутов погрузился в лаву, мост был полностью выстроен.

Тахор вскочил и бросился к мосту, чтобы удержать его со своей стороны, а навстречу ему поспешила его недостающая часть, изрядный кусок бедра. Перебравшись, кусок сначала прыгнул хозяину на голову, и только потом уже спустился на место и врос.

Боль прошла. Тахор вздохнул с облегчением. Нет, все-таки бессмертие, это не такой уж ужасный дар, каким он, кажется, во время приступов боли. И в некоторых случаях, в общем-то, даже весьма приятен.

15

Тонкий слой воды, как оказалось, падает на некотором удалении от стены, минуя карниз.

Обезьяна, шедшая по карнизу, вдруг куда-то исчезла, затем появилась вновь.

– Там ход! – сказал Конан.

Обезьяна быстро пробормотала что-то на своем языке и скрылась. Гизелла поторопилась последовать зверьку, она слишком устала чувствовать за спиной пропасть – и снова, как в самом начале, едва не сверзилась в нее.

– Осторожнее! – крикнул Конан.

Гизелла остановилась.

«Так, – сказала она себе, чувствуя сильную дрожь в коленках, – торопиться не нужно. Особенно, когда путь чересчур узкий и скользкий. Это как путь через мост смерти. По обе стороны от которого пропасти на дне которых преисподня, кругом кривляются и кричат воплотившиеся в уродцев грехи, пытаясь совлечь идущего, а впереди светит прекраснейший образ рая.

– Ну? – нетерпеливо сказал Конан.

– Уже иду, – отозвалась Гизелла.

Она улыбнулась. Значит, не одной ей хочется поскорее оказаться в относительной безопасности! Войдя под водопад, Гизелла почувствовала на теле ледяные брызги. Они соединялись в капли и ледяными дорожками ползли по спине и ниже. Как ни странно, Гизелла даже испытала некоторое удовольствие. Значит не зря Тахор говорил, что она полюбит боль. И даже помочь Тахора не понадобилась. Обезьяна снова высунулась. Гизелла вдруг обнаружила, что дошла. Выход был здесь. Он представлял собой небольшой лаз, в который человеку можно было втиснуться только ползком.

– Ну что там опять такое, принцесса? – спросил Конан.

– Тут ход. Но очень маленький. Где-то на уровне моих колен.

– Ну, так вползай! – поторопил Конан.

– Я не уверена... Я не знаю, как. Если я попытаюсь согнуться, чтобы попасть в него головой, я почти всем весом буду над пропастью, и всей спиной в ледяной воде.

– Ничего подобного. Тебе просто надо осться стоять на одной ноге.

Развернись боком, опусти одну ногу с карниза, присядь и вползай, — объяснил Конан.

Гизелла покраснела. Хорошо, что в красном свете он этого не видит. Какая же она глупая, что не додумалась до этого сама! Она поступила так, как советовал киммериец, с трудом, но все же оказалась на четвереньках в лазе. Преодолев несколько шагов, она вспомнила, что голая, и покраснела еще больше. Он же все увидит! Какой стыд для принцессы!

Это заставило Гизеллу двигаться быстрее. Может быть, лаз кончится, прежде чем Конан догонит ее. Но киммериец тоже спешил.

Хорошо, что тьма сгостила раньше, чем Конан приблизился! Главным виновником быстрого наступления тьмы являлся он сам, закрыв собой доступ свету. Обезьяна пищала где-то впереди.

Гизелла уже совсем ничего не видела. Но продолжала двигаться с прежней скоростью. Лаз повернулся, потом вдруг кончился. Гизелла уперлась головой в стену. Обезьяна вскрикнула вроде бы сверху. Принцесса выпрямилась. И почувствовала, как Конан взял ее за плечо.

— Теперь я пойду впереди, — сказал он. — Похоже, нам надо подниматься. Но зато здесь можно почти выпрямиться. Я воспользуюсь мечом, чтобы прощупывать путь перед нами.

Меч лязгнул о камень. Гизелла вздрогнула.

— Надеюсь, малыш не вздумает возвращаться за нами, а то напорется на мой меч, — сказал Конан и двинулся вперед.

Гизелла протянула вперед руку и ухватилась за его набедренную повязку.

— Не сейчас, принцесса, — заявил киммериец.

Гизелла с возмущением отдернула руку. Этот варвар просто обожает говорить непристойности. Она хотела бы приструнить его, но не могла найти подходящих слов.

Некоторое время они молчали. Потом Гизелле показалось, что светает. Или это обман зрения?

Она вдруг услышала знакомый шум. Неужели они снова вернулись к водопаду в большой пещере?

— Слышишь? — спросил Конан.

— Вода, — сказала Гизелла.

— Но мы точно не могли вернуться к водопаду, — заявил Конан.

Свет, который, как вскоре оказалось, не был обманом зрения, был здесь другой, не красный свет огненных улиток, а белый, словно дневной.

Сердце Гизеллы скжалось от надежды.

— О, как бы я хотела... — пробормотала она.

Она вдруг почувствовала холод и голод. Долгое время она не помнила о них, а тут они пришли вместе разом и принялись измываться над телом принцессы. Она задрожала. Слезы потекли у нее из глаз.

Обезьянка впереди громко и радостно заверещала. Конан ускорил шаг.
– Гизелла, смотри! – воскликнул он.

И действительно было на что смотреть. Выйдя из узкой шахты, они оказались в начале огромной пещеры, которая тянулась, сколько можно было видеть. По дну пещеры текла широкая река с чистой прозрачной водой. А сверху, в несколько отверстий проникал солнечный свет. Пещера была словно анфилада, потолок которой поддерживается солнечными столбами. И стены сверкали мириадами разноцветных минералов!

Слезы хлынули из глаз Гизеллы. Она поймала себя на том, что подетски счастливо улыбается.

– Солнце! – сказал Конан. – Значит, скоро мы выберемся отсюда.

Гизелла посмотрела сначала на киммерийца потом на солнечную анфиладу. И то, и другое, в сочетании с только что сказанными словами вернуло принцессу к насущным проблемам.

Мысль о реальности вытеснила из ее ошелевшей; головы детское счастье от маленькой радости и ткнула носом в трудное и неприятное будущее.

– Мы полезем по этим отвесным стенам? – спросила она, уже зная очевидный ответ.

– Другого пути все равно нет, – сообщил Конан.

– Но тут же очень высоко! И эти стены выглядят слишком гладкими! – возразила принцесса.

– Только на первый взгляд, – сказал Конан.

Гизелле захотелось пить. Она подошла к подводной реке, через несколько шагов скрывавшейся под скалу, чтобы, скорее всего, выплыть тонким водопадом в красной пещере внизу, и склонилась над ней, глядя в свое неверное, колеблющееся отражение. Несмотря на сумрак и издергки подвижной отражающей поверхности, кое-что том, как в настоящий момент она выглядит, принцесса могла понять.

Зрелище было непривлекательным. Многочисленные царапины, синяки, ссадины придавили ее обнаженному телу вид слишком потрепанный, чтобы можно было принять ее за принцессу. Пожалуй, она и сама не признала бы себя, если бы встретила. Она бы скривила нос и приказала себе выпороть, чтобы излечить от безумия.

И как только этой чумазой девчонке могла прийти в голову такая шальная мысль принцесса встала на колени собираясь напиться. Но когда

она зачерпнула в сложенные лодочкой ладони ледяной воды, решимость ее сильно поубавилась, и, поднося ладони к лицу, она растеряла большую часть воды, едва намочив лицо. Холод пробрал ее до костей. Она снова ощущала себя беспомощной и уязвимой, снова боялась смотреть по сторонам, чтобы не наткнуться на что-то еще более ужасное, чем она видела перед собой.

– Умываться не стоит, принцесса, – сказал Конан. – А то ты совсем продрогнешь!

Гизелла обернулась на киммерийца с благодарностью, собираясь даже сказать, что она щедро наградит его, когда они окажутся в Шадизаре, но едва открыла рот, как ужас охватил ее. Она так и застыла с полуоткрытым ртом.

– Гизелла?! – Конан обернулся и увидел то же, что и она.

Из каменной стены выступала морда зверя. То ли волка, то ли льва, то ли еще какого-то свирепого хищника. И морда эта была тоже каменной.

Морда пошевелилась, будто бы невидящие серые каменные глаза уставились на Конана и Гизеллу. Раскрылась огромная пасть, полная зубов, которые вырастали тем больше, чем шире раскрывалась пасть, и пещеру огласил ужасный раскатистый рык.

Каменный пес на самом деле мало походил на пса. Но был свиреп, как самый жестокий из псов. У него не было конечностей. Он передвигался всем телом, как амеба. Только амеба эта была из жидкого камня.

Люди из верхнего мира, того, что попеременно находится то под солнцем, то под луной, пытались убить его, когда он был совсем маленьким. Он был настолько глуп, что не боялся людей и подходил к ним слишком близко. Коварные люди заманили его в ловушку – глубокую яму и стали сначала заливать водой, правильно рассудив, что существо из камня не может плавать. Но они не учли, что он также не умеет и дышать. Так что ему все равно, где находится – на воздухе или под водой. Увидев, что он ползает по дну, люди сверху закричали и принялись заваливать его камнями. Глупцы, камни – вообще его родная среда. И все же он еще не понимал, что люди ненавидят его, он думал – это такая игра. Он радовался, что люди играют с ним. Но когда он выбрался наружу, нашелся среди них один великий умник, который предложил заточить его внутрь металла. И каменного пса накрыли бронзовым котлом, потом быстро перевернули котел и закупорили крышкой с тяжелым замком. Сквозь металл каменный пес не мог проникать. Он принялся метаться внутри, и вдруг понял, что заперт. Это случилось впервые с момента его появления на свет. Никогда прежде он не лишался свободы, и не знал, что это такое. Жуткая боль охватила все его существо. И он начал понимать, что игра зашла слишком далеко. И что, на самом деле, это вообще не игра. С самого начала не была игрой. Годы проходили за годами, а он все еще сидел в бронзовом котле, и боль не проходила. Мало-помалу к нему все чаще стали приходить спасительные сны, где он снова путешествовал сквозь скалы, бродил в горах, погружался в глубины земли, и во всех этих снах он преследовал людей из верхнего мира. Это было единственной целью его жизни во сне. Он учился ненавидеть, и за долгие годы освоил эту трудную науку в совершенстве.

Свободу он обрел благодаря человеческому любопытству. Прошло десять, а может быть сто лет или больше, этого он не знал, когда какому-то юноше пришло в голову узнать, что же за тайну хранят в бронзовом котле предки. И вот однажды безлунной ночью, которую так любят воры и чудовища, а также безмозглые искатели приключений, он пробрался в кладовую маленького храма, где хранился котел, и открыл замок.

Неизвестно, каким образом он заполучил ключ, но, видимо, в этом селении не один он был глуп.

Каменный пес выпрыгнул, сожрал любопытного юношу, и, увеличившись как раз на его массу, устремился в горы.

Он очень боялся металла, боялся, что его снова заточат, поэтому не сожрал все селение целиком. Но позже, странствуя под землей, решил все же вернуться. Ненависть клокотала в нем, словно лава в жерле вулкана. Он лелеял ее настолько, что, даже решив отомстить людям из верхнего мира, не направился мстить сразу. Он хотел сполна насладиться ненавистью. И поэтому пропустил удобный момент. А когда случайно повстречался с шестируким демоном, похожим на огромного разжиревшего младенца, который был во много раз старше его, то и вовсе утратил эту возможность. По крайней мере, на долгое время.

Ибо шестирукий демон могущественным заклинанием усыпал его. И теперь каменный пес мог вновь сколько угодно предаваться мечтательной ненависти в своем сне. Правда, его сон стал непрерывным, в отличие от коротких снов в бронзовом кotle, прерывающихся мучительными пробуждениями. И пес забыл о том, что спит.

Разбудить каменного пса намного сложнее, чем усыпить. Так, по крайней мере, казалось Тахору. Когда отец рассказывал, как он усыпал пса, ему понадобилось на это всего одна стражка, а чтобы объяснить, как следует его будить, у него ушел целый колокол.

Для того чтобы разбудить пса, требовался человеческий труп. Ну, с этим проблем не было.

Тахор взял труп из священной пещеры подземных дикарей и направился к месту упокоения каменного пса. Он спал наверху, в ледяной пещере. Среди глыб полупрозрачного зеленоватого льда покоилось его серое тело. Тахор разобрал труп, отобрав нужное, и выкинул ненужное. Он старательно натягивал жилы иставил распорки из костей, сооружая сеть-ловушку для последнего сновидения каменного пса.

«Если не поймать его сон, – говорил отец, – пес никогда не проснется. Поэтому ловушка должна быть очень надежной».

Он научил Тахора, как сделать хорошую ловушку для сновидений. Прежде всего, она должна быть правильно расположена по сторонам света. Четыре конца ловушки должны соответствовать югу, востоку, северу и западу. На юге – кисти рук, на востоке – позвоночник, на севере – череп, на западе – берцовые кости.

Затем нужно растянуть жилы так, чтобы они образовали квадрат с углами по сторонам света, а внутри квадрата крест. В центре следует поместить сердце.

Затем нужно заставить выйти сновидение из каменного пса. Эта часть представлялась Тахору наиболее сложной. Ледяная пещера с одной стороны была распахнута навстречу небу и солнцу.

Тахор вынужден был остановиться, когда вышел в нее. После постоянной полутишины даже неяркий солнечный свет казался ослепительным. Отражаясь в зеленоватом льду свет делался еще сильнее.

Серая глыба каменного пса на первый взгляд была неподвижной. Но Тахор знал, что это не так. Пес ворочался во сне, переворачивался на другой бок, крутился, но все это настолько медленно, что заметить было невозможно. Разве что черепаха смогла бы что-нибудь разглядеть.

Тахор сбросил с плеча труп и принялся строить ловушку по всем правилам. Когда сновидение выйдет, оно будет еще очень тяжелым и не сможет передвигаться по воздуху, как объяснил отец, а только ползком, на

брюхе по земле. И оно непременно попадется в ловушку, а потом стоит подуть на него, как оно развеется словно туман. Не станет сновидения – не станет и сна. Каменный пес проснется.

Завершив приготовления, Тахор встал перед серой глыбой и склонился над ней, возложив на нее руки. Заклинание, которое следовало произнести, чтобы сновидение вышло из пса, он сначала повторил про себя и только потом произнес вслух:

– Вода и огонь, появляясь во сне, даруют спящему все ощущения жизни, но взгляните на спящего скитальца, блуждающего во сне в Нижнем мире, и в Верхнем мире, и в Среднем мире. Тревожно чело его! Видит он царей и сторожевые башни, видит богов и жуков, видит рыб и зверей, видит птиц и змей, но не в силах вкусить сладостей жизни, ни меда, ни хлеба, ни масла, ни вина. Труден путь его во тьме. Язык его неподвижен, руки его сжимают пустоту, и ни добрые, ни злые слова не могут выйти из него, кружась в нем, как кружится в клетке пойманный волк! О, волк сновидения, прошу тебя, послушай того, кто находится извне, послушай того, кто не спит! Проснись, проснись!

Глыба дрогнула, заметно пошевелилась, потом наверху появилось вздутие, оно увеличилось до полусфера и еще чуть больше, замерло на мгновение и вдруг скользнуло вниз. Каменным шаром отделилось от глыбы, но тут же потеряло форму и серой лужицей потекло в ловушку.

Сновидение! Тахор даже не представлял себе, что оно будет таким. Если честно, он вообще не задумывался, каким оно будет, но его страшно удивило, что оно вот такое. Сновидение доползло до черепа, обогнуло его и устремилось к сердцу.

Достигнув сердца, оно закрутилось вокруг него, начав снова подниматься, и на этот раз все-таки стало шаром. Огромным серым шаром, намного больше по объему, чем лужица, из которой он образовался.

Тахор уже был рядом. Он набрал в легкие побольше воздуха и дунул. Шар сновидения распался на лоскутки, затрепетавшие в воздухе, как клочки облака, развеянного ветром. И сновидение исчезло.

Каменный пес задрожал всем телом. Глыба развернулась. Потом снизу появилось что-то вроде львиной морды. Только не настоящего льва, а каменного. Пасть широко открылась, и раздался шумный выдох, будто открыли огромную бочку с пивом. Но вдоха не последовало. Пес дышать не умел, воздух ему требовался, только чтобы нюхать его и издавать звуки. И пока пес не полностью проснулся, Тахор надел на него поводок. Ибо, как сказал отец, «идти за каменным псом сквозь камень невозможно. Пес становится частью камня, входит в него, сливается с ним. Между псом и

окружающим камнем нет никакого зазора. Так что пса нельзя отпускать в свободное странствие».

Поводок был скручен из человеческих жил, и удерживал пса при помощи человеческих бедренных костей, которые, как и обещал отец, легко вошли в каменную плоть.

Пес повернулся, пасть его снова открылась, и на этот раз звук не был столь милен. Зверь страшно зарычал, и Тахор увидел, как у него быстро вырастают каменные клыки. Демон отступил на пару шагов, и пес успокоился, поняв, что перед ним такое же, как он, порождение темных сил.

Над пастью образовались два отверстия, и пес принял с шумом втягивать в себя воздух. Неожиданно он встрепенулся и рванул с такой силой, что Тахор едва не упал. Пес ударился о стену и с подыванием отступил. Пробовать снова не стал. Как объяснял отец, «поводок не даст ему уйти, ибо человеческое внутри него не позволяет ему передвигаться в родной стихии».

Потом двинулся дальше, но уже не с такой сумасшедшей скоростью. Тахор бежал за ним. Прыгал вместе с ним в провалы, и поднимался по вертикальным шахтам. У пса то вырастали цепкие лапы, то он становился плоским, длинным и изворотливым как пиявка, редко удерживаясь в пределах одной формы больше нескольких мгновений.

Силы Тахора уже были на исходе, он задыхался, и ему очень хотелось пить, когда он, наконец, услышал знакомые голоса Гизеллы и варвара, укравшего ее. Тахор сразу забыл обо всех своих неудобствах. А пес, почувствовав близость живых людей, рванулся с такой силой, что человеческие бедренные кости вышли из него, и, обретя свободу, пес нырнул в стену, как рыба в воду. Зеленокожий демон с отчаянным криком бросился вперед, чтобы не дать псу убить Гизеллу.

18

Рык каменного зверя был столь свиреп, что, казалось, даже воздух замер от испуга. Только не Конан. Зверь выглядел так, будто его нельзя было убить. Во всяком случае, мечом. Но Конан все равно взял меч в руки и изготовился. Он будет сражаться, даже если это бесполезно. Умереть в сражении, значит попасть за длинный дубовый стол бога войны и вечно пить из серебряных кубков кровь убитых врагов, которая крепче, чем вино. А врагов, которых убил Конан, было немало, так что жажды он не будет испытывать.

Гизелла, вся дрожа, обняла его за талию и прижалась к спине.

– Ты не боишься умереть? – прошептала она.

– Просто не думай об этом, – ответил Конан, размышляя, какие могут быть слабые места у этого каменного чудовища. Чего-то ведь он наверняка боится!

– А что если мы поплыем по реке, – сказала принцесса. – Ты умеешь плавать?

– Мне пришлось дважды переплыть Стикс, кишащий крокодилами, и, как видишь, все у меня на месте, – произнес Конан, и тут его осенило, и он указал мечом на каменного зверя: – А вот эта тварь, пожалуй, плавать не умеет!

– Я тоже так думаю, – сообщила Гизелла.

– Дерись со мной, варвар! – вдруг раздался знакомый голос.

Это был Тахор. Белый и невредимый, что было удивительно, если учесть в какой ситуации они видели его в последний раз.

– Плыви, – сказал Конан и толкнул Гизеллу.

Не успев ничего возразить, она оказалась в ледяной воде. В первый миг у нее было ощущение, что она сейчас сама превратится в ледяную фигурку, наподобие тех, что делают зимой в праздник Большой Стужи. Но когда она расправилась и высунула из воды голову, все уже не представлялось столь безнадежным. Фигурка изо льда могла шевелиться.

– Ты убил мою Гизеллу! – заорал Тахор.

– Я жива! – стучала зубами, не слишком внятно, произнесла Гизелла и медленно поплыла против течения к другому берегу.

Конан крутанул меч в воздухе, и Тахор сильно замедлил свой бег, увидев, что противник владеет оружием лучше, чем он ожидал.

Каменный пес находился все на том же месте, наполовину

высунувшись из стены. Он продолжал рычать, но его рык уже больше не казался настолько свирепым. Зверь слишком затянул с угрозами.

Тахор поднял камень и швырнул его в Конана. Швырнул с такой силой и скоростью, что раздался гул. Но Конан без труда увернулся, и камень шлепнулся в воду, подняв брызги.

– Эй! – завопила Гизелла.

– Она ведь нужна тебе живой, как я понял, – сказал Конан. – Что же ты кидаешься камнями?

Конан ступал легко, мышцы под его кожей перекатывались, как у мощного льва, вожака прайда, а длинный меч был словно продолжением его ловкого тела. Тахор остановился на расстоянии в несколько шагов, затем сделал вид, что бросается в атаку, но вместо этого прыгнул в сторону и хлестнул хвостом Конану по коленкам. Думал, что хлестнет. Потому что коленки Конана вдруг оказались выше, а вместо них хвост Тахора наткнулся на меч. Черная кровь демона окропила меч и камень.

Разрез был не слишком глубокий, потому что Тахор хорошо управлялся с собственным хвостом и сумел отклонить его движение вниз. К тому же кожа хвоста была весьма прочной.

Конан перевернулся в воздухе и приземлился возле Тахора на расстоянии меча. И снова брызнула черная кровь. Теперь из руки демона. Еще одного удара Тахор дожидаться не стал. Он предпочел отступить. И меч Конана с гулом рассек пустой воздух.

Наконец, каменный пес решил, что настало время покинуть скалу. Он принял форму, наиболее близкую к своему названию, действительно стал походить на пса с вытянутой мордой, только ноги были непропорционально длинными. И со страшным грохотом потрусили к Конану.

Не дожидаясь, когда пес достигнет его, киммериец бросился псу навстречу. Каменный зверюга обладал многими достоинствами, но один недостаток у него был, и существенный – он был слишком тяжелым. А этот недостаток приводил к другому – неповоротливости.

Бегать пес умел очень быстро, но вот остановиться быстро не мог. Конан едва не бросился ему под ноги, но в последний момент уклонился, и оказался у пса под брюхом. И немедленно попробовал убедиться в неуязвимости пса, ткнув мечом вверх.

Меч звякнул, но не оставил на брюхе ни единой царапины.

– Да он сожрет тебя вместе с твоим мечом! – радостно воскликнул Тахор, уже не столь рьяно жаждущий лично убить своего врага.

Его бы вполне устроило, если бы пес просто раздавил Конана.

Киммериец отскочил от задней ноги пса и остановился, тяжело дыша, глядя, как каменная тварь снова изменяет форму, чтобы остановиться прежде, чем рухнет в реку.

Передние ноги пса укоротились, а затем совсем исчезли. Морда остановилась, в то время как задние ноги и короткий хвост продолжали движение. Пес как бы вбежал в самого себя превратившись в округлый серый валун, которых немало было в Киммерии. Правда, этот валун пробыл валуном недолго. Всего лишь одно мгновение. А потом, на том месте, где только что у пса был хвост, появилась морда.

И пес снова бросился на Конана. Глядя на приближающегося пса, выжидая удобный момент, киммериец перестал обращать внимания на Тахора. Как выяснилось, зря. Потому что, когда Конан сделал шаг в сторону, намереваясь убраться с пути зверя, тяжелый бульдожник ударил ему в плечо.

– Конан! – крикнула Гизелла.

Варвар обернулся на зеленокожего демона, который собрался бросить следующий камень. Он неплохо владел этим оружием. И в этом было его преимущество перед Конаном.

Передняя нога пса едва не задела киммерийца, который вынужден был упасть и быстро прокатиться под ней, чтобы в следующий миг вскочить и увернуться от задних ног.

Конан по-настоящему разозлился, и когда каменный пес снова начал превращение, бросился к Тахору, чтобы сразиться с ним. Но Тахор предпочел уйти от ближнего боя. Он не был глупцом, и, несмотря на то, что прежде не встречал достойного противника, встретив его в лице Конана, сумел не переоценить свои силы.

Он кинулся от него прочь в туннель, откуда пришел.

– Плыви, Конан! – воскликнула Гизелла. – Голос ее донесся издалека.

Она, наверное, была уже у противоположного берега. Конан больше не раздумывал. Он сунул меч в ножны и с длинного прыжка вошел в воду. Вода была ледяной, но это нисколько не впечатлило его. В Киммерии вода такая одиннадцать месяцев в году.

Он сильными гребками поплыл в сторону Гизеллы. Он разглядел ее голову, которая торчала над водой, как раз в одном из столбов солнечного света.

Следом за Конаном в воду устремился и каменный пес. Он вошел в нее не так гладко, как киммериец. Каменная глыба плюхнулась в воду так, как и положено глыбе. С шумом и брызгами.

И сразу пошла на дно. А дно, как оказалось, было достаточно далеко

от поверхности. Река текла в узкой глубокой расселине. Из воды доносились нечастые глухие удары. Это каменный пес ударялся о различные выступы постепенно сужающейся расселины.

Конан доплыл до Гизеллы и взял ее за руку.

– Ты подала отличную идею, – сказал он.

– Аа-а, – ответила она, стуча зубами. – А-а теп-перь у ме-еня еще од-дна ид-дея. Пос-скор-рее отсюд-да выб-браться! – И она указала на отверстие, из которого падал солнечный свет.

Конан взглянул на стену, уходящую вверх не совсем вертикально, но под очень тупым углом. Выбраться будет непросто, хотя и возможно.

– Иди первой, – сказал он и помог Гизелле вскарабкаться на небольшой уступ.

Принцессу трясло от холода. Кожа приняла синий оттенок, оттенок льда. Честно говоря, Конан испытывал весьма большие сомнения относительно того, что она сейчас в силах взобраться по скале. Но все равно ничего другого не оставалось.

– Подожди, сейчас, – Гизелла склонила голову, прикрыв глаза.

Конан спокойно ждал.

– Я вас достану! – заорал Тахор с другой стороны и вслед за этим раздался шлепок упавшего в воду камня, но подземная река была настолько широкой, что до людей не долетели даже брызги. Пришли только волны, да и то очень слабые.

– Иду, – сказала Гизелла и принялась подниматься.

«А в этой девчонке еще полно сил! И она далеко не столь хрупкая, какой кажется», – подумал Конан.

Тахор метался по берегу в бессильной злобе и ярости. Он не умел плавать в воде! Он был слишком тяжел для этого. И если бы нырнул в реку, ему пришлось бы отправиться вслед за неразумным каменным псом, который все еще продолжал тонуть – дно у этой реки было страшно глубоко.

И можно было не опасаться за Гизеллу, пока пес не остановится. Но потом он сумеет войти в камень. И ничто не помешает ему подняться вверх и атаковать. Этого нельзя допустить! Гизелла должна предстать перед отцом живой! Значит нужно призвать пса.

Следовало снова поговорить с отцом. Снова испытать его терпение, его милость и справедливость. В этом не было ничего хорошего, отец наверняка разозлится. Но вряд ли существовал иной выход из создавшегося тупика. Тупик – он тупик и есть. Двигаться можно только назад.

На этот раз Тахору пришлось гораздо дольше крутить хвостом и повторять призыв, прежде, чем отец появился. К тому же, он появился не сразу весь. Сначала появились его огромные уши, потом шесть рук, а уже потом все остальное.

– Я рад тебя видеть! – сказал он. – Но почему ты опять один? И почему у тебя обе руки на месте, насколько я вижу? Зато я не вижу принцессы! Где она?

– Вон там, – Тахор показал на противоположный берег.

Отец обернулся и некоторое время молча наблюдал за человеческой парочкой, поднимавшейся по стене.

– Ты опять упустил ее, – сказал отец. – И что же тебе помешало на этот раз? Неужели мой сын настолько слаб, что не смог справиться с грязным человечком?

– Он не простой человек, отец.

– Да, неужели? Он что, демон? Такой же, как я, или, может быть, как ты? Что-то не заметно.

– Нет, но он великий воин. Он словно воплотившийся в человека бог войны Арес! Я никогда не видел, чтобы человек так владел собой и оружием в бою. Он сам словно острый меч! – воскликнул Тахор.

– Да будь у меня тело, я бы показал этому великому воину! О, боги! Зачем я сотворил всех своих детей, если они не в силах сделать для меня такую мелочь? – Отец обхватил всеми шестью руками свою большую

голову.

– Кстати, – вдруг встрепенулся он. – А где каменный пес?

Тахор прислушался. Глухие удары, доносившиеся время от времени из воды, прекратились.

– Судя по всему, сейчас он, наконец, опустился на дно и пойдет по человеческому запаху сквозь камень.

– Гизелла! – воскликнул отец и обернулся.

Люди остановились и посмотрели назад. Гизелла вскрикнула. Конан только помрачнел и сжал зубы. Он терпеть не мог такую откровенную магию. Она всегда вызывала у него отвращение. Какие демонические силыдерживают в воздухе этого тучного розового урода?

Розовый шестирукий демон открыл рот так широко, что стало хорошо видно его горло, и закричал. Это не было похоже на крик ни одного из живых существ, что ходят, плавают и летают под солнцем. Это вообще мало напоминало крик.

Скорее скрип, с которым раскальвается огромный камень. Крик скалы.

Ибо это был зов существа, породившего каменного пса. Зов существа из тех глубин времени, когда еще не было ни воздуха, ни воды, ни земли.

И каменный пес отозвался на зов. Скалы вокруг наполнились вибрацией, а Тахору показалось, будто он слышит звук, словно музыкант дернул ослабленную струну, и она звучит почти неслышно, но все равно звучит, проникая скорее не через уши, а через кожу.

Каменные пес выпрыгнул из скалы чуть ниже Гизеллы между ней и Конаном, едва не снеся киммерийцу голову. Тело пса вылетело столь быстро, что по инерции преодолело чуть ли не четверть ширины реки, но все равно не сумело полностью превозмочь земное тяготение, и снова свалилось в воду. Но на этот раз оно не пошло на самое дно, а следуя все той же силе прыжка, врезалось в противоположный берег примерно на трети глубины, вошло в камень и вскоре снова вышло на поверхность, гоня перед собою каменную волну, которая отбросила Тахора к стене.

Выйдя на поверхность, каменный пес застыл неподвижной глыбой.

– Он снова спит, – сказал отец.

Он выглядел теперь как смертный, который внезапно постарел на двадцать лет. Как яблоко, начавшее гнить. Смотреть на него было страшно.

Тахор в ужасе и смущении отвел взгляд.

– Иди за ними. Приведи Гизеллу, иначе умрешь. Как впрочем, умру и я, – сказал отец.

– Ты же не смертный! – воскликнул Тахор.

– Стану смертным, если не увижу Гизеллу до того, как это случится. Приведи ее. Больше шансов не будет. – И с этими малоутешительными словами отец растворился в воздухе.

Тахор хотел спросить, что же такого должно случиться, но пока собирался с духом, спрашивать уже было не у кого.

Когда огромный розовый урод исчез, растворившись в воздухе, Конан вздохнул с облегчением. Значит, это был всего лишь мираж, какие бывают в пустыне или на море, ничего особенного, примитивная магия.

Гизелла все еще не двигалась и дрожала, продолжая смотреть на пустое место. Конан хотел окликнуть ее, но в этот момент Гизелла и сама очнулась и полезла вверх с удвоенной силой.

Солнечный свет, падавший из круглого отверстия наверху, настоятельно призывал к себе, противиться было невозможно.

Конан сосредоточился на скале и перестал плятиться на принцессу. Конечно, вид снизу был завораживающим, но не следовало забывать и о каменном коварстве. Горы не прощают ошибок.

Но когда Конан услышал мышиный писк, то снова посмотрел вверх. По едва заметной горизонтальной трещинке быстро бежал серый комочек с черными бусинками глаз. Мышь направлялась прямо к Гизелле, которая глядела в противоположную сторону. Конан ожидал, что когда Гизелла обернется на писк и заметит животное, она непременно закричит, как всякая нормальная женщина, а возможно и сорвется от неожиданности и испуга. Он весь напрягся и попытался, как можно прочнее закрепиться на скале, чтобы в случае чего поймать падающую принцессу.

И Гизелла действительно обернулась. Но вместо того, чтобы закричать, вдруг быстро протянула руку и схватила мышь. Зверек отчаянно запищал. А в следующее мгновение Гизелла совершила и вовсе немыслимое – она откусила мыши голову!

– Гизелла! – воскликнул Конан.

Принцесса выплюнула голову и отбросила тушку, которая скользнула по руке Конана, оставив кровавый след, и плюхнулась в воду.

Гизелла полезла дальше, будто ничего и не произошло. Она словно бы не услышала возгласа киммерийца. Похоже, что у нее сильно помрачилось сознание. Неужели этот шестирукий младенец-переросток на нее так подействовал?

Неожиданно сверху что-то упало. Что-то длинное и тонкое. Сначала Гизелла испугалась, что это снова хвост Тахора. Конечно, благодаря его хвосту, она избежала участи быть разорванной на части жуткими подземными тварями, обитавшими у лавовой реки, но здесь, в преддверии земного мира, ей не хотелось бы возвращаться в его объятия. Но это был не

хвост. По крайней мере, не хвост Тахора. Это была самая обыкновенная веревка.

– Хватайся! Хватайся! – закричали сверху.

И веревка стала раскачиваться, так чтобы Гизелла смогла до нее дотянуться. Гизелла схватилась за веревку и ее сразу же сильно и быстро потянули наверх.

В первый момент она даже вскрикнула от неожиданности и еще оттого, что, схватившись за веревку, ей пришлось расстаться со скалой, и она повисла над весьма впечатльной пропастью. С такого расстояния врезаться в воду было, пожалуй, смертельно.

Веревка раскачивалась довольно сильно. Гизелла посмотрела вверх, но из-за раскачиваний никак не могла рассмотреть, кто ее тащит. А что если это не друзья, а враги? Или на самом деле это не веревка, а щупальце какого-нибудь плотоядного животного? И человеческие крики были всего лишь уловкой? Но нет! В мире под солнцем такого не бывает.

Гизелла продолжала всматриваться. И увидела руки и лица. Людей было четверо. Безбородые юноши с кожей цвета старого пергамента. Через несколько мгновений руки уже вытягивали ее наверх, несколько грубо, на взгляд принцессы, помогая перебраться через поросший жесткой травой край колодца.

– О; да ты совсем голая! – завопили юноши. – Что ты там делала?

Ноги Гизеллы подкосились, и она без сил опустилась на землю, покрытую жухлой травой, прикрывшись обеими руками, как могла, но сразу же заявила:

– Хватит вопить, а лучше помогите моему другу!

– А теперь мы твои друзья! – со смехом заявили юноши, но все же снова бросили веревку вниз, и на этот раз улов был гораздо более тяжелым. К тому же, не слишком дружелюбным и разговорчивым, как выяснилось, когда они вытянули его наружу.

Конан оттолкнул юношей, пытавшихся помочь ему перелезть через край колодца, быстро подошел к принцессе и склонился над ней.

– Гизелла, ты в порядке? – спросил он. Потом обернулся к юношам: – Что вы стоите, как истуканы? Дали бы девушке, чем прикрыться.

Честно говоря, одеты юноши были весьма бедно, в какие-то не слишком чистые лохмотья неопределенного цвета, приобретенного, как подозревал Конан, исключительно от грязи различного происхождения. Один из юношей сразу же отозвался на призыв киммерийца, сорвав с себя дырявую накидку, и протянул ее Гизелле. Конан взял накидку и прикрыл ею плечи дрожавшей принцессы.

– Ну, запах от этих лохмотьев не особо изысканный, но это все же лучше, чем ничего, – сказал он.

Гизелла кивнула и поплотнее закуталась в накидку.

– Где мы? – спросил Конан.

– В Долине ветров, – не без гордости сообщил наполовину обнажившийся юноша. Вид у него был, как у постоянно недоедающего человека. Ветра в этой долине действительно были в изобилии, это чувствовалось, но вот с едой было явно хуже.

– Далеко до Шадизара? – спросила принцесса.

– Шадизара? – удивленно переспросил юноша, переглянувшись с товарищами. Они тоже, как и он, выглядели пораженными.

– Ну, да, – сказала Гизелла. – Я что, задаю глупый вопрос?

Юноши замялись.

– Да мы точно не знаем, – сказал владелец накидки, которая сейчас немного согревала Гизеллу. – Мы там никогда не были, и оттуда к нам никто не приезжал. Мы, честно говоря, вообще не знаем, существует ли Шадизар...

Гизелла возмущенно вскочила.

– Шадизар существует! – громко воскликнула она. – Я – шадизарская принцесса! – Она дернула плечами так сильно и резко, что драная накидка соскользнула, и пришлось ловить ее на уровне груди.

Юноши смущенно заулыбались, будто не верили, но боялись обидеть недоверием. Конан твердо заявил:

– Она действительно шадизарская принцесса! И кто этому не верит, будет иметь дело со мной!

Рядом с ним юноши из Долины ветров выглядели, как овцы рядом с быком. Они в замешательстве переминались с ноги на ногу, не зная, куда деваться от испепеляющего гневного взгляда Конана.

Гизелла почувствовала, что пора разрядить обстановку. Она кокетливо поправила край накидки и, улыбнувшись, сказала:

– Ну, порой, я и сама сомневаюсь, что я принцесса. Да и Шадизар – действительно ли он существует? А может быть все дело лишь в человеческом воображении, которое создало его из ядовитых испарений, звезды здания из тумана и вымостило улицы забытыми снами? Кто знает наверняка? Вот и вы, господа горцы, сомневаетесь в моей реальности. А что если я вам только снюсь?

Юноши раскрыли рты и забыли их закрыть, даже когда Гизелла закончила говорить. Слова принцессы были для них столь новы и необычны, что они впали в подобие ступора.

– Эй! – сказала Гизелла, шагнув к юношам. – Я хочу есть!

– Да, да, – наперебой загомонили горцы. – Гость выше хозяина. Гость лучше хозяина. Гостеприимство – величайшая добродетель.

Гизелла посмотрела на Конана. Киммериец ухмылялся. Загадочные слова принцессы нисколько на него не подействовали, словно он уже много раз слышал подобное и относился к этому просто как к разновидности легкой болтовни.

Юноши засуетились, похватали с земли мешки с лямками, наполненные чем-то достаточно мягким, чтобы принимать различную форму, но при этом весьма тяжелым, и направились прочь.

– Идемте, идемте, – позвали они. – Мы возвращаемся в Долину ветров!

– Следом за тобой, принцесса, – сказал Конан, притворно учтиво поклонившись.

Лес по краям тропинки, по которой они двинулись друг за другом, был низкорослым, с высокой травой и непролазным кустарником. Среди ветвей щебетали невидимые птицы.

Гизелла погрузилась в мысли о будущем. Интересно, что думают в Шадизаре об ее исчезновении. А может быть, его вообще не заметили? Она ведь могла просто задержаться где-нибудь, например, увидела красивое место и захотела насладиться его созерцанием. Да, скорее всего, во дворце ничего не подозревают! И ей придется все объяснять, снова говорить о смерти служанок. Снова переживать весь этот позор ужаса и беспомощности! Гизелла содрогнулась при мысли об этом. Марисса и Хлоя, как мало я заботилась о вас! Как мало понимала ваши прекрасные юные души! Я была черствой и бесчувственной, злой и неблагодарной, И я не удивлюсь, если вы будете по ночам приходить в мою опочивальню из мира мертвых и плакать перед моим ложем, роняя бесплотные слезы! Гизелла и не заметила, как их маленькая процесия оказалась на краю леса, перед огромной зеленой впадиной в горах, над которой сияло пронзительно бирюзовое небо. Конан мягко придержал ее за локоть, чтобы она в задумчивости не сделала лишний шаг, отделявший ее от крутого склона, в который упиралась и под прямым углом разворачивалась тропинка.

– Долина ветров, – сообщил полуобнаженный юноша.

Пейзаж Долины ветров, открывшийся перед ними, захватывал дух. Казалось, здесь поработали гиганты с развитым чувством прекрасного, настолько все вокруг радовало глаз. Зеленые холмы были нарезаны террасами, спускавшимися к долине, в середине которой извивалась узкая река, блестевшая так, словно в ней текло серебро, а не вода. Селение

располагалось на двух его берегах и соединялось тремя мостами. Крыши были черными и двускатными, а в одном месте торчала высокая башня.

– Идемте же скорее! – позвал юноша, и его спутники закричали и запрыгали, будто стая обезьян, нашедших забродившие тыквы.

Люди внизу заметили юношей, возвращавшихся в сопровождении странных черноволосых незнакомцев – огромного воина-гиганта с мечом и девушку с кожей цвета снега.

Раздался звук горна, страшно синевшего и срывающегося, как будто у того, кто в него дул, были большие проблемы с дыханием, а может быть, просто имелось одно большое неумение играть в горн.

Тропинка сначала шла вдоль склона, потом стала спускаться по террасам, между которыми переходила в крутые лестницы с высокими ступенями. Юноши спешили. На террасах, по которым они проходили, людей не было. Но земля была ухоженной.

Перед селением уже собралась порядочная толпа. Женщины в длинных синих платьях с белыми, причудливо навернутыми белыми тюрбанами на головах, полуоголые, а то и вовсе голые маленькие дети, старухи в черных широких штанах, черных жакетах и черных шляпах с круглыми полями, украшенными красной бахромой, а еще старики, отличавшиеся от старух только непокрытыми головами. Все худые и низкорослые.

Мужчин и подростков среди встречавшей толпы почему-то не было. Все глазели на необыкновенных пришельцев, особенно на Конана – с опаской и недоверием. Никто из селян даже и не представлял себе, что человек может быть таким огромным. Да и человек ли вообще перед ними?

Вперед вышел маленький, совершенно лысый старик, больше похожий на мумию, чем на живое существо из плоти и крови. Однако голос его сильно отличался от внешности, был зычным как у глашатая.

– Мы рады приветствовать гостей в нашем доме! – сказал он. – Наш дом – ваш дом. Пользуйтесь всем, чем захотите. Мы так давно не видели гостей, что наши сердца готовы выскочить и плясать под солнцем, только чтобы приветствовать вас! Нашей радости нет предела! А ваши светлые лица наполняют нас весельем!

Сзади раздались вопли и улюлюканье. Конан обернулся. А вот и мужчины! Они возвращались в сопровождении подростков обоего пола, потрясая мотыгами, вилами, граблями и другими орудиями земледельцев. Не иначе, как они пытались сказать непрошеным гостям, что у них тоже есть своя гордость и что не нужно их недооценивать: гостеприимство

доходит до определенных пределов, но пусть гости не думают, что им позволено все!

– А вот и наши люди вернулись! – сказал старейшина. – Пора готовиться к празднику.

Он повернулся к голому мальшам, мальчишке лет трех, у которого была выбрита передняя половина головы, а на затылке торчала тонкая косичка с вплетенными красной и желтой тесемками, и сказал ему:

– Беги, сообщи дозорному, пусть трубит еще раз!

– Тлуби! Тлуби! – закричал мальчишке и бросился прочь по улице.

Первым из возвращавшейся толпы подошел мужчина с очень характерным лицом, глядя на которое можно были сломать себе шею, потому что лицо мужчина все время поворачивал налево, а длинный нос, тем не менее, смотрел вправо.

Несмотря на эту особенность, косоликий явно пользовался немалым авторитетом и хорошо сознавал это. Он подошел к юноше, который одолжил Гизелле накидку, и сильно хлопнул его по голому плечу. Юноша даже присел. Косоликий спросил:

– Ну что, принесли? Не зря ходили?

– Да покажи ему, Гилван, покажи! – загадали остальные юноши, принимавшие участие в извлечении Гизеллы и Конана из подземной пещеры.

Гилван снял мешок с плеч, поставил его на землю и развязал узел.

– Вот. – Он сунул в мешок ладонь и вытащил наружу горсть черной жирной земли. – Сладкая, как мед! Попробуйте! Все попробуйте! – Он поиском глазами гостей. – И ты попробуй, принцесса, – обратился он к Гизелле, и как только полуголые и голые мальчиши услышали о принцессе, они принялись громко хохотать, безошибочно определив, к кому обращался Гилван, и ринулись к ней сквозь толпу, чтобы подергать за края накидки.

Гизелле едва хватало сил, чтобы детишки не стянули с нее единственную одежду. Старухи и женщины тоже развеселились. Не так откровенно, как мальчиши, но было видно, что мысль о том, что перед ними принцесса, страшно их забавляет.

Одна из молодых женщин, вот-вот собиравшаяся родить, заметила:

– Да она ведь голая! На ней накидка Гилвана, а под ней ничего нет!

– Голая, голая принцесса! – гнусными голосами завопили дети.

– Та-ак! – громко крикнул косоликий мужчина, и все разом затихли. – Так! Нашей гостью нужна одежда.

– О, конечно, у нас есть настоящее платье принцессы! – сказал старейшина, и мальчиши снова разразились неудержимым хохотом.

Это все немного смущало Гизеллу. Казалось, они смеются над ней, находят ее ужасно смешной, как будто она переодетый женщины при дворный шут.

Малыши ухватились за нее еще крепче и куда-то потащили. Она не могла сопротивляться.

Ее тащили по улице между домами с двускатными крышами к высокой башне. Улица имела едва заметный уклон вверх и становилась шире по мере приближения к башне. Рядом с башней принцесса заметила какое-то лежащее черное существо с большими ушами, сбоку которого копошились маленькие существа, уменьшенные в десятки раз его копии. Они выглядели весьма странно и пугающе. Завидев принцессу, они кинулись к ней, большое существо тоже вскочило и уставилось маленькими глазками на Гизеллу. Потом раскрыло рот, в котором, как, оказалось, имелись внушительные клыки. Гизелла завопила и принялась вырываться.

– Да это же свинья с поросятами! – воскликнул Конан. – Гизелла, спокойнее! Ты что, никогда не видела поросят?

Гизелла попыталась взять себя в руки, но ее все еще тряслось от страха и отвращения. Она теперь поняла, что перед ней за звери. Прежде она видела поросят лишь в приготовленном виде, на серебряных блюдах или, в крайнем случае, на вертеле. И они не были столь грязны, черны и мохнаты.

– Да, да, – нашла в себе силы, вымолвить принцесса.

– Плинцесса глупая, – сказала девочка в синей юбке и синем переднике, спина у нее оставалась голой.

– Глупая, глупая! – радостно отзовались остальные дети и. с новой силой потащили принцессу.

Жуткая черная свинья нехотя отошла в сторонку от толпы детей. У свиньи явно не имелось агрессивных намерений. Но за детей Гизелла не могла бы поручиться.

У входа в башню, выглядящего как высокая узкая щель, куда едва мог притиснуться один не тучный человек, лежали доски, а к косяку были прислонены жерди. Косяк когда-то был белым, покрытым сложным цветным орнаментом, который уже невозможно было различить. Он сохранился ровно настолько, чтобы можно было догадаться о его прежнем существовании. Но дети, как оказалось, тащили Гизеллу не в башню. Перед самым входом они повернули и, чуть не сбив жерди, направились в примыкавшее к башне большое здание.

Следом за детьми и принцессой остальные тоже вошли в здание. Кроме Гилвана и косоликого мужчины. Косоликий ухватил Гилвана за плечо и втолкнул в башню, протиснувшись за ним.

– Ты кого это к нам привел, Гилван? – едва ли не прорычал косолапый.
– Не иначе хочешь накликать беду. Твой дед уже однажды чуть не накликал беду, чуть не погубил всех нас. А что если бы эта жуткая каменная тварь не ограничила бы твоим дедом, что если бы она решила сожрать женщин и детей? Ну как бы это тебе понравилось, олух? Зачем ты привел этих тварей из подземного мира?

– Но, Керземек, они ведь люди... – попытался возразить Гилван.

Керземек запрокинул голову и расхохотался жутким, леденящим смехом.

– Наивный мальчик! – сказал он, отсмеявшись. – Значит, ты решил, что они люди только потому что они очень похожи на людей? А они разве не вылезли из-под земли? Из мира, откуда никто из живых не возвращается?

– Вылезли, – согласился Гилван. – Мы им только помогли, а они и без нас, наверное, добрались бы...

– А может, и нет. Может быть, боги не допустили бы этого. А вы сами, своими руками вытянули их, а потом еще и пригласили в гости!

Керземек схватился за голову. Вид он имел почти безумный. Словно оплакивал кого-то на кладбище.

– Все наши боги скрывают вместе со мной о твоей неразумности, твоей и твоих товарищей, но они всегда были неразумны, по сравнению с тобой, Гилван. Так что именно ты несешь всю ответственность за содеянное. Когда я послал вас за землей, я надеялся только на тебя, Гилван! Только ты был моей единственной надеждой. И что? Ты вернулся, приведя демонов!

– Нет, нет, они не демоны, – все еще пытался возражать Гилван.

– Ты влюбился в эту бледную уродину? В это голое чучело? – вдруг изменившись в лице, спросил Керземек.

Гилван помотал головой, да так старательно, что стало ясно, что на самом деле у него на уме.

– Не крути головой так сильно! Отвалится; дурень! – произнес Керземек с тяжким вздохом. – Влюбился, понятно. Околдовала тебя чертовка! Наслала на тебе адские чары, а ты и не заметил. Пускаешь слюни, как неразумный младенец, как мышь при виде сыра!

Гилван покраснел до ушей.

– Что же теперь делать? Они же наши гости! Как же можно их обидеть? Мы же прогневим богов и оскорбим предков! Ведь гость – это милость бога. И надо щедро накормить и напоить его. Пусть он уйдет с добрыми мыслями!

Керземек с мрачным лицом покачал головой.

– Все, что ты говоришь, Гилван, правильно. Так завещали нам наши предки. Такова воля неба. Но те, кого вы сегодня привели, – не гости. Разве может считаться гостем вор или разбойник? Один хочет украсть, второй хочет изнасиловать и убить. Они – не гости, они – враги. А от врагов нужно обороняться, а не развлекать и кормить их.

– Я не понимаю... Мы же не можем... – Гилван уставился в пол и, казалось, готов был заплакать, что никак не подобает мужчине.

Керземек ободряюще положил ему руку на плечо и сказал:

– Не бойся. Великого греха мы не совершим. Никакого убийства. Убивать подземных демонов нельзя, иначе накличешь беду. За них придут отомстить сородичи. Говорят, такое уже бывало. Земляная долина погибла как раз от этого. Думаю, надо их просто вернуть. Они – жители подземного мира, и лучше им там оставаться. Но нельзя подавать виду, что мы поняли, кто они. Нужно изображать всяческую радость по поводу их якобы возвращения в подлунный мир. Пусть думают, что обманули нас.

21

Сначала было слишком темно. Гизелла видела только большую комнату, в углу которой стояла какая-то темная человекоподобная фигура.

– Вот, вот твое платье! – загадали дети.

– Да где же оно? Я не вижу! – воскликнула Гизелла.

– А мы сейчас покажем! – закричали дети и, оставив принцессу, бросились к стенам. Послышался скрип, и наверху появились щели, сквозь которые в комнату проник солнечный свет. Как оказалось, дети тянули за веревки, открывающие световые окна под потолком.

Человекоподобная фигура в углу оказалась чучелом, и при свете подобие человеку стало весьма сомнительным. Голова была просто высушенной тыквой-горлянкой, на которой красной краской были нарисованы условные глаза, брови, ноздри и рот. Рот был изогнут в идиотской улыбке. А все остальное скрывало красное парчовое платье, вышитое бисером. Длинное, до пола, с широкими расширяющимися книзу рукавами.

Дети снова засмеялись.

– Вот твое платье, и ты! – загомонили они. – Ты всегда улыбаешься! Почему ты сейчас не улыбаешься? Принцесса должна улыбаться!

Гизелла улыбнулась. Очень криво и кисло. Такой портрет никак не мог обрадовать оригинал. И теперь стало понятно, почему она вызывала веселье местных крестьян.

Гизелла обернулась. Конан выглядел совершенно серьезно, даже удрученно, но она-то знала, что на самом деле у него на душе. Наверняка, северный варвар потешается над ней!

– Наверное, тебе нужно одеться, – сказал он и пожал плечами.

Гизелла едва не задохнулась от возмущения.

Как смеет этот грязный мужлан издеваться над царской дочерью?! В Шадизаре он бы уже не раз поплатился за это! Принцесса сжала кулаки и наклонила голову, собираясь высказать киммерийцу все, что думает о нем и всех его сородичах, однако позабыла придерживать накидку, которую опять стали теребить дети – и едва не поплатилась за это. Накидка соскользнула, обнажив ее грудь. Гизелла с трудом успела поймать накидку у пояса. Намерения шадизарской принцессы мгновенно изменились.

– Я хочу надеть платье! – заявила она. – Но принцессы переодеваются одни. Немедленно отвернитесь! Отвернитесь все!

Она не рассчитывала, что ее слову последуют буквально, но достаточно было уже и того, что крестьяне не станут глазеть откровенно. Так и произошло.

Гизелле пришлось приложить немало усилий, чтобы снять платье с чучела. Сначала она по-прежнему придерживала накидку, но одной рукой снять платье никак не удавалось. Пришлось забыть о приличиях.

Платье оказалось тяжелым, но не пыльным, как опасалась принцесса. А под ним она с удивлением обнаружила нижнее платье, набедренную повязку из черного шелка и даже сафьяновые туфли небесного цвета. Все было настоящим, без обмана. Такую одежду она не постеснялась бы одеть и во дворце!

За чучелом на маленькой изящной подставке стояло идеально отполированное медное зеркало.

Гизелла взяла его в руки и придирчиво осмотрелась.

– Ну, как я выгляжу? – спросила она.

Все обернулись и уставились на нее. Крестьяне не в силах были вымолвить ни слова. Ни мужчины, ни женщины, ни даже дети. Все были поражены удивительным превращением. То, что для них было вечно мертвым, стало вдруг живым, и хотя они знали, что так должно было произойти, и сами способствовали этому, все равно превращение было слишком поразительным.

Молчание затянулось. Гизелле это надоело, и она крутанулась в ритуальном танце солнца, взмахнув рукавами.

– Прекрасно! Как настоящая принцесса! – заявил Конан.

– А я и есть настоящая! – чуть не сорвавшись на визг, воскликнула Гизелла.

– О, прости. Я хотел сказать, что ты выглядишь так, как и должна выглядеть!

– Принцесса! Принцесса! Ты живая! – загомонили дети.

– Она настоящая! – заговорили взрослые.

– Настоящая, настоящая, – эхом прокатилось по комнате.

– Я – шадизарская принцесса! Шадизар – самый великий город у подножия Карпашских гор! – заявила Гизелла.

– А где он находится, этот Шадизар? – спросила одна из старух, черная шляпа которой стала уже серой от пыли, а от красной бахромы остались лишь обрывки нитей.

Гизелла пожала плечами.

– Если бы я точно знала, где нахожусь, то смогла бы вам сказать, но я не знаю, – честно призналась она.

Вокруг засмеялись.

– Ты до сих пор не знаешь, где находишься? – спросила старуха. – Ты не знаешь, что находишься в Долине ветров? Ты глупа? Ты как малое дитя? Ты не видишь всего, что вокруг и не слышишь слова, которые говорят?

Гизелла возмущенно всплеснула руками.

– Нет, конечно! Я прекрасно понимаю, что нахожусь в Долине ветров! Но я не знаю, где эта ваша Долина ветров относительно Шадизара!

– Значит, ты знаешь, где находишься, но не знаешь, где твой родной Шадизар? – с удивлением спросила старуха.

Гизелла вздохнула. Пожалуй, крестьянка по-своему права. Для нее Долина ветров это центр мира, а Шадизар на окраине.

– Ну, примерно, так, – согласилась принцесса. – А вообще я замерзла, заблудилась и очень голодна.

– Так мы накормим тебя! – раздался многоголосый выкрик, дети схватили принцессу за рукава и закружили, вынуждая ее снова танцевать, как солнце.

Потом на полу расстелили синее полотно, расставили по краям длинные лавки и столы, а потом женщины принесли в металлических сосудах воду и молоко, а на металлических блюдах цветы и плоды.

– Мы будем праздновать! Мы будем веселиться! Пусть возрадуется тысячеглазый и тысячеухий! – послышались возгласы.

Луна, внутри которой вечно хранится семя небесного бога, была обителью семи праведных дев, семи праведных принцесс, не пожелавших стать вместилищем греха Кета, бога мрака, пришедшего из глубины времени. Бог мрака был свиреп и хотел наказать семь праведных дев, принеся их в жертву своему отцу, безвременному хаосу, но девы сбежали.

Дворец из белого мрамора, в котором они обитали, поглотила луна, а они вознеслись над ней на облаках и направились в разные места земли. Они думали, что порознь их будет труднее найти. Но прибыв на землю, они не смогли найти друг друга, как ни искали. И долго бродили небесные принцессы по земле, плача и стеная, пока не забыли о своем небесном происхождении. Но даже забыв о нем, они помнили красоту неба, и часто глядели на него, восхищаясь, но, не понимая, что же в нем прекрасного. Одна из дев, имя которой пожрал отец Кета, бога мрака, безвременный хаос, заблудилась в Карпашских горах. Она поднималась на вершины, шла по хребтам, ночевала в долинах.

И вот однажды она остановилась у реки и увидела свое отражение. Она залюбовалась собой, но вдруг заметила, что в реке отражается не только она, но и горы, и лес, и большой свирепый медведь на другом берегу. Она испугалась и отпрянула от воды, взглянув на другой берег. Но никакого медведя там не было. Тогда она снова взглянула в воду и увидела рыбу. Рыба была большая и темная. Спина ее медленно изгибалась в потоке. А потом рыба раскрыла рот и проглотила все отражения. Небесную деву, горы, лес и медведя. Ничего не осталось, одна только рябь.

Небесная дева закрыла глаза и просидела так до ночи, пока на небосклон не выкатилась луна. Она была словно белый глаз, пристально глядящий. Взглянула дева на луну и забылась праведным сном.

И сквозь этот сон пришел к ней человеческий, земной язык, пришли знания о том, как возделывать землю и возвращивать злаки, как строить лестницы и террасы, как возводить мосты и дома. Обо всем для земной жизни узнала она, лунная принцесса, а когда пробудилась, то услышала стук копыт. По берегу скакал прекраснейший из смертных, заблудившийся юноша, покинувший отеческую землю и страждущий любви и знания. Он тоже увидел принцессу, как и она его. Они с первого взгляда полюбили друг друга. Он был из далеких восточных земель, из великой страны, где строят корабли как горы, а строительством управляют люди, которые

умеют вспоминать о прошлом и писать оды тысячу лет назад почившим царям. Она не помнила своего происхождения. Но все равно они поняли друг друга. Они общались взглядами и руками, рассказывали друг другу о своей любви бровями и губами. Они построили первый дом и первый мост, выровняли верхушку холма и посадили на нем злаки, и сделали лестницу, чтобы подниматься к нему.

Небесная принцесса научила юношу языку из своего сна, а он рассказал ей о законах своего народа. Они родили первых жителей Долины ветров и обучили их всему, что знали сами. А когда пришла пора покидать потомков, чтобы в лучшем из миров быть их защитниками перед злыми обвинителями и придирчивыми судьями, они вспомнили обо всем, что забыли, и поведали о законах гостеприимства.

Гостя надо щедро накормить, напоить и развеселить. Ибо гость – это милость бога, это посланец от бога, это свидетель праведности и правдивое слово. И каждый гость может быть ухом и глазом великого владыки, обитающего внутри воздуха. Невидимого и всезнающего. А великий владыка обладает тысячью ушей и тысячью глаз. И каждое его ухо, и каждый его глаз распознают самое громкое и самое большое, самое малое и самое тихое. Ничто не способно укрыться от него. И в лучшем из миров все зачтется человеку. Дурной взгляд и дурная мысль, дурное слово и дурной поступок. Сурово, но справедливо будет судить царь царей, владыка владык, и каждое его ухо, и каждый его глаз будут свидетельствовать. А еще бог-создатель не любит скуки, не ради этого создал он поднебесный мир. Он хочет веселья и радости, хочет игрищ и танцев, хочет песен и улыбок.

И люди из Долины ветров стремились не прогневить бога. Они работали, словно танцуя, с песнями и улыбками, и всякое событие отмечали праздником, веселись, насколько хватало сил.

Обо всем этом Гизелла узнала из песен и представлений, разыгрываемых на синем полотне, означающем дарованную людям воду, благодаря которой существуют злаки и цветы, травы и плоды, люди и звери.

Правда, избалованной щадизарской принцессе крестьянское веселье представлялось грубым, но она постаралась не подавать виду о том, что действительно думает. Она улыбалась, хлопала в ладоши, когда кто-то танцевал перед ней, смеялась, а также танцевала сама, когда ее к этому вынуждали, успешно скрывая истинные чувства. Она была царицей этого пира. Ей первой предложили отведать праздничной пищи. Это был неизвестный ей плод. Такой большой, что его едва можно было обхватить пальцами. Гизелла взяла его и поднесла ко рту, смущенно улыбаясь, потому

что не знала, как от него откусить.

– Нет, не так, – сказала девочка, стоявшая рядом. – Принцесса, а не знаешь. Давай я тебе покажу, как надо.

Гизелла с радостью отдала плод девочке. Она взяла его двумя руками, надавила большим пальцем на верхушку – и плод, брызнув на пол сочной красной мякотью, распался на две половинки.

– На, ешь, – сказала девочка и протянула одну половинку Гизелле, а другую со счастливым видом принялась есть сама.

Сок стекал у нее по подбородку и капал на грудь. На девочке были синие юбка и передник, спина и бока оставались открытыми, видны были худые ребра.

– Вот нахалка! – сказал кто-то.

– Я не нахалка, а просто очень хитрая, – заявила девочка с набитым ртом, и все засмеялись.

– Где же музыка? Где музыканты?! – раздался нетерпеливый женский голос. – Принцесса устала ждать!

Она была не права, Гизелла вовсе не устала, поскольку и не ждала. Но как бы то ни было, а в ответ женщине вдруг грянул такой резкий странный звук, что у принцессы сердце ухнуло куда-то вниз. На миг она подумала, что все это сон, и сейчас она проснется в объятиях Тахора, глубоко в Нижнем мире. Она едва сдержалась, чтобы не закричать.

Но когда к этому звуку добавился гулкий барабанный удар, а потом еще и звон маленьких колокольчиков, она поняла, что звуки эти вовсе не вопли голодного демона, а всего-навсего сельская музыка.

– Бог хочет танцев! – воскликнула худая девица-подросток, выскочившая из толпы.

Синее платье на ней было слишком просторное, туда могла бы поместиться еще одна точно такая же.

Барабаны застучали с новой силой. Девица наклонилась всем корпусом, выставив зад, томно повела им влево-вправо, будто корова, заигрывающая с быком, а затем вдруг резко выпрямилась и подпрыгнула, высоко вскинув ноги.

К ней присоединилась вторая. На мгновение они встали друг напротив друга, подбоченившись, словно кулачные бойцы, а потом принялись кривляться, изображая то ли обезьян, то ли бойцовых петухов.

К ним выскоцил юноша, вроде бы один из тех, что помог Гизелле и Конану выбраться из подземного мира. Девицы усиленно делали вид, что он им мешает, толкали его, как бы, не обращая на него внимания, но это явно была всего лишь часть танца, и на лице юноши сияла довольная

улыбка.

А потом к танцующим один за другим стали присоединяться молодые люди, и вскоре же почти все танцевали. Кто-то схватил Гизеллу за рукав и тоже втянул в круг.

Мелькали лица, раздавались выкрики. Гизелле то и дело приходилось уворачиваться от кос, рук, а иногда и ног. Каким-то чудом ее ни разу не задели, хотя она никогда не подозревала за собой отчаянно большой ловкости. Скорее всего, это все-таки была не ее ловкость.

Долго она не продержалась. От мелькания и верчения у Гизеллы закружилась голова, она остановилась и оперлась на руку любезно подвернувшегося молодого человека. Он сразу понял, что ей нехорошо. Бережно поддерживая принцессу за талию, он отвел ее к лавке и усадил.

– Тебе что-нибудь нужно, гостья? – спросил он, склонившись к Гизелле.

От него пахло сеном и потом. Она помотала головой. Но вид ее говорил о том, что одно ей все-таки нужно – посидеть, не кружась больше. И без того бледное лицо сделалось еще бледнее.

Она прикрыла глаза и прислонилась затылком к стене, попытавшись отрешиться от визга и стонов струны, боя больших и малых барабанов, звона колокольчиков. Но когда это более-менее удалось, над самым ухом раздался зычный голос, от которого принцесса даже вздрогнула:

– Устала, гостья?!

Гизелла открыла глаза. Рядом с ней сидел тот самый лысый старик, похожий на мумию, что приветствовал их, когда они входили в селение.

– Не злитесь, – чуть тише сказал старик. – Они никак не нарадуются! Они счастливы, что вы здесь! Вы у нас первые настоящие гости, после пятидесяти лет, когда погибла Земляная долина, это недалеко, за перевалом, а о другом мире, который за горами, мы забыли, но мы не забыли о гостеприимстве. Каждые три месяца мы выбираем из нас гостя и чествуем его как гостя. Поэтому мы умеем веселиться!

Гизелла вертела головой, но никак не могла найти своего могучего спутника. Конан куда-то подевался еще в самом начале праздника. Это тревожило принцессу, но она ни у кого не решалась спросить, где он.

Крестьянские девушки вид обычно имеют скромный и застенчивый, но на самом деле всегда не против провести ночь с понравившимся молодым человеком. Эта истина оказалось верной и для Долины ветров. Конан еще издали приметил двух юных девиц, глядящих на него особенным взглядом, и пока внимание большинства крестьян было обращено на принцессу Гизеллу, продолжал обмениваться с ними взглядами. А когда в большой комнате с чучелом расстелили синее полотно и начали ритуальные танцы, Конан воспользовался невниманием к своей особе и удалился. Он отошел от площади перед башней в небольшую улочку и присел на лавку.

Как он и ожидал, девицы, заинтересовавшиеся им, пошли за ним следом. Они были маленького роста и похожи друг на друга, как близнецы. Наверное, они и были близнецами. Они стояли в нескольких шагах от Конана и усиленно делали вид, что стоят здесь вовсе не для того, чтобы глязеть на него. Он не мешал им в этом занятии.

Сняв со спины ножны с мечом, он поставил их перед собой в качестве опоры. Усталость и голод давали себя знать. Если бы не отвращение к ритуалам, он бы остался с принцессой. Из большого здания донеслась визгливая музыка. Наверное, пир уже начался, и подали мясо, плоды и вино. Ни от чего из этого. Конан бы не отказался.

Девицам надоело кривляться друг перед другом, время от времени, произнося ничего не значащие слова, и одна из них решила действовать откровенно.

Она подошла к Конану самой соблазнительной из походок, которую знала, и спросила:

– Ты, наверное, устал, гость? Ты хочешь мяса и вина?

Конан в ответ одарил ее улыбкой.

– Меня зовут Конан, красавица. И я хочу мяса и вина, ибо усталость доконала меня.

– Ах, гость, мы сейчас! – хором воскликнули девицы и бросились к большому зданию.

Главное, подумал Конан, чтобы у них не нашлось безрассудных обожателей. Не любил Конан с такими сражаться, а, тем более, убивать. Они ведь могли напасть на него не со зла, а по глупости, а воин должен бороться не с глупостью, а со злом. Кроме прочего, Конан был не один, и

следовало думать и заботиться не только о себе.

Девицы вернулись очень быстро. У одной из них был металлический кубок с вином, у другой большое блюдо со снедью. Они толкались, визжали и хихикали. Из кубка на землю выплескивались кровавые капли, а с блюда угрожали свалиться плоды.

– Пей, гость, – сказала одна из девиц, протянув Конану кубок с вином.

Он с жадностью приложился к кубку. Вино было превосходным. Ради такого где-нибудь, в Шадизаре надо было серьезно потрудиться. Оно стоило раз в десять дороже обычного пойла.

– Прекрасное вино, – сказал Конан, допив до половины.

Девицы заулыбались, пряча глаза от смущения, как и полагается юным крестьянкам. Но сколько в этой стыдливости было скрытой страсти!

Конан усмехнулся и добавил:

– Но одним вином сыт не будешь.

Он протянул руку к блюду и взял тонкий кусок жареного мяса с золотистой корочкой. Корочка состояла из сыра, обильно сдобренного красным перцем. Пришлось еще изрядно приложитьсь к кубку.

– Как вас зовут, красавицы? – спросил Конан.

Девицы захихикали и принялись толкать друг друга локтями.

– Ты говори, он тебя спросил, – сказала одна.

– Нет, тебя. Ты должна ему сказать, как нас зовут, – возразила вторая.

– Нет, ты. Улара, ну я тебя прошу! – взмолилась первая.

– Ну вот, сестрица, про меня ты и сама сказала! Договаривай уж теперь до конца! И себя представь. – Улара повернулась к Конану и улыбнулась: – Вот, смотри, гость на тебя смотрит и ждет!

На самом деле, в этот момент Конан смотрел на Улару, а не на ее сестрицу. Потому что вино в кубке кончилось, и он собирался попросить еще...

Сестрица Улары вдруг шумно всхлипнула, неожиданно резко сунула блюдо со снедью в руки Конана, повернулась и убежала. С блюда скатился большой зеленый плод, упал на землю и раскололся на половинки. Сочная красная мякоть брызнула во все стороны.

– Куда это она? – спросил Конан.

– Не знаю. Но до утра теперь точно не появится. А может и пару дней пропадать.

– Жаль, она мне нравилась, – сказал Конан.

– Странно, что она тебе нравилась. Она ведь очень глупая, еще совсем ребенок.

– Да ведь вы одного возраста, разве не так?

– Нет. Я старше. Я раньше вылезла из маминого живота. Так мне мама сказала, – пояснила Улара.

– Ну, может быть, и не старше, зато проворнее, – сказал Конан.

– А вот она у нас вообще спать любит. Чуть свое рождение не проспала. Только потому и родилась, что я ее ногой толкнула, когда вылезала. Если бы не я, она бы все спала и спала.

– Вряд ли можно проспать свое рождение, – засомневался Конан.

– Да запросто. Ты такой большой и сильный, а простых вещей не понимаешь. Или там, откуда ты пришел, никто навсегда не засыпает? Да так крепко, что начинает гнить?

Из большого здания донеслась ритмичная музыка. Большой кожаный барабан, колокольчики, маленькие жестяные барабанчики, свистульки, какие-то струнные инструменты.

Улара стала покачивать головой, потом плечами, потом движение пошло дальше вниз и вот она уже принялась вся извиваться, как рыба, плывущая против течения.

– Смотри, как я умею! – с этими словами она развернулась к Конану задом, сильно наклонилась и так откровенно задвигала бедрами, что Конан позабыл о том, что собирался попросить ее принести еще вина.

Она сама была вином! Так, после чарки-другой доброго вина, любили восклицать, рассказывая о своих свиданиях, странствующие воины в Шадизаре, настроенные на поэтический лад.

Не было никаких сомнений, что во многих случаях они преувеличивали, ибо Конан подчас имел возможность проверить их слова, но двигающиеся бедра Улары действительно опьяняли!

Рука Конана непроизвольно потянулась к девушке и погладила ее. Улара крепко схватила Конана за руку и потащила руку вниз.

– Улара, что ты делаешь! – неожиданно раздался срывающийся юношеский голос.

«Ну, вот, – подумал Конан, – как и следовало ожидать, такие хорошенъкие девицы со склонностью к флирту, не могут быть совершенно свободны. Жаль парня».

– А ты что, сам не видишь? – спросила Улара, разгибаясь и упирая руки в бедра. – Ты думаешь, раз я с тобой одну ночь целовалась, так я стала твоей навеки?

Юноша выглядел очень расстроенным. В руках у него была палка.

– Улара... – произнес он.

Она покачала головой и показала ему язык.

– Улара, Улара... – передразнила она. – А что ты ко мне, а не к моей

сестрице лезешь? Ты ведь ей нравишься, а она ведь такая же, как я.

– Не такая же. – Голос юноши дрожал.

– А какая? Ну, отвечай же, Хатван!

– Ты... Ты – желанная! – почти выкрикнул он.

Улара издевательски захихикала, повернулась и положила руки на плечи Конана, а потом села к нему на колени.

– Я теперь целиком принадлежу ему, нашему гостю, – заявила она, обернувшись к Хатвану и прижимаясь затылком к могучей груди киммерийца. – И он заберет меня с собой. Я буду его маленькой рабыней. И он будет меня наказывать, когда я провинюсь.

Конан осторожно взял красавицу за талию и поставил на ноги.

– У меня нет рабов. Я сам свободный человек и предпочитаю иметь дело со свободными людьми. Но наказать тебя я готов хоть сейчас! – сказал он и слегка шлепнул Улару пониже спины.

Шлепок получился весьма звонким. Улара взвизгнула. Конан поднялся с лавки и шагнул навстречу Хатвану.

– Я убью тебя! – закричал юноша, поднял палку высоко над головой и с воплем кинулся на Конана.

Разумеется, юноша пробежал мимо, споткнулся о лавку и свалился за нее, но тотчас мужественно поднялся, не обращая внимания на кровь, текущую из носа.

– Бери меч, трус! – завопил он, вскакивая на лавку, прыгая ногами в блюдо, с хрустом давя плоды. – А я убью тебя вот этой палкой!

– Хатван, ты что? Это же наш гость! Ты что с ума сошел? – вскрикнула Улара.

Не удостоив возлюбленную ответом, юноша снова бросился на противника. Конан опять отступил, но на этот раз еще и подставил ногу, так что Хатван, прежде чем упасть, перевернулся через голову и ударил сам себя палкой.

Кровь брызнула на лицо Конана, но он этого не заметил. Упал Хатван основательно и явно не собирался быстро вставать.

– Изверг! – вскрикнула Улара. – Зачем ты так моего Хатvana! Ты убил его! Ты зверь, а не человек!

Хатван в ответ застонал.

Улара сжала кулаки и бросилась на Конана, обрушив на его грудь град слабых ударов. Он молчал, не препятствуя ей. Через несколько мгновений она перестала так же внезапно, как начала. Она отступила, прижав кулаки к груди, со слезами на глазах, и забормотала:

– Прости, прости меня, гость. Гость выше хозяина. Гость лучше

хозяина. Накажи меня, накажи со всей строгостью! Я очень грешна. Мне нет оправдания. Нет прощения! – Она встала на колени и низко опустила голову, как преступник, подставляющий шею под топор палача.

– Я не зверь, – сказал Конан. – А твой Хатван жив.

– Я жив, – подтвердил Хатван.

– Я готова стать рабыней в твоем доме! – вскрикнула Улара и сама себя звонко ударила ладонью по щеке.

– У меня пока нет дома, – возразил Конан. – Но когда будет, я обязательно воспользуюсь твоим предложением.

Гизелле наскучило веселье. А крестьяне, наоборот, увлекались все больше и больше. Когда они увлеклись настолько, что перестали обращать внимание на принцессу – по крайней мере, ей так показалось, она решила покинуть комнату. Ужасно хотелось побывать наедине. Общество утомило принцессу. Ее утомляло любое общество, даже в Шадизаре, даже самое утонченное и изысканное, а крестьяне утомили особенно. Она чуть не шаталась от усталости. Очень хотелось спать.

Выходя под небо, на котором бесстыдно сняли звезды, она присела на лавку, не заметив, что следом за ней вышел юноша. Это был Гилван.

Увидев, что Гизелла склонилась в позе усталой задумчивости, он в нерешительности остановился в тени.

Гизелла посмотрела на свои ноги и увидела мышь. Мышь что-то разнюхивала между носков сафьяновых туфель. В другое время Гизелла бы закричала и вскочила на лавку, как и подобает приличной женщине из высшего общества, но тут поступила по-другому. Она осторожно, медленно, чтобы не спугнуть мышь, придерживая правой рукой левый рукав, высвободила левую руку и схватила мышь за хвост. Зверек запищал и попытался улизнуть, отчаянно перебирая лапками.

Гизелла на мгновение выпустила его, а потом снова схватила. Она действовала как кошка, играющая с мышью!

Гилван с ужасом взирал на все это, не дыша и стараясь не двигаться. Пот градом катился у него по спине, а ноги предательски дрожали.

Гизелла соскользнула с лавки, опустилась на четвереньки и еще раз выпустила и поймала мышь. А потом поднесла мышь ко рту и откусила мыши голову!

Гилван не выдержал и вскрикнул. Гизелла обернулась. Юноша отчетливо видел ее рот, запачканный кровью, черной в призрачном звездном свете. Гизелла посмотрела на него в упор, а потом равнодушно отвернулась, словно он был пустым местом. Но она не могла не заметить его! Если, конечно, у нее было человеческое зрение. Значит, Керземек прав – и она не человек. Она – демон из преисподней. И только кажется человеком.

Гизелла выплюнула голову, встала, отбросила трупик, вытерла рот рукавом и вернулась в дом, пройдя мимо Гилвана, снова не обратив на него никакого внимания.

У входа в дом праздника она увидела Конана.

Он пребывал в непривычной задумчивости, а на лице у него была кровь.

– Что случилось? – бросилась к нему Гизелла. – Ты ранен? У тебя кровь на щеке.

– Пустяки, это не моя кровь, – сказал Конан.

– Ты кого-то убил? На тебя напали? – продолжала взволнованно спрашивать принцесса.

– Напали, если это так можно назвать, махнул рукой Конан. – Я же сказал – пустяки. Обычная деревенская драка. Скорее развлечение от скуки. Просто один юноша решил, что я покушаюсь на его будущее. Но он жив и я надеюсь, пребывает сейчас в утешительных объятиях своей возлюбленной.

Гизелла не совсем поняла, о чем толкует Конан, но он уже открыл дверь, так что выяснить подробности не осталось времени.

Крестьяне будто бы и не заметили отсутствия виновников торжества. Грохотала своеобразная сельская музыка, подростки прыгали и кривлялись друг перед другом, показывая всю свою ловкость. Правда, и музыканты стучали и дули уже не так громко, и танцоры устали.

Девица в просторном синем платье, которая первой начала танцевать, при очередном прыжке, приземлившись, вдруг пошатнулась и сильно толкнула юношу. Он, как оказалось, тоже плохо держался на ногах. Взмахнув руками, юноша сделал пару шагов назад – как раз в направлении принцессы.

Гизелла хотела уклониться, но выяснила, что это уже вполне успешно сделали за нее, ибо она находится над полом и за талию ее крепко держит Конан. Не найдя никакой опоры, юноша повалился на пол.

– Вот это было лишнее, – заметила Гизелла. – Ты, кстати, не мог бы меня отпустить?

– Я тебя не держу, – заявил Конан, ставя принцессу на пол.

Упавший юноша был уже на ногах и не знал, куда деваться от стыда. Он покраснел и склонил голову, пряча лицо, не в силах вымолвить хоть что-то в оправдание.

Но Гизелла не смотрела на него. Вместо этого она повернулась к своему могучему спутнику и залепила ему звонкую пощечину.

– Не дерзи! – сказала она.

Люди засмеялись. Особенно звонко смеялась девица в просторном синем платье. Юноша что-то неразборчиво и быстро пробормотал и поспешил скрыться. О нем тут же забыли, потому что в круг танцующих,

ковыляя, вошел лысый старик, похожий на мумию, и стал как-то уж совсем непотребно танцевать, чуть приседая и поднимая ноги, будто пес, собирающийся пометить территорию.

К гостям подбежала девочка с небольшим металлическим подносом, на котором стояли два кубка.

– Вино! – сказала девочка.

– Очень кстати! – произнес Конан, взял кубок и приложился к нему, выпив сразу почти половину. Вино было несколько хуже того, что поднесла ему на улице Улара. В нем был какой-то странный привкус. Слегка горьковатый, с оттенками прелых осенних листьев, грибов и черного хлеба.

Гизелла сделала глоток и поморщилась.

– Честно говоря, я ожидала, что гостей здесь угощают чем-то лучшим, – заявила она. – Но, наверное, это и есть лучшее. Не выпьем, тогда хозяева могут обидеться. А они ведь такие хорошие люди...

И она выпила еще.

– Не знаю, хорошие ли... – сказал Конан. – Может быть, они только делают вид, что хорошие. Вон тот, с носом набекрень, мне совсем не нравится.

– Нельзя судить о человеке по его внешности, – заметила принцесса.

Не отвечая, Конан снова приложился к кубку. Но не успел он допить, как к ним приблизилось несколько молодых женщин. Одна из них была на сносях. Она шла мелкими осторожными шажками, бережно придерживая огромный живот.

Это была та самая женщина, которая, когда Гизелла появилась в долине, указала, что принцесса голая, и на ней, кроме накидки Гилвана, ничего нет.

– Мы приготовили для вас комнату, госпожа, – громко, пытаясь перекричать музыку и вопли танцоров, произнесла она. – Надеюсь, вам понравится. Это теперь самая лучшая комната во всей долине. Вы, наверное, устали и хотите отдохнуть... – Неожиданно женщина изменилась в лице. – Да у вас пятно на рукаве! – воскликнула она.

– Пятно? Где? – спросила Гизелла. – Ах, это... Это, наверное, сок.

Она чувствовала себя виноватой, что испачкала платье, которое для крестьян было священным. Но она совершенно не помнила, откуда это пятно.

– С вами все хорошо? – заглядывая Гизелле в лицо, поинтересовалась беременная женщина.

– Все хорошо! – кивнула принцесса.

Женщины отвели Гизеллу и Конана к дому через несколько улиц.

Внутри было чисто и удивительно тихо. Кроме того, пахло приятными благовониями. Гизелла сразу ощутила разницу между этим запахом и запахом, который исходил от нее, и почувствовала себя отвратительно грязной. Ей захотелось окунуться в бассейн, полный прозрачной теплой воды – и чтобы ее умывали юные служанки с проворными руками, и чтобы за занавесью сидели музыканты и играли умиротворяющие богов мелодии. Она на мгновение прикрыла глаза, представив все это – и вдруг почувствовала во рту мерзкий вкус крови. Она чуть не вскрикнула.

Конан дотронулсь до ее плеча, почувствовав ее взволнованное состояние. Она не понимала, откуда эта кровь, но это совершенно точно была не ее кровь.

– Нет, нет, – Гизелла дернула плечом. – Оставь меня. Я в полном порядке. Ничего не нужно.

– Ты уверена? – спросил Конан.

Гизелла не удостоила его ответом. Через небольшую прихожую они попали в спальню. Здесь словно был другой мир. Словно вокруг не было ни гор, ни селения с полудикими крестьянами, оторванными от остального мира, словно они просто заглянули в одну из спален дворца в Шадизаре. На кровати под узорчатым балдахином лежали подушки. Множество разноцветных подушек – с рисунками и без, большие и маленькие, плоские и пухлые.

– Зачем столько подушек? – удивилась принцесса.

– Это подушки из приданого всех наших девушек, еще не выбравших себе возлюбленного, и они хотят, чтобы ваши благоуханные сны прочитали подушки, ради счастья и благополучия, – сказала беременная женщина.

– Но я не смогу спать на всем этом приданом! – воскликнула Гизелла.

– Это все, конечно, очень хорошо, и я оценила ваше гостеприимство и отношение ко мне, но мне ведь нужно где-то прилечь, а я не вижу свободного местечка на этой кровати!

– О, принцесса, мы тотчас все уберем! Только вы хотя бы прикоснитесь ко всем подушкам. Мы вам будем их подносить, а вы прикасайтесь!

– Дурацкое занятие! – заявила Гизелла, но все же выполнила просьбу.

Не так уж это было и трудно. Она прикасалась к подушкам даже с удовольствием, ибо все они были разными, все были произведениями искусства, весьма примитивного, но яркого, необычного и радующего взор.

Закончив глупый обряд, крестьянки откланялись и ушли. Гизелла и Конан остались в одиночестве. Конан присел на огромный сундук, разрисованный символическими облаками, и с любопытством взглянул на

принцессу. Сквозь окна, занавешенные кисеей, едва пробивался холодный вечерний свет, окутывая Гизеллу флером таинственности, что делало ее еще более соблазнительной.

– Интересно, зачем боги послали тебе меня? – задумчиво спросил Конан.

– Ты ошибаешься, варвар! – возмущенно воскликнула Гизелла. – Не меня тебе, а тебя мне! И что это ты здесь сидишь? Я хочу остаться в одиночестве! – сказала она ледяным тоном, высоко вздернув подбородок.

Она снова стала надменной принцессой.

– Я буду спать возле двери, если что, – вставая с сундука, сообщил Конан, и вышел в прихожую.

Гизелла захлопнула за ним дверь.

Птица долетит из Долины ветров до Шадизара за пару колоколов, но людей затерянной в горах Долины ветров и людей Шадизара, одного из самых великолепных городов мира, разделяет расстояние неизмеримо большее. Люди не птицы, летать не умеют, и когда единственный путь в долину был прегражден лавиной, дорога в большой мир оказалась закрытой. С тех пор минуло двести лет. Поговаривали, что есть еще один путь из Долины ветров через горы, точнее – под горами.

Но крестьяне не были столь отважными, чтобы попытаться проверить это. Из глубин земли время от времени появлялось нечто опасное – жуткие пещерные дикари, похищавшие детей безлунными ночами, или еще более жуткие создания преисподней, от одного вида которых у слабого человека могло остановиться сердце.

Но самыми опасными среди всех были создания, обликом подобные человеку, только во всем превосходящие человека. Человек по сравнению с ними был всего лишь жалкой пародией на самого себя, едва походил на человека. Ибо эти существа из иного мира показывали, каким должен быть человек. И облик обычного мужчины или женщины казался чем-то неправильным, словно они были не людьми, а куклами, созданными недостаточно умелым мастером. Но все же они были людьми, а эти существа, превосходящие человека, людьми не были.

Так считал Керземек, который надеялся состариться главой общины. Люди верили ему, и он не разочаровывал людей. Правда, до того, как он впервые встретил подобных подземных демонов, он не думал об этом. Но когда, поспешив вместе с остальными на зов дозорного, увидел, что один был подобен женщине удивительной красоты, а другой – великолепному и сильному мужчине, – он понял, что все, что до этого исходило из подземного мира, было всего лишь детскими кошмарами.

Доверчивые соплеменники Керземека даже и не подозревали, с какой жуткой силой столкнулись. Не видели за привлекательными оболочками мерзейшей сути.

И Керземек не решился открыто сказать всем, что думает о гостях. Он опасался, что люди испугаются, возникнет страх, а этим тварям из преисподней только того, наверняка, и нужно. Человеческий страх вызовет в них ответную реакцию, побудит сбросить оболочки, и тогда их будет уже ничем не остановить. Мысль об этом была для Керземека невыносима.

Этого нельзя допустить.

Он решил действовать по-другому. Предупредив Гилвана и заручившись его согласием, Керземек отправился в дом своего отца.

Пустой дом на окраине Долины ветров. И вернулся на праздник в общинный дом далеко не сразу. Так как непросто приготовить то, что поможет вернуть демонов в преисподнюю.

Это было тайное знание, хранившееся в их семье с незапамятных времен, и Керземек всегда считал, что совершенно бесполезное. Он еще помнил палку отца, которой он пользовался, чтобы побудить сына к изучению науки. И до встречи с демонами Керземек считал, что наука не пошла ему на пользу, хоть отец и употреблял палку чересчур часто.

Чтобы приготовить снадобье, Керземек использовал слизь с жабьей кожи, крыло летучей мыши, шесть видов грибов, светящихся в ночи, ножки цикад, стрекочущих в полнолуние, и мочу годовалого ребенка.

Когда он вернулся в дом праздника, демонов там не было. Но все вели себя так, будто они присутствовали. Люди радовались и веселились изо всех сил. Керземек не стал ни у кого спрашивать, где демоны, но дурные предчувствия охватили его.

К счастью, они не оправдались. Демоны вскоре появились. Они вели себя, как люди. Ничто не выдавало их истинной сущности. Но на рукаве платья женщины-демона виднелись следы крови.

Керземек, побледнев от ужаса, повернулся к ним спиной и дрожащими руками подвинул к себе поднос с пустыми кубками. Затем взял вино в глиняной бутылке, откупорил ее и сделал большой глоток. Вино оказалось на него благотворное действие. Он все еще был бледным от ужаса и чувствовал такой холод, будто все его внутренности превратились в лед, но руки больше не дрожали.

Керземек разлил вино по кубкам, незаметно добавив сонный яд, временно повергающий в черную пустоту, который должен был на несколько часов отправить демонов в путешествие их тела. Путешествие в абсолютной темноте: спящим от этого сонного яда ничего не снилось.

Он подозвал девочку, дочь своего брата, ласково погладил ее по голове, и вручил поднос.

– Иди, отнеси вино гостям. Гости не должны испытывать жажду! – сказал он.

Девочка схватила поднос и, едва не упав, со всех ног бросилась к демонам, не подозревая, что несет отраву.

Керземек с тайной радостью наблюдал, как они пьют. Он успел как раз вовремя. Промедли он еще немного – и ничего бы не вышло. Ибо не

успели демоны допить, как к ним приблизились молодые женщины и у вели их отдохать.

Керземек вздохнул с облегчением и допил вино из горльшка. Гилван подошел к нему. На юношу было страшно смотреть. Должно было случиться что-то ужасное, чтобы он так выглядел.

— Гилван, что с тобой? — спросил Керземек.

— Она съела мышь, — тихо ответил Гилван.

— Наша так называемая принцесса, я тебя правильно понял? — еще более тихо, почти без голоса, одними губами, сказал Керземек.

Гилван кивнул.

Керземек откупорил еще одну бутылку и протянул юноше. Гилван взял, но выпить не спешил, глядя в стену пустыми глазами.

— Я ведь говорил тебе, — произнес Керземек.

— Я не понимаю. Она ведь так похожа на человека, — задумчиво сказал Гилван, потом приложился к бутылке — и столь надолго, что Керземек даже забеспокоился, как бы юноша не захлебнулся.

Он притронулся к его плечу и слегка надавил на него пальцами. Гилван отнял бутылку ото рта. Выражение лица у него было, как у только что проснувшегося мальчика-подростка.

— Не понимаю, — еще раз сказал Гилван.

— Тебе сейчас и не нужно понимать. Позже ты поймешь, что я был прав. И насколько я был прав. Ты поймешь, каким могло быть наше будущее, если бы я вовремя не распознал опасность. Но это потом, а сейчас созвони своих ребят, у нас скоро будет важное дело. Ждите меня у башни.

Керземек снова отправился в дом своего отца. Надо было все сделать самому, чтобы не возникло неожиданностей.

Он взял два прочных холщовых мешка, новеньких, пахнущих льном, приятных на ощупь. Жалко было их использовать для такого дела. Керземек мял ткань пальцами и вдыхал запах. Но выбора все равно нет, ничего более подходящего не имеется.

С решительностью и усердием рыбака, поймавшего крупную рыбу, Керземек скатал мешки и перевязал их прочной веревкой.

Когда он появился у дозорной башни, он был таким же решительным. Гилван и трое его приятелей уже ждали. Как оказалось, они не понимали, что тут делают, для чего они понадобились в то время, когда все нормальные люди спят. Керземек с укором посмотрел на Гилvana, а затем объяснил, зачем они собирались ночью.

Юноши попытались возражать, но Гилван подтвердил странные слова Керземека.

– Она сожрала мышь! – сказал Гилван.

Это убедило юношей. Девушки, питающиеся мышами, не вызывали у них никакой симпатии.

Керземек отдал им свернутые мешки и пошел налегке, стараясь выглядеть уверенней, чем был. Он первым вступил в дом, где отдыхали демоны, притворявшиеся людьми, но остановился перед спальней, едва не наступив на кого-то, лежащего перед дверью.

– Ну что там такое? – встревожено спросил Гилван.

Керземек наклонился.

– Это демон, мужчина, – сказал он. – Интересно, почему он не внутри, не с ней?

– Он выглядит слишком тяжелым, – заметил один из приятелей Гилвана.

– Он и есть тяжелый. Для этого я вас и пригласил, – объяснил Керземек. – Потащите вчетвером. И его меч тоже, нельзя оставлять здесь проклятого оружия. А девушку возьму я.

Гизелла с трудом осознавала, что делает, едва могла понять, где она и что с ней происходит. Ум, которым она всегда так дорожила, изменил ей, сквозь него пробежала огромная трещина, а потом еще одна, и еще – и ум развалился на части, как ком земли.

Жуткие силы овладели принцессой. Когда после засыпания в теплой мягкой постели под невесомым покрывалом из многослойного шелка она очнулась в сырой холодной пещере внутри грубого холщового мешка, эти силы очнулись вместе с ней. Они заставили ее мгновенно напрячься и одним движением разорвать мешок и путы. Она даже не понимала, что в нормальном состоянии не смогла бы этого сделать – она считалась хрупкой и нежной девушки. Она вскочила на ноги, сразу осознав, что снова голая. Она зарычала и сплюнула, потом посмотрела на другой мешок. Там было что-то живое. Гизелла присела над ним на корточках и принюхалась. Мужчина. Большой и сильный. С горячей вкусной кровью. Память прежней нежной девушки подсказала – Конан. И чувства вспыхнули в принцессе с новой силой. На несколько мгновений она опять стала утонченной царской дочерью, надменной, гордой и умной. Темные жуткие силы отступили. Гизелла закричала и отпрянула от мешка.

Кровь! Она только что думала о Конане, своем друге, как о сосуде с кровью. Она хотела его, но не как мужчину, а как пищу. Она хотела есть!

И едва Гизелла подумала об этом, как голод охватил все ее существо, а с ним вернулись и силы тьмы, делающие ее нечеловеком. Но Гизелла не хотела этих сил, и на этот раз они не сумели полностью завладеть ею.

И все же часть ее существа была захвачена. Боль, а не кровь текла по ее венам. И боль горячая, словно огонь.

С ужасным стоном Гизелла отпрянула от мешка и бросилась прочь на четвереньках. Потом поднялась, но не полностью. Она словно забыла, как следует двигаться человеку. Руки у нее стали будто тяжелыми и тянули к земле. Она бежала, сгорбившись, словно человекообразная обезьяна из Кешана, которую однажды привезли во дворец бродячие стигийские фокусники. Но она была гораздо свирепее, чем кешанская обезьяна.

Гизелла поняла это, когда столкнулась с пещерными дикарями. Она услышала их издалека. Они общались между собой, громко улюлюкая, рыча, блея, свистя и издавая еще какие-то звуки. Наверное, их язык по большей части состоял из подражательных слов, и они разговаривали об

охоте. Но это Гизелла решила потом, а когда она услышала их, только одна мысль возникла у нее в голове. Мысль, не принадлежащая человеку. Мясо! Оно идет, разговаривает, и его наверняка легко поймать. Гизелла сделалась тихой, как кошка, крадущаяся за мышью. Впрочем, некоторый опыт в мышах у нее действительно был, только она забыла об этом. Она ступала осторожно, тело ее стало гибким и пластичным. Дикари вышли прямо на нее. Они мало чем отличались от тех, которые собирались сделать ее матерью. И оказалось, что они не только вопили, но еще и размахивали руками и ногами, давая друг другу затрещины и пинки.

Гизелла забралась на камень, возле которого они должны были пройти, и слилась с тенью. Хотя, пожалуй, юные дикари не заметили бы ее, даже если бы она просто стояла в проходе перед ними. Они чересчур были заняты собой. Когда она прыгнула на них, то не сдержалась и слегка взвигнула. Один из дикарей поднял лицо. Или, скорее морду, потому что он больше был похож на пса, чем на человека.

Маленькие глазки стали чуть больше, когда увидели свирепую обнаженную женщину, которая летела на него, и совсем не для объятий. Она ударила его ногами в живот, одной рукой вцепившись в волосы, а другой выдавливая глаз. Он закричал, а в следующее мгновение уже визжал как поросенок, потому что она откусила ему нос.

Разложив визжащую добычу на земле, придавив ей горло коленом, Гизелла огляделась. Пещерные твари, отдаленно напоминающие людей, стояли вокруг нее, от неожиданности даже не пытаясь убежать. До их маленьких умов все никак не могло дойти, что они стали жертвами.

Слишком уж непохожа была Гизелла на охотницу. Тем более, но хищника. У нее были руки и ноги, как у них, и груди, как у их общей матери. Только они не свисали до живота, словно пустые кожаные бурдюки, а были округлые и небольшие.

– Кхару! – совсем некстати выкрикнул один из дикарей.

Гизелла зарычала и вскочила на ноги. Зря он это сказал. Она не знала, что это значит. Не знала даже в своем разумном человеческом состоянии. Но это слово было плохим. Оно отзывалось в Гизелле воспоминанием о боли.

В руках у дикарей были палки, но они явно забыли об этом. Гизелла кинулась к выкрикнувшему плохое слово. В последний момент он вспомнил, что нужно обороняться и попытался защититься палкой. Но это только облегчило Гизелле задачу. Она продолжила движение палки, только не в том направлении, в котором хотел владелец. Он так и не понял, что вошло ему в шею над кадыком и лишило его жизни. Этого Гизелле

показалось мало, и она вогнала палку еще дальше, с такой силой, что сломала шейные позвонки, и голова мертвеца оказалась у него между лопаток.

От ужаса остальные дикари, наконец, пришли в себя и пустились в бегство. Гизелла выдернула палку из жертвы и облизала с нее кровь. Труп упал к ее ногам.

Она чувствовала сильное возбуждение и радость. Она жаждала убивать.

Дикарь с откусенным носом решил последовать за сородичами. Но он почти ничего не видел из-за боли, крови, залившей лицо, и непривычного отсутствия одного глаза. Он даже вскочил на ноги, но не рассчитал своего следующего шага и сильно ударился об оказавшуюся у него на пути скалу.

Гизелла подоспела вовремя, чтобы не позволить ему упасть. Она подхватила бедолагу под мышки и нежно прижалась к его затылку, мурлыча как кошка. Дикарь неистово, с воплями дергался, потому что, несмотря на всю свою глупость, понимал что эта нежность не матери к сыну, а хищника к жертве. Нежность, с которой едок подносит ко рту сочащийся кровью кусок слегка обжаренного на костре свежего мяса.

Но всей его молодой дикарской силы оказалось недостаточно, чтобы вырваться из рук существа, еще недавно бывшего нежной и утонченной царской дочерью. А когда Гизелле наскучило наслаждаться беспомощностью жертвы, она впилась зубами в его сонную артерию и перекусила ее.

Юноша дернулся еще несколько раз и затих.

Гизелла удерживала его тело и пила кровь, пока не насытилась. Потом отпустила – и мертвец упал, громко стукнувшись головой о камень.

Ну ладно, пора заняться остальными, решила Гизелла. Хороший охотник никого непускает. Она нагнала троих дикарей в большой пещере, с текущим у стены ручьем. Это напомнило ей о пещере с дырами-колодцами из верхнего мира, и о Тахоре, который кидался камнями. На полу было множество камней вполне подходящего размера и формы. Гизелла подняла один из них.

Тахор хорошо умел это делать, а сумеет ли она? Во всяком случае, она может попробовать.

Кидая камень, она вскрикнула. Дикари, находящиеся у темного проема выхода из пещеры, остановились и обернулись. И это было очень кстати. Потому что как раз в этот момент камень, брошенный Газеллой, находился на излете, и не достиг бы цели, если бы цель сама не поспособствовала этому.

Камень поразил одного из дикарей в голову. Видимо, поразил основательно, потому что дикарь сразу же упал. Второй склонился над ним, пытаясь привести в чувство. Он тряс его и что-то орал. Третий попятился и скрылся в темном Проеме. Гизелла неторопливо подняла с земли еще один камень. Треугольной формы, с острыми углами.

На этот раз цель была поражена без всяких усилий с ее стороны. Но не так эффективно. Камень ударили дикаря в плечо. Он упал, но тут же вскочил на ноги. Кровь текла по его руке. Он зарычал, сжав кулаки, наклонился и поднял камень, а потом с воплем бросился к Гизелле. Гизелла тоже завопила в ответ – и бросилась навстречу.

В последний момент перед столкновением с рычащим дикарем, Гизелла подпрыгнула и пнула ногой в перекошенное от гнева лицо. Удар был достаточно сильным, чтобы дикарь опрокинулся на спину. Раздался хруст. Из-под, лежащей под неестественным углом головы потекла кровь. Рот пещерного юноши был по-прежнему открыт, но из него не исходило ни звука. Вообще, кроме тяжелого дыхания Гизеллы. и обычных пещерных шумов, ничего слышно не было.

Гизелла посмотрела на проем, в котором скрылся последний из дикарей. Добытое мясо, лежащее у ее ног, будило густым ароматом аппетит, но охотничий азарт все еще был сильнее. Возле второго трупа Гизелла почуяла запах мочи. Последний дикарь обмочился от страха. Более яркий след невозможно было оставить. Яркий и зовущий. Даже если бы Гизелла не хотела убивать, она бы сделала это просто из инстинкта. Она сорвалась с места и побежала, не в силах преодолеть искушение.

Она нагнала дикаря достаточно быстро. Он находился в круглой пещере, потолок которой терялся во тьме. Словно это было дно глубочайшего колодца. Над юным дикарем и вокруг него стены поросли какими-то уродливыми черными растениями с нераскрывшимися бутонами цветов. Стебли были похожи на хвосты обезьян.

Юноша пребывал в каком-то странном положении. Обычно люди не могут прилипать к скале спиной. Он находился на высоте в два своих роста, ноги его ни на что не опирались, руки свободно свисали вдоль тела, а голова опущена на грудь – лица не было видно.

Гизелла остановилась. Что-то здесь было не так. У принцессы сейчас не имелось человеческого разума, она не могла логически мыслить, сопоставляя факты, но и разум зверя оказался достаточным, чтобы учить опасность. Как осторожный хищник, Гизелла подкрадывалась, бесшумно ступая, вся подобравшись, готовая в любой момент быстро отступить.

Правая нога юноши вдруг резко дернулась. Он застонал, поднял голову,

и Гизелла увидела, что у него изо рта торчит какой-то черный отросток, мало похожий на человеческий язык.

Гизелла остановилась и склонила голову набок. Она была в недоумении. Гизелла отчетливо чувствовала угрозу, но не могла понять, откуда она исходит.

Гизелла пристально смотрела на юношу, слишком пристально – настолько, что перестала обращать внимание на то, что у нее под ногами. А зря – если бы она посмотрела вниз, то заметила бы, что песок под юношей подозрительно шевелится, и песчинки перекатываются без видимой причины.

На юноше была безрукавка из сильно облысевшей пятнистой шкуры барса, стянутая жилами, пропущенными крест-накрест через ряды отверстий – явно не дикарская одежда, скорее всего неправедная добыча из похода в поднебесный мир.

С удивлением Гизелла смотрела на то, как жилы растягиваются и скользят вдоль отверстий. Она не могла понять, что происходит. Тело юноши раздувалось. Не так, как происходит при дыхании. Гораздо медленнее. Человек не может так дышать. Потом жилы стали лопаться. Наружу полезла бледная плоть, поросшая черным волосом, Юноша раздувался, словно глубоководная рыба, которую вытащили из воды.

Гизелла вдруг почувствовала, что на нее кто-то смотрит. Она отвела взгляд от юноши, чтобы оглядеться, и обомлела от ужаса. То, что она вначале приняла за нераскрывшиеся бутоны цветов, вовсе не было цветами. Теперь бутоны раскрылись – и стало ясно, что это глаза. Круглые глаза на стебельках, которые торчали из стен пещеры. Они внимательно наблюдали за ней.

Краем глаза Гизелла увидела, что живот юноши лопнул. Но оттуда полезли не внутренности. Потому что обычные человеческие внутренности не могут извиваться сами по себе.

Не отдавая себе отчета, что делает, Гизелла шагнула вперед, чтобы пристальнее разглядеть эти странные внутренности. Она содрогалась от отвращения, но животное любопытство гнало ее вперед. Наверное, бабочки летят на свет и гибнут в пламени свечи по той же самой причине. Она ступила на что-то живое и мягкое. Песок под ней закружился множеством мелких воронок и оттуда полезли тонкие щупальца. Гизелла застыла от ужаса, не в силах ни пошевелиться, ни даже закричать. Щупальца принялись обвивать ее ноги, словно лианы, ползущие по дереву.

Гизелла, наконец, закричала. И в этот момент что-то схватило ее сзади и вырвало из щупальцев. Гизелла продолжала кричать. Ибо то, что схватило

ее, не было рукой человека. Оно было похоже на змею – с жесткими черными волосами, голое на конце.

Хвост Тахора! Гизелла снова была во власти демона! Словно все, что недавно было – Конан, земной мир, крестьяне Долины ветров, ее неожиданное превращение в кровожадное чудовище и эта жуткая тварь в пещере, которая едва не сожрала ее, – на самом деле оказалось всего-навсего сном.

Тахор закинул принцессу на плечо и выбежал из пещеры. Гизелла зарычала и попыталась изогнуться, чтобы укусить демона в шею. Но он держал ее крепко, так что у Гизеллы ничего не вышло.

Добравшись до следующей большой пещеры, Тахор сбросил ношу с плеча на землю и наступил принцессе ногой на живот. Гизелла отчаянно рыпалась, царапая ногу демона, но тщетно.

– Вечно мне приходится вытаскивать тебя из чьей-то пасти! А ты вечно неблагодарна! – проворчал он и засмеялся.

Особых причин для смеха у него не было, и ему этого и не требовалось. И такой знакомый, отвратительный булькающий звук неожиданно вернул Гизелле человеческое сознание. Она прекратила сопротивляться и улыбнулась.

– Ну, вот мы и снова встретились, – сказал Тахор. – Я знал, что ты вернешься.

Руки Тахора подняли Гизеллу и развернули лицом к нему. Улыбка принцессы повергла демона в изумление.

– Чему ты улыбаешься? – спросил он.

– Я улыбаюсь, потому что ты снова сделал меня человеком! – сказала Гизелла.

И принцесса тоже засмеялась. Но это был совсем другой смех, не имеющий ничего общего со смехом демона.

Гилван ворочался без сна. Долина ветров погрузилась в глубокую тихую ночь. Керземек ушел в дом жены, а Гилван лежал в общем мужском доме, неподалеку от выхода и прислушивался к звукам снаружи.

Он постоянно возвращался мыслями под землю. К двум мешкам, которые остались лежать под сталагмитовыми сводами. Особенно к меньшему из них, в котором, связанная по рукам и ногам, находилась прекрасная обнаженная принцесса, погруженная в ядовитый сон. Гилван хотел оставить ей хотя бы нижнее платье, но Керземек сказал, что нельзя давать демонам ничего человеческого, земного, пусть оно останется на земле, а под землю пусть вернется демоническое. Два мира не могут существовать в одном. Два мира должны быть разделены – и только тогда может быть достигнуто равновесие.

Но в душе Гилvana не было равновесия. Распаленное юношеское воображение рисовало ему ужасные сцены. Он представлял себе огненноглазых подземных чудовищ, которые подбираются к мешкам, шевеля длинными усатыми, словно у крыс, носами, принюхиваясь и пуская мутные слюны.

Кем бы ни были гости, они все-таки были гостями. Они пришли в селение и не причинили никому вреда. А мы поступили по отношению к ним подло. Мы совершили тяжкий грех, и неизвестно, чем это обернется в будущем. Нельзя ведь избежать воздаяния за грехи. Следует погасить огонь греха добрым делом. Даже к демонам следует проявлять сострадание. Все достойны его. Нужно развязать пленников, чтобы оставить им хотя бы один шанс на выживание.

Мучаясь кошмарными видениями окровавленных мешков и разбросанных вокруг частей когда-то целого и соблазнительного тела, Гилван ворочался в полусне, пока вдруг громко не залаяла собака. Наверное, псу тоже приснился страшный сон.

Гилван тихонечко собрал свою одежду и пробрался между спящими. Доски предательски скрипели, но злоупотребившие священными напитками молодые люди спали крепко.

Наступало утро. Разбудив нескольких собак, зашедшихся лаем, Гилван вышел из селения, поднялся по террасам вверх, вспутнув пару крупных птиц, спустился по едва заметной тропинке к расселине и протиснулся в нее. Через несколько шагов в камне была щель, обрамлявшаяся вьющимися

травами. Гилван встал на четвереньки и вполз. Узкий лаз вел в пещеру овальной формы, напоминающую половинку яйца, разрезанного вдоль, здесь потолок был достаточно высоким, чтобы можно было выпрямиться в полный рост.

Это были удивительные пещеры. Обычно пещеры – царство тьмы, но эти были особенные. В них всегда было светло.

Когда-то пещеры ничем не отличались от других, но двести лет назад в Долине ветров появился чародей. Он был то ли из Вендии, то ли из Китая, и пытался найти вход в преисподнюю, чтобы вызволить оттуда свою рано умершую возлюбленную. Говорили, что он сам отправил ее туда, чтобы получить весомую причину отправиться вслед за ней, а подлинной его целью были тайные знания древних демонов, найти которые можно было только в аду. Он привез в большом сундуке несколько сотен светящихся улиток, чтобы не пользоваться огнем. Таковы были требования его магии и веры.

Он ушел вглубь пещер, но так и не вернулся оттуда. Говорили, что он стал учеником повелителя преисподней, и забыл не только о поднебесном мире, но и о себе, и о своей возлюбленной. Повелитель ревнив и никого от себя не отпускает. А светящиеся улитки расплодились и заполнили пещеры.

Из глубин неожиданно донесся какой-то протяжный звук. Конечно, может быть, это был всего-навсего подземный обвал, но Гилван сразу решил, что это вопль голодного демона. Он крепко ухватился за рукоять своего единственного оружия. Обоюдоострого длинного ножа, доставшегося ему от предков.

По мере того, как Гилван спускался, сердце его билось все сильнее и сильнее. Он чувствовал, как от ужаса холдеет спина. Ноги становились все более вялыми. Походка стала, как у деревянного человечка.

Наклонная шахта уходила вглубь очень далеко и заканчивалась почти такой же по форме пещерой, что и наверху, только раза в полтора больше. С потолка пещеры свисали сталактиты, неприятно напоминающие обломанные зубы.

Гилван остановился, прислушиваясь. Что-то в этом месте изменилось с прошлого раза. Но что могло измениться всего лишь за несколько колоколов? Или это только пустые страхи?

Почва была какой-то странной. Ощущение было такое, будто стоишь на спине быка. Она будто бы слегка двигалась. Но в неверном свете от улиток невозможно было понять, действительно ли она двигается. Дрожащими руками Гилван вытащил нож из ножен. И в то же мгновение

песок исчез.

Дальше все стало происходить очень быстро. Гилван прыгнул назад. Он даже не ожидал в себе такой силы и прыти. Но удивляться было некогда. Страшная костяная маска приближалась к нему, а из нее тянулся толстый обрубок, будто огромная чудовищная пиявка. И слышался быстрый треск, словно внутри большого барабана скакала стая саранчи.

Гилван ткнул ножом в обрубок, но лезвие не достигло цели. Тварь подалась назад, а потом юноша увидел гигантскую паучью ногу, занесенную для удара. Он вскрикнул и попытался бежать. Но нога все-таки достала его. Он упал лицом вниз, ударившись о камни, и увидел собственную кровь.

– Прости, – прошептал он, неизвестно к кому обращаясь, и зажмурил глаза, приготовившись к боли и смерти.

Снежные обезьяны обычно живут на поверхности скал и никогда не спускаются глубоко в пещеры. Они довольны жизнью и по-своему счастливы. Они ведут спокойный образ жизни и не стремятся что-либо изменить. Таково большинство обезьян, но не все. У большинства обезьян нет имени. Поскольку язык их очень примитивен, так же как и разум. И у них нет необходимости обращаться друг к другу по имени. Но некоторые обезьяны, чем-нибудь отличающиеся от других, получают имена, как клички.

На человеческом языке невозможно передать, как по-настоящему звучало имя этой обезьяны, рот человека не в силах правильно произнести его. Кроме того, обезьяний язык использует еще и жесты, к которым большинство людей не способно. А передавать жест в словах, тем более, бессмысленно. В переводе это имя значило – Лунь.

Хищная белая птица, охотящаяся в основном на мышей, ящериц и лягушек.

Зверек родился не таким, как все. Все были с серой шерстью, которая у взрослых становилась седой, грязно серой, а у него шерсть была белой, без единого темного волоска. В играх его сторонились, а если взрослая обезьяна наказывала за что-нибудь детей, то прежде всего и больше всех доставалось ему, даже если он не принимал никакого участия в общих шалостях.

Назвали его так, едва у него полностью отросла шерстка. Он еще не понимал, почему взрослые потешаются над ним и почему выкрикивают один и тот же звук и делают одинаковые жесты. Только через полгода он понял, что его племя дразнит его, называя лунем, белой птицей.

Когда ему исполнилось четыре года, а у снежных обезьян это примерно соответствует человеческому возрасту восемнадцать лет, он стал проявлять немалый интерес к противоположному полу. Однако в их обществе самку нужно было завоевать собственной кровью в буквальном смысле. Во время поединков между самцами, когда выяснялось, кто более достоин, самцы до крови кусали друг друга. Лунь проиграл битву за красавицу с мягкой седой шкуркой. Он с воплями отбежал в сторонку и грустным взглядом уставился на выход из пещеры, где в вечерних сумерках билась снежная буря. Но победитель и его избранница не оставили несчастного без внимания. Они подобрались поближе к нему и принялись

миловаться, так чтобы он все видел и слышал, и полностью осознал позор своего поражения. Лунь не выдержал такого и сбежал.

Он выскочил из пещеры под вьюгу и побрел, куда глаза глядят. А через некоторое время, когда замерз и решил все-таки вернуться, вдруг понял, что заблудился. Кругом были заснеженные камни, пропущенные сквозь белую мглу, и ничего знакомого. Он заметался и продолжал двигаться, пока не забрел в развалины старого храма. Укрывшись в закутке, он забылся тревожным сном, а когда проснулся, было уже утро. Дрожа, он вылез наружу – и сразу же натолкнулся взглядом на чужой внимательный взгляд. Желтые глаза с круглыми зрачками смотрели, не отрываясь.

Это был снежный барс. Сильный, быстрый, ловкий и очень голодный. Длинная дымчато-серая с желтоватым налетом шкура делала его едва заметным среди камней.

Большая кошка медленно подкрадывалась, прижимая голову к земле. Она могла бы и не подкрадываться. Шансов спастись у белой обезьяны не было. Закуток, спасший Луня от снежной бури, оказался теперь ловушкой. Деваться было некуда. Зверек со страхом ждал боли и молил своего обезьяньего бога, Ханумана, чтобы все поскорее кончилось. Лучше всего было бы, чтобы барс одним ударом убил его, а потом уже начал есть.

Снежная кошка остановилась и распласталась по земле, готовясь к последнему прыжку. Лунь закрыл глаза.

И вдруг послышался голос. Громкий человеческий голос, распевавший какую-то песню. Лунь однажды слышал человека. Это был охотник, таивший добытого горного барана, убийца, довольный собой и жизнью.

В первый момент бедный зверек подумал, что человек хочет отбить у барса добычу, и новый страх охватил его. Но эта песня была другая. В ней не звучало торжество кровавой победы. Белая обезьяна не понимала слов, но отлично чувствовала интонации голоса.

Кончик хвоста барса перестал нервно подрагивать. А глаза перестали буравить обезьяну. Морда повернулась в сторону приближавшегося человека.

Лунь тоже посмотрел на него. Он был одет в хламиду из разноцветных лоскутов, и шел, раскинув руки, как парящий орел крылья. У него была пепельная борода. Он двигался в такт собственной песне, слегка покачиваясь. Обезьяна сразу же уловила этот такт и тоже стала покачиваться.

Снежная кошка навострила уши, потом раскрыла пасть и зашипела, отступая. Человек продолжал идти на нее. Голос его звучал все уверенней и

громче. Наконец, кошка не выдержала, поднялась на ноги и медленно пошла прочь, сохраняя достоинство, будто просто прогуливалась и не собиралась ни на кого охотиться.

– Ну вот, малыш, теперь ты в безопасности! – сказал человек.

Зверек был полон благодарности. Вот она, плата за все несчастья! Впервые в жизни ему повезло. Лунь протянул передние лапы, как ребенок протягивает руки навстречу отцу, и человек подхватил его и прижал к груди.

– Ты мой маленький Хануман, – сказал человек, неся обезьянку. – Ты существо белого цвета, возможно, это знак свыше, что ты не ведаешь греха. У ведь тебя нет разума, чтобы различать добро и зло. Ты, малыш, конечно, ничего не понимаешь, но я люблю болтать. И большинство моих слушателей тоже не понимают меня, хотя, в отличие от тебя, у них есть язык, способный к речи, и они знают все слова, которые я им говорю.

Он произнес еще множество разных слов, когда нес обезьянку к ее родным горам. И эти слова продолжали звучать в голове Луня еще долгие годы. Он по-прежнему не понимал их, но они были связаны с чудесным спасением и поэтому казались прекрасными.

И когда Лунь вновь услышал человеческую речь, сердце его подпрыгнуло в груди. Он захотел снова ощутить тепло человеческих рук. Но на этот раз слова звучали совсем с иной интонацией. Человек был взволнован. Он был в крайней опасности.

И когда Лунь увидел, в каком положении находится тот, кому принадлежит голос, он вскрикнул от ужаса. Впрочем, вместе с ним вскрикнули и остальные обезьяны, увидевшие чудовище, тащившее человека.

Но они быстро забыли об этом, стоило чудовищу скрыться с их поля зрения. Один только Лунь не забыл. Он спустился вниз и принял карабкаться по скале к месту, где совсем недавно находились чудовище и его пленница.

Запахи становились все тяжелее. Это был запах двух разных существ, и все никак Лунь не мог понять, какой из них принадлежит охотнику, а какой – его добыче.

Он выбрался, наконец, на площадку перед пещерой и заметил среди истоптанного ногами снега что-то блестящее. Не успел Лунь как следует рассмотреть необычный предмет, как услышал позади человеческое дыхание и тихое шуршание одежд. Он быстро обернулся. На него несся огромный человек с волосами, черными как смоль, и мощным, как у барса, телом. И намерения у него тоже, похоже, были как у барса. В испуге Лунь

протянул навстречу человеку свою находку. Черноволосый гигант остановился в некотором замешательстве, посмотрел Луню в глаза и неожиданно улыбнулся, а потом произнес несколько слов и забрал предмет из лап обезьяны.

С этого началось их совместное путешествие вглубь преисподней. Человек оказался гораздо лучше, чем выглядел – и, как ни странно, ценил дружбу дикого животного. И Лунь отвечал ему не только благодарностью, но и помощью, когда человек остро нуждался в этом.

Они сразились с чудовищем из кроваво-красного тумана в пещере-обители летучих мышей, которые все до единой к их приходу уже были мертвы. Потом была встреча с прекрасной беглянкой и бег дальше уже втроем. Это были лучшие мгновения в жизни белой обезьяны. Сердце Луня быстро и радостно билось. Он не мог бы сказать, чему оно радуется. Кругом была опасность, и смерть могла наступить в любое мгновение. Но как сильны были ощущения, как надежно было плечо черноволосого гиганта! Но все быстро кончилось. Плечо резко перестало быть надежной опорой, когда на затылок гиганта опустился увесистый камень. Сердце Луня едва не остановилось от ужаса. Он едва успел спрятаться, чтобы избежать смерти, а потом помог своему другу-человеку справиться с болью и восстановить силы. И человек снова ринулся в бой. Настолько рьяно, что позабыл о Луне. Обезьяна была вынуждена догонять человека.

Зато потом, когда они вновь были вместе, и прекрасная беглянка вместе с ними, Лунь стал вожаком. Он вел свою маленькую стаю к спасению, к воздуху и свету, к снегам и травам, к солнцу и луне. Люди зависели от Луня и доверяли ему. И он вывел своих друзей сначала к большому подземному озеру с водопадом, а потом и к дырам-колодцам в верхний мир. Он не отдавал себе отчета, как находит путь под землей. Он словно чувствовал дуновение свободного горного ветра, чувствовал манящие запахи ягод под снегом, запахи цветов и травы. Такого в действительности не могло быть, все это являлось проявлениями иллюзии, затмевающей разум, но в этот раз иллюзия, наоборот, все прояснила. Наверное, в прошлой жизни, Лунь был обитателем этих пещер.

Он несколько опередил людей, а когда увидел солнечный свет, падающий в нижний мир сквозь дыры-колодцы, то больше не мог сдерживаться. Он бросился в реку, дрожа о холода, переплыл ее и быстро вскарабкался наверх. Люди больше не нуждались в нем, можно было, наконец, отдохнуть.

Мир под солнцем радостно встретил обезьяну щебетом птиц. Лунь забрался на дерево повыше и принял устраивать себе гнездо из веток и

листьев. Закончив, он устроился поудобнее. Отсюда открывался прекрасный вид на долину. Террасы спускались ровными рядами, и, глядя на них, Лунь быстро заснул.

Он спал тревожно, просыпаясь от каждого шороха, как спят все обезьяны в одиночестве, а наутро тревога стала еще сильнее. Проснулся он поздним вечером. Луня разбудили человеческие голоса. Он посмотрел вниз и увидел странную процессию. Впереди шел высокий человек с кривым лицом, неся мешок на плече, а за ним четверо молодых людей, тащившие подобный мешок, только раза в полтора больше и явно тяжелее.

Лунь быстро спустился с дерева и попытался догнать процессию. Несмотря на то, что был всего-навсего глупой горной обезьянкой, он догадался, что они тащат. И это ему совсем не понравилось. Лунь направился за ними. Они спустились по едва заметной в зарослях тропинке к расселине. Здесь им пришлось волочь ноши по земле. Лунь надеялся, что от такого грубого обращения, пленники проснутся, но они даже не издали ни стона. Крестьяне затащили мешки сквозь узкий лаз внутрь горы. Лунь некоторое время не решался следовать за ними, опасаясь, что они вернутся, но потом, преодолевая страх, все же полез. Он едва успел добраться до большой пещеры, где на стенах сидели огненные улитки, как услышались голоса возвращающихся людей.

Лунь спрятался в тени за камнем, а когда люди вышли, кинулся по их следам вглубь гор и вскоре обнаружил оставленные злодеями мешки с его друзьями. Дыхание их было слабое, едва заметное. Лунь принялся развязывать пугти.

Сложное это занятие для пальцев, привыкших разве что ловить блох и срывать ягоды, но все же ему удалось развязать пару узлов на малом мешке, как вдруг тело в нем пошевелилось, а в следующее мгновение ткань и веревки затрещали и разорвались, будто были гнилыми! Лунь едва успел отпрыгнуть в тень, зажав себе рот обеими лапами.

Из разорванного мешка появилась Гизелла. Она зарычала как зверь и встала на четвереньки. Лунь решил, что это не Гизелла – принцесса не может себя так вести. Это какое-то другое существо, которое только выглядит как Гизелла. Оно присело на корточках над большим мешком и принюхалось. Лунь перестал дышать, решив, что сейчас существо почувствует обезьяний запах – и тогда ему не сдобривать. Но странное существо было увлечено другим запахом. Запахом большого черноволосого мужчины, который находился во втором мешке. Лунь тоже чувствовал этот запах.

Потом вдруг девушка вскрикнула и ринулась прочь на четвереньках,

как получеловек-полуживотное.

Лунь быстро огляделся. Что могло так напугать это человекоподобное существо? Но все вокруг было спокойно. Лунь устроился поудобнее, чтобы дождаться, когда проснется Конан, и незаметно заснул сам. А когда проснулся, мешок уже был пуст. Жалобно вскрикнув, Лунь схватил обрывок веревки и закружился с ним по пещере. Но вскоре обнаружил, куда направился его большой друг, и поспешил за ним.

Конан проснулся от тяжелой духоты, острого запаха льна и мучительной ломоты во всем теле. Когда он открыл глаза, то ничего не увидел. Кроме того, на лице лежала какая-то тряпка. Конан попытался снять ее, но обнаружил, что связан. Однако веревки были не слишком прочны. В Долине ветров не умели делать по-настоящему прочные веревки.

Потребовалось небольшое усилие и пара мгновений, чтобы веревки лопнули. В то же самое время Конан прокусил тряпку, закрывающую лицо. А потом разорвал освободившимися руками и выбрался из мешка.

Вокруг была знакомая красная полуьма и светящиеся улитки, подобные глазам волков. С потолка свисали сосульки из известняка. Меч лежал рядом с ним. Конан схватил его за рукоять. Привычное ощущение вернуло киммерийцу уверенность. Он мгновенно вскочил, готовый отразить любое нападение. Он даже жаждал с кем-нибудь немедленно сразиться, чтобы сбросить с себя вялость и оцепенение.

– Эти болваны, кажется, приняли нас за демонов! – воскликнул он, но ответом ему было молчание.

Конан огляделся. Принцессы Гизеллы не было. Еще один разорванный мешок лежал рядом, но оказался пуст. И разорван в клочья, словно сворой голодных злых псов. Конан схватил мешок и вскочил.

– Гизелла! – закричал он. – Гизелла!

Он приглядился к мешку. Никаких следов крови. Значит, возможно, принцесса все еще жива. Что же случилось? Или она осталась наверху, среди этих туповатых селян?

Отверстий в потолке здесь не было. Значит, их протащили некоторое время по пещере. Не иначе для того, чтобы сложнее было найти дорогу назад. А, следовательно, боялись, что они смогут найти эту дорогу. Значит, им было чего бояться!

Конан опустился на четвереньки, низко склонил голову, словно выслеживающий добычу волк, и внимательно осмотрел каменный пол пещеры. На камнях остались волокна мешковины.

Наверное, ноша была слишком тяжелой для носильщиков и иногда опускалась слишком низко. Еще был запах. Характерный крестьянский запах – дыма и сена.

Конан направился по следу, надеясь найти выход из подземелья. Вряд ли такую непосильную ношу стали бы тащить далеко. И его

предположения подтвердились даже быстрее, чем он ожидал.

Он продолжал идти, время от времени останавливаясь, проверяя след. К запаху сена и дыма примешался еще какой-то запах. Что-то чужое, нечеловеческое.

Через некоторое время запах настолько усилился, что Конан стал подумывать, не потерял ли он след, как вдруг неподалеку раздался шум. Быстрый треск, будто бы от цикад, только очень больших, не меньше человека. Знакомый звук!

И тогда Конан вспомнил, где слышал этот треск. Он бросился вперед и оказался в большой овальной пещере, с потолка которой как гнилые зубы свисали сталакиты с обломанными остриями.

Конан подоспел как раз вовремя. Гилван попытался ткнуть кинжалом в рот чудовищной твари, которая собиралась его сожрать. С такой же боролся Тахор, когда Конан впервые увидел Гизеллу. Жаба с паучими ногами и костяной мордой. Нога жабопаука поднялась, юный крестьянин вскрикнул, развернулся и сделал один шаг от твари, но нога опустилась и достала его.

Гилван упал и скорчился, не шевелясь.

Конан долго не раздумывал. Неважно, что крестьянин, возможно, являлся врагом. Важно, что он был человеком. А человек не должен умирать, как какая-нибудь муха, попавшая в паучью сеть.

Конан прыгнул на жабопаука и изо всей силы вогнал меч ему в спину. Не ожидавший нападения сзади, адский хищник даже не оказал никакого сопротивления. Умер, как будто самый обыкновенный паук, которого раздавили ногой. Меч с хрустом вошел в паучью плоть, ломая тонкий хитиновый панцирь. Из раны наружу полезло нечто вроде лягушачьей икры, склеенные между собой липкие пузыри. Для верности Конан всадил меч на полную глубину, насколько позволила рукоять, а потом провел мечом немного вперед. Выдергивая меч, он спрыгнул назад, и на лету еще отсек твари одну из задних ног. Пузыри из внутренностей жабопаука лопались с треском, распространяя вокруг страшную вонь.

Конан обошел тварь, приблизившись к юному крестьянину. Чудовищ из преисподней нельзя недооценивать, даже мертвых. Иные мертвые создания вполне еще могут двигаться и убивать.

Конан сунул меч в ножны, подхватил Гилvana за подмышки и оттащил от твари подальше, к стене.

Гилван дрожал всем телом. Когда он слегка опомнился, то поспешил выразить благодарность своему спасителю. Не вставая, он на четвереньках подполз к черноволосому северянину и, глядя на него снизу вверх, как

собака, произнес:

– Ты вытащил мою жизнь из небытия. Ты спас меня. Теперь ты как мой отец. Ты снова родил меня. Моя жизнь – твоя.

– Думаю, что ты считал иначе, когда с приятелями тащил нас сюда, – сказал Конан.

Гилван опустил голову, не зная, куда деваться от стыда. Он посмотрел на ногу убитого чудовища. Шипы все еще продолжали подрагивать.

– Мы думали, что вы демоны.

– Почему вы решили, что мы демоны? – спросил Конан.

– Из подземного мира не возвращаются.

– Но вы же вернулись, когда отнесли нас сюда.

Гилван наморщил лоб. Непривычное это было для него дело – думать и сопоставлять. Мечтать он, в принципе, умел, но мечтать это совсем не одно и то же, что думать.

– Мы вернулись, но мы не ходили так далеко, как вы. Вы были глубже.

– Откуда ты знаешь, что глубже? Ты же ведь понятия не имеешь, где мы действительно были. И потом, вы же сначала помогли нам выбраться, значит, не считали нас демонами. Думаю, эта мысль не твоя и не твоих друзей. Кто тебе сказал, что мы демоны?

– Керземек. Я не верил, но когда принцесса съела мышь...

– Это с ней бывает, – заявил Конан. – Когда я увидел это в первый раз, тоже страшно удивился. – Он не стал уточнять, что второго раза не было.

– Так ты думаешь, что она не демон?

– Я уверен в этом. Так же, как в себе самом. Поверь мне, мальчик, демоны такими не бывают. А я видел множество демонов. И многих из них отправил в самую глубокую преисподнюю!

– Ты великий воин! – воскликнул Гилван.

– Ладно, а теперь возвращайся к своим. Наверное, твой Керземек уже заподозрил неладное. И тебе достанется от него...

– Я пойду с тобой! – вдруг твердо заявил Гилван.

Конан смерил щуплого юношу взглядом с большим сомнением.

– Ты не выживешь, – сказал он.

– Уже один раз выжил – ты меня спас, выживу и дважды я же буду с тобой, – заявил Гилван и победно улыбнулся, видя, что поразил своей сообразительностью киммерийца.

– Да, может быть. Но зачем? – спросил Конан, вспомнив о маленькой обезьянке, которая не так давно спасла ему жизнь. Но обезьянка была ловкой и умела лазать по стенам, обладая великолепной способностью цепляться, а вот Гилван такого впечатления не производил.

— Я должен идти. Особенno теперь, когда душа моя исполнилась жгучего стыда. Ибо я нарушил закон гостеприимства. Жизнь моя останется пустой, если я не заглажу вину, если я не верну Гизелле долг уважения. Ты дал мне вторую жизнь, моя жизнь — твоя, ты можешь убить меня, если захочешь, но эта жизнь также и моя, я тоже волен распоряжаться ей. Пусть я погибну, неважно, но я должен принцессе и тебе, и я отдаю долг. Гость выше хозяина. Гость лучше хозяина. Гостеприимство — величайшая добродетель.

Гилван выглядел настолько решительным, что Конан больше не возражал. В конце концов, каждый выбирает свой путь. Даже если этот путь ведет прямиком к могиле. Кроме того, юноша, похоже, влюбился в принцессу. Глаза его характерно блестели. Ревность лишь слегка шевельнулась в Конане. Ну да ладно, этот крестьянин не выглядит серьезным противником, да и на принцессе свет клином не сошелся.

— Ничего нет позорнее, чем не отдать долг гостеприимства, — продолжал разглагольствовать Гилван.

Конан почти не слушал его, разве что как фон, как слушают шуршание падающей хвои в лесу и шум ветра. Киммериец ни на мгновение не забывал о том, где они находятся.

Неожиданно из темноты послышался пронзительный вопль. Гилван от ужаса заткнулся на полуслове и подался к стене. Ноги его предательски дрожали. Но Конан не вытащил меч. Вместо этого он склонился и протянул вперед руки.

Вопль раздался еще раз, и на руки Конана прыгнуло маленькое мохнатое существо, в котором Гилван от страха не сразу распознал обыкновенную снежную обезьяну.

— Ты вернулся, мой друг, — сказал Конан и посадил обезьяну на плечо.

Гилван с трудом отделился от стены, еще не совсем прияя в себя от испуга.

— Это мой друг и друг принцессы Гизеллы, — пояснил Конан, обратившись к юному крестьянину.

30

Диомад, наставник принцессы Гизеллы, говорил, что земля подобна сыру или морской губке. В ней есть множество пустот, служащих прибежищем различным существам, которых люди боятся и ненавидят, считая их обитателями Серых Равнин, ибо эти пустоты и есть множественные круги преисподней. Для каждого существует своя пустота.

Некоторые пустоты подобны скорлупе лесного ореха и в них живет всего лишь маленький одинокий демон – чья-то маленькая греховная душа. Но есть пустоты большие – и в них обитают цари греха, демоны, каждый миг которых превращается для них в вечное мучение. И самые страшные из этих больших пустот – имеющие правильную геометрическую форму, ибо это значит, что сам творец всего сущего позаботился создать для них совершеннейшую из клеток, выхода из которой нет.

Обитель Кхадеса имела форму куба. Ибо куб совершеннейшая из твердых форм. Кроме того, каждая из стен куба имеет двойника напротив, другую такую же стену.

На всех стенах темницы Кхадеса кровью демонов таких же древних, как он, были написаны могущественные заклинания, закрывающие выход для заключенной души. Все стены были одинаковы, и существу, лишенному плоти и веса, невозможно было определить, в какой стороне находится небо. В середине куба без всякой видимой опоры парил круглый зеркальный сосуд из стекла с сужающимся к выходу горлышком. В это горлышко когда-то вошла душа Кхадеса, огромная древняя душа.

Она вошла в сосуд не потому, что этого желал Кхадес, наоборот, Кхадес противился этому, но бесполезно сопротивляться против создателя вселенной, которому нет пределов ни в силе, ни во времени, ни в пространстве.

Кхадес обладал огромной виной. Он родился из вихря, закрутившегося между землей и небом в самом начале бытия, когда у форм еще не было определенности, и даже мертвые вещи имели право выбирать, какими им быть. Он служил строителю и властелину мира вместе с другими существами первовселенной, был лепщиком низших форм жизни, тех, что скрываются в траве, под водой и под землей. У него была тысяча искусственных рук, чтобы он мог лепить из первоматерии мельчайшие детали живых существ. Он делал червей, лягушек, жаб, улиток и многоножек.

Но что-то в его душе надломилось. Возможно, он просто устал. Ему

надоело в точности исполнять планы создателя, захотелось самому стать творцом. И он принялся втайне лепить живые существа, исходя из собственных представлений о том, какими они должны быть.

Но у Кхадеса не было чувства меры. Он двигался к цели слишком извилистым путем, да и цели у него не было, он делал различных существ только для того, чтобы их делать, чтобы ощущать, как из ничего, из бесформенных кусков первоплоти появляется нечто – и чем причудливее, чем несоразмернее оно было, тем большее удовлетворение он испытывал.

Он делал безногих жаб, ползающих на брюхе, как улитка; круглых и плоских многоножек, ноги которых, расположенные по кругу, могли совершать только одно движение, и поэтому они умирали, не сходя с места; шарообразных червей, которые не в силах были спрятаться в землю и их быстро расклевывали птицы. Потом он занялся воплощением существ, не имеющих названия. Он старался делать так, чтобы они как можно меньше походили на творения великого создателя. Редко какое из этих существ получалось по-настоящему живым. Как правило, это было подобие жизни.

Сделал он и несколько подобий человека, самого любимого создания творца вселенной. Как обычно, это была лишь жалкая пародия, которую едва можно было назвать живой, но это переполнило чашу терпения архитектора миров.

Строитель и властелин мира разгневался.

И кара за содеянное наступила очень быстро.

Кхадес как раз лепил особо ужасное существо, отдаленно напоминающее нечто среднее между человеком и черепахой. Чтобы лишить существо всякого смысла, Кхадес старателльно делил тяжелый панцирь, расположенный у человека-черепахи на груди, на части, выводя наружу самые уязвимые места. Посмеиваясь в душе, он настолько увлекся, что не заметил появления стражей.

Это были огромные черные существа без лиц, которые возникли с четырех сторон от него, сгустившись из теней. Вместо пальцев у них были цепи с крючьями на концах. Цепи издавали зловещий звон, но Кхадес услышал его далеко не сразу. Только когда один из крючьев предупреждающе качнулся перед его лицом, Кхадес услышал. А услышав, и увидел стражей. Они не стали больше ждать. Кхадес даже не успел как следует ужаснуться. Крючья вцеплялись в него, вырывая куски плоти. Он вопил от невыносимой боли. Потом четверо стражей подняли его на цепях, и он повис между ними, чувствуя, как его тело разрывается на части. Это действительно было так. Стражи тянули цепи, и внутри Кхадеса рвалась плоть. Он стал уже в два раза больше, чем обычно. А потом перед ним

возник сам создатель, архитектор миров.

Он прочел приговор, не подлежащий обжалованию. Кхадесу надлежало отбывать вечное заключение, перед тем, как поместить в темницу под землей, Кхадесу напоследок оторвали руки, всю тысячу по одной. Он мучился, кричал, но приговор был приведен в исполнение безукоризненно, следя великой и неоспоримой воле создателя.

Кхадес истосковался по плоти. Сто веков, проведенных в одиночестве, заставили его полюбить плоть, любую плоть. Ему уже было неважно, какая она, какова конечная цель ее существования и насколько удобно в ней душа.

Он полюбил плоть саму по себе, за основную особенность плоти – возможность чувствовать боль и наслаждение. Боль, конечно, бывает у плоти чаще, и Кхадес, будучи одним из древних строителей плоти, прекрасно об этом знал, но все равно жаждал плоти. Жаждал стать одним из смертных существ, ибо никакая бесконечность не имеет смысла, в том числе и бесконечность времени. Разве может вечное существо не бояться вечности?

Несмотря на то, что находился в самой прочной из тюрем, Кхадес мог проникать в чужие сны и соблазнять людей тайным знанием, якобы спрятанным в его темнице. И глупые твари соблазнялись, и шли к нему в темницу, чтобы отдать ему душу в обмен на знание. Но никакого тайного знания они не получали, потому что единственным знанием Кхадеса был он сам, его способности и умения, а этого он никому передать не мог, даже если бы захотел. Зато они получали другое знание – они узнавали о собственной глупости, и платили за это жизнью.

Кхадес имел силу входить в тело, оставшееся без души. Но ни одно тело не выдерживало всю его огромную душу. Лишь на несколько мгновений Кхадес мог ощутить плоть, почувствовать желанную боль плоти, ощутить внутри себя жилы и кровь, кости и мясо, жир и булькающие внутренности. Все то, над чем он когда-то изощренно издевался, создавая пародии, и за что понес наказание. Но потом чужое тело лопалось, как лопается глубоководная рыба, которую вытаскивают в мир под солнцем рыбаки. Хлоп – и вот уже тело становится бесформенным, словно раздавленная слоном лягушка. Отвратительное зрелище.

И это было закономерно. По-другому быть не могло. Ибо создатель вселенной посмеялся над Кхадесом, сказав, что только в теле потомка одного из своих созданий он сможет покинуть тюрьму и вновь обрести все ощущения реальности, чтобы испытывать наслаждения плоти. Но это

должно быть совершенное существо, истинный человек, дитя любви, а не какой-нибудь ублюдок, порождение преисподней. Такова была воля создателя. Он всегда оставлял надежду, сохранял лазейку даже для самого ужаснейшего из грешников. Чтобы мучение было сильнее, десять тысяч лет среди потомков творений Кхадеса не было ни одного, кто стал бы истинным человеком. Они изначально были мерзкие уроды, пародии на человеческий образ. И десять тысяч лет продолжали род, прибегая к насилию. И это насилие порождало других уродов, которые, хоть в них и была частица истинной жизни, все без исключения, кроме физических недостатков, имели еще и моральные. Шестипальые и трехпальые, трехрукие и однорукие, или с руками и ногами разной длины, или со слишком маленькой головой, или с прозрачной кожей, они ненавидели окружающих, они ненавидели все, что было прекрасно, и изо всех сил старались бороться с ним.

Уроды долго не жили – и часто умирали, не оставляя никакого потомства. Иногда Кхадес думал, что род его созданий готов прерваться, но недаром существует насилие. И десять тысяч лет потомки потомков продолжали род, прибегая к насилию.

Не раз испытывал Кхадес волю творца и входил в тела потомков собственных созданий, но результат получался тот же, что и с обычновенными людьми. Стоило Кхадесу полностью обосноваться в теле, едва пошевелить хотя бы одним мускулом, как оно взрывалось, превращаясь в кровавое месиво.

И вот, наконец, случилось. Кхадес узнал об этом случайно, блуждая во снах обитателей города среди гор, Шадизара. Он увидел красавицу во сне одного юноши, по вечерам, после службы у купца, кропающего на оборотной стороне старых долговых расписок вирши о любви. Эту красавицу, это существо, которому бедный юноша готов был вручить свое сердце, или хотя бы голову, звали Гизелла. Она была одной из дочерей царя. Недоступное, но желанное создание.

У нее были губы, красные как кровь, вытекающая из пронзенного сердца воина. Черные волосы, как волна, готовая накрыть тонущего моряка, утопить его в собственных черных глубинах. Черные волосы, как песчаная буря в пустыне, мрачной тучей скользящая по барханам, тяжелым темным брюхом наваливающаяся на караван, проникая в ноздри, уши и рот тонкими струями песка, не позволяя путнику дышать. Кожа белая, как лед на вершинах гор.

Юноша мог строчить вирши целую ночь напролет, неровно дышать, произнося их про себя днем, путаясь в счетах и получая за это звонкие

подзатыльники от хозяина, а вечером все сжигать, как недостойное ее, и все начинать сначала, почти теми же словами.

Кхадес решил позабавиться с юношой, внушить ему жаркие любовные сны, чтобы в конце показать отвратительное нутро красавицы, так, чтобы у юноши возникло стойкое отвращение.

Кхадес любил смеяться над человеческими страстями. Он стал по крупицам собирать образы из подсознания юноши, чтобы создать правдивую картину сна, и натолкнулся на мать принцессы. Впечатление от нее было настолько сильное и странное, что Кхадес едва не потерял контроль над юношой.

Царица была не такой, как все. И дело было не в ее внешности. Хотя и в ней тоже, но с точностью до наоборот. Высокая и стройная, с длинными скулами и тонкими губами, с ледяным взглядом и лишенным интонаций, всегда ровным голосом, она казалась холодна и бесстрастна. Но это было совсем не так. И Кхадес, благодаря тому, что не имея плоти, развил в себе иные чувства, сразу же понял это. Он покинул юношу и проник в сны царицы. Когда он узнал ее удивительную, жуткую тайну, он понял, что ее дочь Гизелла и есть та, которую он ждал десять тысяч лет.

31

Гизелла вела себя вовсе не так, как ожидал Тахор. Она обескуражила его. Он ожидал, что ее снова придется тащить, что она снова будет умолять и плакать, а она вместо этого вдруг пошла впереди него.

– Идем, мой прелестный хозяин! – воскликнула она. – Идем же скорее. Мне не терпится испытать все то, что ты мне обещал. Или твои обещания были пустыми, демон?

Тахор молчал. Он не хотел признаваться, что просто пугал ее, ничего из обещанного он не собирался делать.

– Она нужна мне целой и невредимой, и не вздумай каким-либо образом покусаться на ее плоть. Иначе я заставлю тебя умирать десять тысяч лет, и каждую секунду ты будешь испытывать боль, такую страшную боль, какую доселе ты еще не испытывал.

Тахор показывал Гизелле дорогу, а она продолжала молоть языком всякую чушь. Слушать ее было невыносимо. Будь на ее месте другая женщина, Тахор уже бы разорвал ее на куски и сожрал, но Гизеллу не смел тронуть. Он не знал истинной силы Кхадеса, но великий отец одним своим видом внушал такое уважение, что Тахор ни на миг не сомневался в правдивости его угроз.

Руководствуясь видениями из снов, Тахор вел принцессу Гизеллу к обители Кхадеса.

Куб Кхадеса находился посреди огромной пещеры, на вершине пирамиды. Тахор никогда воочию не видел его. Знал только искаженные, расплывчатые образы из сновидений. Но когда впервые увидел, то мгновенно понял, что это.

– Мы пришли, – сказал он.

Гизелла в ошеломлении замолкла. Все полуబезумное возбуждение, с которым она болтала языком, стремясь чем-нибудь задеть, разозлить зеленокожего демона разом испарилось. Зрелище потрясало.

По стенам полупрозрачного светящегося куба то и дело пробегала волна света другой яркости, и интенсивность освещения в пещере все время менялась. Это было биение древнего сердца Тахора. На вершину пирамиды вела лестница. Ступени лестницы были высокие, вряд ли предназначенные для человека. Тахор ступал по ним с большей ловкостью, чем Гизелла. Принцесса страшно устала, пока они добрались до вершины. Но вид светящихся стен с надписями из букв древних, как сама вселенная,

вернули ей силы. Они беспрепятственно прошли сквозь стены.

В миг прохождения Гизелла почувствовала что-то вроде легкого дуновения теплого ветра – и все. Они оказались в кубе. Изнутри стены выглядели точно так же, как снаружи. Посреди куба, в центре парил круглый зеркальный сосуд с длинным сужающимся к концу горльшком. Горльшко было направлено как раз на гостей.

– Отец мой! Я привел ее! – воскликнул Тахор.

И отец появился, возникнув на месте зеркального сосуда. Гизелла уже однажды видела это существо, когда вместе с Конаном карабкалась по скале над подземной рекой к солнечному свету.

Теперь она могла рассмотреть его получше. У него было гладкое, тучное тело, по пропорциям как у младенца, но размером со слона, огромные уши и рот, шесть гибких рук и мощные тяжелые ноги. Кожа лоснилась от жира, на ней не было ни волос, ни иных изъянов, свойственных человеку. А пупок на животе чудовищных размеров был глубоким, как будто пронзal его насеквоздь.

– Это все видимость, – сказал великий отец и с легкостью оторвал одну из шести рук. – Иллюзия. Я не такой. Но этот образ – единственный, который я могу являть в этом мире. Такова не моя особенность, такова особенность этого мира.

– Кто ты? – спросила Гизелла. – Зачем ты хотел меня видеть? Зачем вообще все это?

– Неправильный вопрос, но я все равно отвечу на него. Я – Кхадес, великий отец множества сущего. Но лучше бы тебе спросить, кто ты. Ибо я есть я, и всегда им был, и я знаю, кто я. А вот ты не знаешь. На самом деле, твоим отцом был один из потомков моих созданий, а не этот глупый царь, который думает, что ты одна из его дочерей! – Кхадес внезапно расхохотался.

Вся его жирная красная туша затряслась, как желе, которое несут на серебряном блюде, а изо рта полилась струйка кровавой слюны. – Я с удовольствием расскажу тебе об этом, ибо ты имеешь право знать.

И Кхадес рассказал о тайных страстях царицы-матери. Гизелла сначала не верила ни единому слову, но потом вдруг поняла, что великому отцу незачем врать. Он говорит правду. Страшную, невозможную правду. Но от реальности нигде не скрыться, даже в преддверии смерти. Не замечая этого, Гизелла едва одними губами шептала: «Нет».

Слезы полились из ее глаз, оставляя на запыленном лице светлые дорожки.

Гизелла узнала, что в покоях ее матери, царственной Руфины, в

северном дворце, куда никому, кроме ее личных немых слуг и нескольких особо преданных служанок, никому не было доступа, она предавалась безумным страстям. Руфина была одержима похотью. Замуж ее выдали в раннем возрасте, когда еще не ведают стыда, и влечение к противоположному полу считают любопытством.

Но в случае Руфины это было больше, чем любопытство. Она начала ублажать себя задолго до того, как муж решил впервые ознакомить ее с особенностями собственного тела; Сначала она доставляла себе удовольствие при помощи пальцев, а потом у нее появилась любимая маленькая игрушка, куколка младенца, вся гладкая и округлая, которую хотелось гладить и гладить. И Руфина гладила ее нежными пальцами, но поскольку она привыкла гладить не только куколку, то однажды эти две страсти соединились.

Куколка проникала гораздо глубже, чем пальцы. Это было удивительно приятно. Любовь Руфины к себе увеличилась, и она без устали ублажала себя. А когда наступила пора, и она впервые увидела тело своего мужа, то вместо любви испытала жуткое отвращение. И на это у нее имелась вполне весомая причина – царь заявился к ней после шестидневного пира во внутренних покоях, лицо у него было красным и одутловатым, глаз почти не было видно, а в интимных местах имелись следы избавления от обременяющих организм веществ. Кроме того, от него исходил такой дух, что она задыхалась. Он навалился на нее и принялся целовать. Некоторое время она не дышала, а когда все же вынуждена была вдохнуть, ее стошило. Он тут же одумался и ушел, наутро напрочь забыв о попытке сближения, а она не могла прийти в себя целую неделю.

Она не могла ничего есть – только пила, и к концу недели у нее начались видения. Она ощущала себя грязной, она казалась себе нечистоплотным зверем – и ее любовь к себе превратилась в ненависть. Призвав слуг, она велела им посадить себя в клетку и кормить из корыта, как свинью. Несмотря на явное безумие приказа, слуги в точности исполнили его. Руфина месяц жила в клетке, но потом страсти снова одолели ее. Она снова почувствовала себя нежной и желанной.

Отмывшись в семи водах, умастившись благовониями, она вернулась к своим обычным занятиям. Кроме того, она решила впервые со времени ее появления в Шадизаре выйти в мир. Стены стали удручать ее. Клетка научила любить свободу. Рассматривая город с самых высоких башен дворца, Руфина заранее наметила маршрут.

Снарядили паланкин. Четверо носильщиков несли его, и сопровождало четверо, слуг и четыре служанки, а охраняли паланкин

двенадцать воинов в доспехах и еще двенадцать, одетые как простолюдины, служили тайно, следя впереди и за паланкином, не приближаясь к нему. Они вышли за ворота, обошли по кругу дворец, ибо царица хотела увидеть всех нищих, монахов и бродячих фокусников, обосновавшихся у стен. Потом направились на базар. Еще на подходе, едва только стали слышны вопли торговцев, царица почувствовала ядовитую смесь запахов. Гниющие фрукты, жарящееся мясо, пряности. От непривычки ее едва не стошило, но она сумела сдержаться.

На базаре Руфина увидела толпу, большей частью состоящую из мальчишек, которые улюлюкали, свистели, плевались и кривлялись, как обезьяны. Это привлекло ее внимание. Она вообще редко видела мальчишек, и никогда не видела столько вместе.

Заметив паланкин, толпа попыталась переключиться на него, но воины хорошо знали свое дело, и мальчишки отхлынули почти без сопротивления, оставив на поле боя немного собственной крови и зубов. И тогда Руфина увидела то, что привлекало их и вызывало столь бурную реакцию. Это была клетка, а в ней сидело, сгорбившись, какое-то черное, мохнатое существо. Руфина велела приблизиться. У клетки стоял владелец с бичом и копьем. Вид он имел свирепый, на лице у него был шрам, начинающийся на лбу, проходящий сквозь глазницу с отсутствующим глазом, и заканчивающийся на подбородке.

– Кого это там ты держишь? – тихо спросила Руфина.

– Зверочеловека, госпожа, – ответил с поклоном одноглазый и ткнул копьем внутрь клетки. – Эй, покажись, урод!

Черное существо в клетке пошевелилось и подняло голову. Увидев его лицо, Руфина вскрикнула. Он действительно был зверчеловеком, в нем имелись черты и того, и другого. Вместо носа было кабанье рыло, изо рта торчали клыки, верхняя губа была сильно приподнята и хорошо видны десны с серыми прожилками. Гниющие десны. Но глаза были человеческими, небесно-голубыми. Они совершенно не подходили этой страшной морде. Словно какой-то нежный красавец напялил на себя пугающую маску, которую потом так и не сумел снять.

– Купите его для меня, – приказала слугам Руфина и тотчас отправилась обратно во дворец.

Зверчеловека вскоре доставили в покой царицы и поместили в ту же клетку, где недавно обитала сама Руфина. Ее запах еще витал внутри. Зверчеловек принял метаться по клетке, обнюхивать корыто и ложе царицы.

Внезапно он завыл как кот ночью, зарылся лицом в подстилку из

травы, где спала Руфина, и стал как-то по-особому двигать бедрами. Слуги отвернулись, а царица подошла к клетке поближе. Зверочеловек выл и двигал бедрами. Потом он упал на подстилку и стал извиваться на ней, словно червяк. И вой его перешел в крик.

– Он умирает? – встревожено спросила Руфина.

Словно подтверждая ее опасения, зверочеловек застыл. Но лишь на мгновение. Затем он перевернулся на спину, раскинув огромные волосатые руки. И Руфина увидела его красный, как у павиана, детородный орган. Только у павианов он маленький, у зверочеловека же был почти как у коня. Грудь зверочеловека мощно вздымалась. К исходящим от него жутким запахам прибавился еще один. Странно, но Руфина почувствовала, что этот запах ей нравится.

Зверочеловек стал любимой игрушкой Руфины. Она позабыла обо всем остальном. Она даже перестала рассматривать удивительные шелковые свитки из далекого Кхитая, которые обожала раньше. Теперь они лежали на полках и пылились.

Но новая любимая игрушка была опасна. Понимая это, Руфина велела соорудить специальную машину, в которую можно было бы поместить зверочеловека, чтобы он двигался только так, как было угодно ей. Сделать из живого существа марионетку, полностью подчиняющуюся желаниям хозяина. И мастера изготовили для царицы такую машину.

Управлять зверочеловеком теперь было легко, как куклой. Для этого имелось множество рычагов, причем все было сделано так, чтобы не нужно было прилагать усилий. Зверочеловек был прочно закреплен в жестком каркасе, как бы повторявшим его скелет снаружи. А каркас этот в свою очередь был прикреплен к полу. Единственное, чего не мог делать зверочеловек-кукла, так это ходить. Зато он вращался в разные стороны, разводил руки и ноги, потешно покачивал головой, даже становился на четвереньки.

Руфине исполнилось всего тринадцать лет, и когда царь решил осчастливить ее своим появлением во второй раз, он с удивлением обнаружил, что ее лоно с готовностью приняло его, не оставив совершенно никакого сопротивления. Он вошел в свою царицу, словно в воду. Но Руфина была неглупой девочкой. Она показала царю множество игрушек, которыми ублажала себя, и даже показала, как она это делает. С криками «О, царь любимый, царь желанный, о, царь царей!», она проявила перед царем такую страсть, что он страшно возбудился и захотел ее снова, а недоумение его испарилось, как утренняя роса.

Но нераздельная любовь царя длилась недолго. Через неделю он устал

и уехал на охоту, а по возвращении не спешил показаться. Он приобрел себе где-то в отдаленной деревне новую наложницу, так что у него, конечно, не оставалось сил на жену. Пришел он только через месяц – и снова Руфина сумела возбудить в нем почти безумную страсть. Но не больше, чем на две ночи.

Так и повелось. Свидания их были недолгими, но бурными. И предоставленная в основном самой себе, если не считать редких официальных обязанностей, Руфина все больше и больше привязывалась к зверочеловеку. Но она так и не дала ему имени.

Когда никого рядом с ними не было, Руфина называла его своим царем. И постепенно страсть переросла в настоящую любовь. А потом Руфине пришла в голову мысль, что он тоже любит ее и не способен причинить никакого вреда. Что от их взаимной любви он сделался во всем, кроме облика, подобным человеку, И продолжать держать его либо в клетке, либо в машине невозможно. Он достоин свободы.

Это была глупая мысль. Но ослепленная любовью, Руфина не замечала этого. Поэтому однажды отослала из тайных покоев всех слуг, взяла ключ из ларца и вошла к нему в клетку. Он был возбужден и тяжело дышал. Руфина погладила его по груди, потом ее нежная рука стала опускаться ниже. Он зарычал, грубо схватил Руфину и взял ее, словно кобель суку. Он двигался быстрее, чем нравилось Руфине, но она ничего не могла поделать. Она кричала не столько от наслаждения, сколько от боли, но и наслаждение тоже было. Она снова чувствовала себя грязной свиньей – и это ей нравилось.

– Ударь меня! – воскликнула она и, как ни странно, зверочеловек понял ее.

И сделал то, что она хотела. От звонкого шлепка по бедрам она упала. Зверочеловек перешагнул через нее. Она схватила его за лодыжку, но он рванулся с такой силой, что потащил ее за собой, и она ударилась головой о железные прутья клетки.

Некоторое время Руфина слышала его. Он с рычанием ломал машину для любви, которая доставила ей столько удовольствия. Очевидно, ему машина удовольствия не доставляла. Скорее – наоборот, судя по злобным усилиям, которые он применял, чтобы разрушить машину голыми руками.

Руфина скорчилась на полу клетки, ощущая запахи зверочеловека, далеко не все приятные, и боялась поднять голову. Когда шум затих, Руфина решила, что зверочеловек ушел. Она полежала еще немного, потом поднялась и осторожно заглянула в комнату, где находилась машина для любви.

Хитрая игрушка представляла собой жалкое зрелище, она была растерзана на куски. И являлась теперь всего лишь бесформенной грудой деталей.

Руфина вернулась в свою зеленую спальню, окна которой выходили на север, и предалась печали. Она сидела и плакала о потерянной любви, когда снаружи послышались визгливые возгласы.

Царица подбежала к окну и выглянула сквозь резную каменную решетку.

Стражи, стоящие на башне у северных ворот, что-то азартно вопили вниз. У стен дворца творилось нечто необычное. Руфина принялась звонить в колокольчик на зеленой ленте, призывая верных служанок.

По ее приказу они отправились выяснить, что происходит. Оказалось, что поймали сбежавшего зверочеловека.

Он убил трех стражей, но попался, когда попытался стянуть черствую лепешку у юной нищенки возле северных ворот. Нищие гурьбой поднялись на ее защиту. Зверочеловек был очень сильным, он свернул шею юной нищенке и двум ее первым защитникам, которые по наивности накинулись на него с палками. Остальные, наученные горьким опытом, были не столь опрометчивы. Они поймали его с помощью рыболовной сети, двух кожаных бичей, которыми загнали в сеть, и семи крепких балок, хотя последние были скорее средством успокоения уже пойманного врага.

В тот момент Руфина люто ненавидела зверочеловека за предательство. Он предал все – ее любовь, доверие, надежду, самого себя, в конце концов. Разве он имел право вот так попадаться? Если бы он убил нескольких человек и убежал, она бы со временем простила его; Но он глупо попался горстке нищих оборванцев, которые поймали и связали его, как поросенка.

И она приказала жестоко убить его, живьем содрать с него кожу и изготовить для нее чучело, так, чтобы оно было совершенно неотличимо от живого существа. Она еще не знала, что последняя связь со зверочеловеком заронила в нее семя жизни.

– Так что ты родилась из горнила любви и смерти, – закончил Кхадес.
– Ты должна была бы стать чудовищем, но твоя мать искренне любила свою игрушку-зверочеловека, по крайней мере, в момент своего зачатия, и поэтому произошло чудо – в тебе есть все лучшие ее черты, но снаружи ничего нет от твоего черного отца-урода. Ты лучшее из моих творений, хоть я и не своими руками сотворил тебя. Но мои руки, те, которые обладали способностью творить, отобрали у меня десять тысяч лет назад. И все было предоставлено на волю судьбы. А она, злодейка, остальных

сделала уродами.

Тахор недовольно хлестнул по полу хвостом.

– Конечно, речь не о тебе, мой любимый Тахор! – поспешил добавить отец. – Люди убивали детей моего греха. Убивали, насколько мне известно, всех, вместе с их матерями. Ибо дети мои были с красной кожей, с прозрачной кожей, или вообще без кожи – такие умирали сами, иные обладали хвостами, рогами или копытами, у них мог отсутствовать нос или присутствовать что-нибудь лишнее, лишние пальцы, лишние руки. Все это были мои неудачи. Но твоя мать была моим спасением. А ты – моей надеждой. Ты идеальна как женщина. Ты выглядишь совершенно как человек. И в тебе целиком есть обычное человеческое сознание. Демоническое еще спит, но вот-вот должно проснуться. И если бы оно проснулось само, а ты ничего бы о нем не знала, ты убила бы себя. Ибо обычный человек не способен выносить в себе душу демона.

Гизелла дрожала.

– Оно уже проснулось, – сквозь зубы процедила она. – И я не убила себя, как видишь.

– Я рад за тебя. Но ты все еще в опасности. Ты можешь погибнуть в любое мгновение, когда не со мной. Только я могу помочь тебе избавиться от смерти. Я вытащу из тебя лишнюю душу, которая причиняет тебе боль и убивает тебя. Освобожу от демона – и ты станешь человеком, таким, каким должен быть человек.

– Но почему ты сам не пришел ко мне? Почему ты здесь, под землей, в одиночестве? – спросила Гизелла.

В ответ Кхадес расхохотался. Все его огромное тело заходило ходуном.

– Ты считаешь, что я в одиночестве? – с издевкой в голосе осведомился он. – А может быть, ты думаешь, что я заключен здесь, что этот куб – моя подземная темница? Все не так. Все иллюзия. На самом деле, это ваш верхний мир – тюрьма. Можете ли вы путешествовать вне его? Да вам даже по нему дано путешествовать с огромным трудом. И многие из вас, жалких людышек, гибнут, пытаясь достичь иных стран. Ваше жалкое существование держится на тоненьком волоске. Вы мало чем отличаетесь от лягушки на дороге, которую в любой момент может раздавить телега. Ты – принцесса, дочь, так называемого, могущественного царя, а много ли он действительно может? На самом деле, ты ведь ничего не знаешь о мире вне Шадизара и его окрестностей. А я знаю. И я могу взять тебя с собой в путешествие, поскольку ты – мое творение. Но хватит речей. Пора приступать к делу. Ты ведь хочешь избавиться от демонической души?

– Да, – сказала принцесса.

– Встань на колени, опусти голову и избавься от всяких мыслей. Представь себе, что у тебя в темени дыра, не закрывай ее, открой ее свету, работай воображением! Не мысли, не думай, не оценивай! Открой мне свою душу, отдай мне ее! – Последние слова Кхадес выкрикнул.

Гизелла сознавала, что делает что-то неправильно, но противиться словам Кхадеса не могла. Его голос был слишком силен. Он словно принадлежал самой принцессе, словно был ее внутренним голосом.

Она послушно опустилась на колени и склонила голову.

Гизеллу похитил демон. Об этом ясно говорили следы, на которые наткнулись Конан и Гилван. Мрачные следы, не оставляющие никаких сомнений в жуткой кровожадности демона. Первый труп, который им встретился, выглядел весьма впечатляюще. У него был выдавлен глаз и откручен нос. Он лежал в луже собственной крови, вытекшей из сонной артерии на шее. Его соплеменник опирался шеей на палку, которая пронзала его насеквоздь. Дальше вели кровавые следы. Гилван все время упоминал о Кете, повелителе мрака, а Конан вспоминал своего северного бога, большого любителя битв и вороньих пиршеств.

Кровавые следы привели к большой пещере, в которой, неподалеку от текущего у стены ручья с кристально-прозрачной водой, лежало двое – один со сломанной шеей, а другой, почти у самого выхода, с разбитой камнем головой. Возле второго трупа ощущался запах мочи.

И этот запах вел дальше, в круглую пещеру, потолка которой не было видно. В одном месте стены поросли какими-то черными растениями с бутонами, похожими на змеиные головы. Они росли по форме подковы, а середине скала отличалась по цвету от всего окружающего, да и трещины на ней выглядели слишком соразмерными, будто складки на груди слона.

Обезьянка на плече Конана начала страшно кричать. И почти прямо в ухо Конана. От неожиданности и досады он едва ее не убил, но вовремя одумался.

– Тише, я и так хорошо слышу. А лучше заткнись, – посоветовал он.

Лунь заткнулся. Не потому, что понял слова человека, а потому что осознал собственную глупость.

В пещере не было необходимости в крике, все-таки не в горах, и тот, кого он хотел предупредить об опасности, находился не где-нибудь на пределе видимости, а непосредственно рядом.

Песок под кустом черных растений подозрительно шевелился, и песчинки перекатывались без видимой причины.

Кроме того, в пещере явно чувствовался запах крови и гниющей плоти, словно в логове гиен, не брезгующих ни живыми, не мертвцами, но трупов и костей видно не было. Это настораживало больше всего.

– Эй, смотри, – сказал Гилван и наклонился над тем, что увидел.

Это был кусок выделанной пятнистой шкуры барса и пропущенный через отверстие в нем искусно сплетенный шнурок из жил.

– Хорошая вещь, – заявил юноша и потянулся к шнурку.

– Не трогай! – предупредил Конан, но было поздно. Гилван уже схватился за шнурок.

Но он сразу же выскользнул у него из пальцев, исчезнув в песке. Гилван вскрикнул, едва не упав. Конан подхватил его, и вернул в вертикальное положение. И как раз вовремя. Потому что в песке неожиданно образовалось множество воронок, а потом из этих воронок полезли тонкие черные щупальца.

– Берегись! – крикнул Конан, вытаскивая меч.

Одно из щупальцев дотянулось до лодыжки юного крестьянина – и быстро обвило ее. Гилван дернулся, но это привело только к тому, что он упал.

Конан рубанул ближайшее к нему щупальце. Оно упало и принялось извиваться, как обезглавленная змея. Лунь покинул плечо Конана одним мощным прыжком, оказавшись у противоположной стены. Гилван с поскуливанием, словно обиженная собака, отполз в сторону, но слишком медленно. Еще одно щупальце обвило его лодыжку – и скрытое в песке существо потянуло крестьянина к себе. Он задергался и забил ногами, однако освободиться не мог.

– Конан, помоги! – умоляюще завопил он.

Киммериец был в основном занят тем, что пытался не попасться сам. Щупальца атаковали его, будто голодные пиявки, он рубил их, но из песка появлялись все новые и новые.

– Конан! – вопль Гилвана был столь отчаянным, что Конан отвлекся на мгновение, и увидел, что ноги юноши наполовину погрузились в песок. – Они сейчас отгрызут мне ноги!

– Нож, болван! Используй нож! – крикнул Конан. Он помог бы юноше, но щупальца, которые держали его, уже скрылись в песке, и ударом меча он рисковал рассечь его ногу.

– О, какой же я дурак! – догадался Гилван и, выхватив нож, с остервенением воткнул его в собственную ногу.

Вряд ли он сделал это преднамеренно, скорее всего, просто потому, что рука его дрогнула и он промазал мимо цели. Брызнула кровь, но Гилван больше не вопил. Он нашел в себе силы вновь ударить ножом – и на этот раз попал, куда нужно.

Все щупальца вдруг разом втянулись. На песке остались лишь обрубки. Гилван полз, оставляя за собой кровавый след.

Конан поднял голову и увидел, что черные бутоны растений на стене раскрылись – и в них оказались не цветы, а глаза. Круглые глаза с черными

зрачками. А в середине меж зарослей из этих странных глаз стали раздвигаться в стороны трещины в скале.

Оттуда потянуло еще более жутким зловонием, чем было в пещере. Тошнотворнейший из запахов, которые Конан когда-либо чувствовал.

Из полураскрышихся щелей наружу полезло что-то вроде человеческих кишок, только кишки эти извивались, и их становилось с каждым мгновением все больше и больше. И вся эта зловонная масса приближалась к юному крестьянину, отползающему слишком медленно.

Лунь первым пришел ему на помощь. Он схватил его за волосы и потянул. Это ничуть не ускорило продвижение Гилвана, но заставило Конана действовать. С запозданием он отметил, что взгляд глаз на черных стебельках заворожил его. Он схватил Гилvana и, забросив его на плечо, кинулся прочь из жуткой пещеры. Пожалуй, если бы не Лунь, он мог бы все еще стоять и наблюдать, как тошнотворное месиво приближается к нему.

Конан бежал, думая о том, что осталось позади. Остановился он только в большой пещере, с твердым полом и низким потолком. Огненные улитки мирно сидели на стенах. Все было спокойно.

– Как твоя рана? – спросил Конан, опуская крестьянина на холодный пол с мелкой каменной крошкой.

– Пустяки, – отозвался Гилван.

– Я все же посмотрю. – Конан бесцеремонно ощупал рану юноши. Пальцы у него были сильные и действовал он достаточно грубо для того, чтобы Гилван не сдерживал стоны. – Действительно, пустяки, – подытожил он. – Рана поверхностная, по сути, ты только порезал кожу. Так что пойдешь сам. Больно, но двигать ногой ты вполне можешь. Обойдешься без моей помощи.

– Помоги мне встать, – сказал Гилван.

Конан протянул ему руку и поднял. Крестьянин, скривив страдающую мину, проковылял несколько шагов, и вдруг замер, словно наткнувшись на невидимое препятствие.

– Ячуствую ее запах! Запах нашей принцессы! Он немного изменился, но я все равно узнаю его! Она была здесь совсем недавно.

Обезьяна по имени Лунь тоже чувствовала этот запах, но поскольку ничего не могла сказать людям, просто устремилась по следу.

– И твой зверь тоже почувствовал! – закричал Гилван и устремился за обезьянкой так рьяно и с такой прытью, что даже позабыл прихрамывать на раненую ногу. Но через несколько шагов вспомнил.

Запах женщины снова вел мужчин. Настойчиво звал к себе, не давая передышки. Прошло немало времени, прежде чем посреди огромной пещеры они увидели пирамиду, на вершине которой стоял полуопознанный светящийся куб. Внутри двигались какие-то тени. Свет становился то тусклым, то снова разгорался. К вершине пирамиды вела лестница с высокими ступенями.

– Кром, что это? – воскликнул Конан.

– Что бы это ни было мы должны спешить! Я чувствую, что Гизелла в опасности! – отозвался Гилван.

Лунь первым кинулся вперед, остановившись лишь на мгновение перед самой пирамидой и что-то подняв с земли. Конан и Гилван догнали обезьяну на второй ступени. Несмотря на всю свою ловкость, по ступеням обезьяна передвигаться толком не умела, к тому же одна ее лапа была занята. В маленькой ладошке зверек что-то сжимал. Конан подхватил обезьяну и посадил к себе на плечо. Чем выше они поднимались, тем быстрее становилось биение света. Вскоре людям стало казаться, что свет уже мерцает у них внутри. Этот свет обжигал и высасывал силы, словно солнце в песчаной пустыне где-нибудь посреди Черных королевств. На верхней площадке Лунь спрыгнул с плеча Конана и шагнул к стене куба. Так, будто ее вовсе не существовало. И прошел сквозь нее! Гилван схватил Конана за локоть.

– О, Кет, повелитель мрака! – сказал он и собрался повторить эту фразу, но не успел, потому что голова обезьяны высунулась из стены.

Крестьянин забыл закрыть рот.

– Иллюзия, – сообщил Конан. – Не бойся, такие фокусы умеют делать даже в публичных домах Кхитая.

Он, конечно, соврал, но юному крестьянину это пошло во благо. Он закрыл рот и перестал трястись.

– Я пойду первым, – заявил Конан и шагнул сквозь стену. Словно легкий порыв теплого ветра коснулся его – и больше ничего. Гилван шагнул вслед за ним.

То, что они увидели внутри, заставило их мгновенно забыть о каких бы то ни было страхах и фантазиях. Реальность затмевала любую ложь.

Громадный шестирукий младенец, розовый, как будто только что родился, с закрытыми глазами нависал над принцессой Газеллой, а из его

широко разинутого рта выползала розовая многоножка.

Гизелла стояла на коленях и тряслась, как в лихорадке. Из ее темени навстречу многоножке медленно двигалась пиявка. Черная кожа пиявки лоснилась, и в ней отражался свет от стен куба, а потом стали заметны и буквы. Кожа пиявки сделалась как будто прозрачной, и внутри появились лица, подобные человеческим, но не совсем человеческие. Это были лица подземных дикарей. Испуганные лица. А потом одно из них лишилось носа, а из глаз и носа второго полилась кровь. Другие лица исказились от страха – и вдруг в них возникло нечто нечеловеческое. Вместо лиц – вытянутые мордочки с черными бусинками глаз.

И то же мгновение это видение исчезло. Розовая многоножка принялась пожирать пиявку. Она глотала ее, толчками продвигаясь вперед, словно змея, глотающая мышь.

Все тело принцессы Гизеллы была крупная дрожь. Пот катился градом. Голова моталась из стороны в сторону. Она должна была кричать, вся ее поза и напряженные мышцы свидетельствовали об этом, но она не кричала. На миг Гилван увидел лицо принцессы. На ее губах выступала кровавая пена.

Тахор, ящероподобный демон, находился тут же, но Гилван не замечал его, потому что во все глаза смотрел на принцессу. Но Тахор заметил его – и хвост демона заходил из стороны в сторону, как будто у разозлившегося кота.

Конан одним движением выхватил из ножен меч. Гилван кинулся к принцессе – и в этот момент словно кто-то невидимый схватил Гизеллу за волосы и поднял вверх. Она, наконец, закричала – и этот крик был ужасен. А затем ноги у нее подкосились, и она повалилась прямо на руки Гилвана. Он едва сумел удержать ее. Длинные черные волосы разметались по земле.

– Гизелла! – воскликнул юноша.

Принцесса больше не кричала. Она смотрела на него мутным взором и вряд ли понимала, что происходит, и кто перед ней. Тело ее стало мягким, как воск. Все мышцы, только что напряженные до предела, расслабились.

Лунь разжал маленькую ладошку. В ней был небольшой продолговатый камешек черного цвета, гладкий, будто обкатанный морем. Пальчики Луня не смогли удержаться от того, чтобы погладить камешек. Его поверхность тянула к себе.

Лунь чувствовал, что это не простой камень. Именно поэтому он подобрал его у подножия пирамиды.

Прошло всего лишь мгновение, прежде чем Лунь вновь скжал ладошку. А потом кинул камень в многорукого розового урода.

Кхадес задрожал. Тело его стало словно плавиться, как будто было сляпано из воска. Широкий лягушачий рот стал мягким и поплыл в сторону, но напоследок успел произнести:

– Убей его! – И розовый урод распался на несколько бесформенных кусков, поплывших в воздухе, словно масло в воде.

Тахор бросился на Конана. И чтобы подбодрить себя, прорычал:

– Умри! – Но киммериец, и прежде неоднократно слышавший этот призыв, не собирался исполнять его.

Тахор дрался с ним на равных. Он не мог достать его ни хвостом, ни руками, ни, тем более, зубами. Ни одно из этих обычно смертельных для человека средств убийства на киммерийца не действовало. Он легко уворачивался и защищался мечом. Но и его меч не мог нанести существенного урона противнику. Тахор действовал осторожно – он все еще хотел жить.

Неожиданно Гизелла вновь обрела силы. Она вырвалась из объятий Гилвана и схватила Тахора за хвост. Для него это было так же неожиданно, как и для остальных. На мгновение он отвлекся – и этого хватило, чтобы меч Конана, наконец, достиг цели.

Голова Тахора отделилась от тела и покатилась. Рот его, однако, не закрылся, а продолжал двигаться и посыпать проклятия. Он плевался кровью, и все никак не мог остановиться. Конан прыгнул вслед за головой и воткнул в ухо меч.

Вместо очередного проклятия изо рта Тахора появился кровавый пузырь – и лопнул. Но тело демона тоже не собиралось так запросто сдаваться. Хвост дернулся – и Гизелла оказалась в опасной близости от его сильных рук, способных разорвать ее пополам. Она жутко завопила, пытаясь вырваться, одновременно уклоняясь от слепых ударов.

– Гизелла! – воскликнул Гилван и вытащил нож.

Это было несерьезное, по сравнению с демоном, оружие. Годилось разве что снимать шкурки с кротов или драться с соплеменниками, но юный крестьянин был настроен решительно. Он с воинственным криком бросился к Тахору и одним движением отсек ему хвост.

Гизелла была свободна. Держа извивающийся хвост, она на четвереньках отбежала к стене. Конан наступил на голову, чтобы выдернуть меч и помочь крестьянину справиться с обезглавленным телом.

Гилван переоценил свои силы. Тем же самым несерьезным ножом он решил окончательно убить демона, пронзив его сердце. Но, конечно, у него ничего не вышло. На груди у Тахора была слишком толстая и прочная кожа. Ножик едва погрузился в нее, одним только острием. Зато руки демона

нашли обидчика и схватили его. Затрещали кости. Гилван закричал, как поросенок, которого режут.

Конан выдернул меч из уха Тахора и поспешил на помощь юному крестьянину. Но было поздно.

У Гилвана уже было раздавлено плечо – и правая рука была полуоторвана, она держалась только на жилах. Пальцы на ней все еще шевелились. Юноша продолжал вопить, но из его рта вырывались не только звуки, но и кровь. Он блевал кровью – и она смешивалась с бьющей из шеи Тахора черной кровью.

Конан изо всех сил рубанул мечом по ноге демона. От этого удара демон пошатнулся и выронил жертву. Гилван пополз, как гусеница, извиваясь всем телом – и сумел отползти на расстояние, достаточное для того, чтобы упавший на четвереньки Тахор не задел его.

Конан поднял меч и резко опустил его, разрубая спину демона. Потом еще раз и еще. Руки демона перестали держать его – и он повалился навзничь.

– Гилван, ты жив? – воскликнула принцесса и побежала к нему.

Юный крестьянин попытался улыбнуться ей.

– Навряд ли, – едва слышно прошептал он.

И это были последние слова, что произнес Гилван. Лицо его вдруг застыло, а глаза бессмысленно уставились вверх. Это был уже не юноша Гилван. Это был его труп. Вокруг появились полупрозрачные, мерцающие призраки людей – маги, поэты, цари, воины, все те, кого Кхадес когда-то соблазнил тайным знанием и погубил ради краткого наслаждения ощущениями плоти. Они что-то шептали, но ни слова невозможно было разобрать.

Потом возле светящихся стен стали сгущаться тени. Это были высокие существа, подобные людям-великанам, но без лиц. Вместо лиц у них была гладкая поверхность. Черная, в которой не отражался никакой свет. Существа, похоже, состояли из одних теней. Но у них были руки, или что-то похожее на руки, а вместо пальцев – цепи с крючьями на концах. Цепи раскачивались, а крючья скребли по камню, издавая ужасный скрежет.

– Ты вновь послал за мной, – раздался голос Кхадеса.

Голос, у которого уже не было даже видимости плоти, ибо у Кхадеса больше не имелось ни легких, ни горла, ни рта, ни языка, ни губ – и ему нечем было произносить слова.

Четыре бесформенных куска, на которые распался Кхадес после того, как обезьяна поразила его камнем, витали в четырех верхних углах куба. Крючья поднялись с пола и потянулись к тому, что осталось от Кхадеса.

Они зацепились за бесформенные куски. И вновь послышался голос Кхадеса. На этот раз это были не слова. Это был крик боли.

Цепи с крючьями были похожи на чудовищные щупальца гигантского осьминога. Они словно ловили больших неповоротливых рыб. И теперь все рыбы были пойманы и крючки всажены в их плоть.

Рыбы умели кричать, но это николько им не помогало. Крючья рвали Кхадеса на все более мелкие части, а когда частей стало тринадцать, рванули их в разные стороны – и неожиданно стены его десятитысячелетней тюрьмы разбились, будто были хрустальными. Черные тени ринулись вниз по ступеням, вслед за сверкающими осколками.

Обезглавленный Тахор пошевелился. Его пронзенная голова тоже. На искаженном гримасой смерти лице открылись глаза. И эти глаза в упор и очень пристально смотрели на Гизеллу.

– Конан, убей его! – взвизгнула она.

Конан, не видя, что происходит с зеленокожим демоном, с удивлением обернулся.

– Кого еще я должен убить? – спросил он.

Гизелла дрожащим пальцем показывала на Тахора. К этому времени он уже не просто шевелился, а активно двигался в определенном направлении. Его тело быстро подползало к голове. Ничего хорошего из этого не могло выйти.

Выглядел Тахор не лучшим образом, но кто знает, что случится с ним, если он снова соберется воедино. От восставших трупов можно ожидать чего угодно.

Конан кинулся к Тахору. Для начала вскочил ему на спину и отрубил правую руку. Она продолжала ползти в прежнем направлении.

Гизелла взвизгнула.

– Кром! – воскликнул Конан. – Да умри же ты, наконец!

И принял кромсать руку на части. Мелкие куски потеряли определенную цель и принялись расползаться в разные стороны.

Невнятно бормочущие призраки людей, все еще витавшие в воздухе над вершиной пирамиды, вдруг сорвались со своих мест, превратившись в маленькие вихри, и устремились к расползающимся кускам. Входя в бесформенный кусок, вихрь полностью исчезал в нем, а кусок превращался во что-нибудь другое. Иногда в мышь, иногда в маленького, размером с ту же мышь, человечка, иногда в большого паука или птицу.

Голова Тахора непрерывно вопила. А превратившиеся в разных существ куски сбегали во все стороны, вниз по ступеням пирамиды. Тело Тахора с оставшейся левой рукой все еще двигалось. С Конаном на спине у

него получалось двигаться только на месте. Нисколько не приближаясь к голове.

Не всем призракам-вихрям хватило кусков руки, нарубленных Конаном, и он продолжил начатое дело. С превеликим удовольствием он рубил зеленокожего демона на все более мелкие части. Он смутно понимал, что происходит. Но его душу тешило уже одно то, что ненавистный Тахор страдает. Разделав тело, он бросился к голове и занес над ней меч, собираясь искромсать и ее тоже. Голова прекратила вопить, в ней что-то булькнуло. Из дыры, проделанной прежде мечом Конана, вытекла струйка крови. Глаза посмотрели вверх, на киммерийца. Конан помедлил. Голова явно хотела что-то сказать, и любопытство на миг пересилило жажду мести.

Но слова оказались глупыми и не стоящими внимания.

— Мы еще с тобой встретимся, варвар! — сказал Тахор.

И Конан со всей силы ударил по голове. Череп громко хрустнул, и голова распалась на половинки, а между ними остался мозг. Он был черным. Как и следовало ожидать от мозга демона. Три оставшихся последними вихря устремились к разрубленной Конаном голове. Два вошли в половинки черепа и превратились во что-то вроде черепах, только с длинными и быстрыми ногами. Они сбежали по ступеням, как ветер.

Один миг — и вот их уже не видно. А самый последний вихрь — самый неудачливый из всех — попытался сначала превратиться в большую крысу. Но крыса получилась мягкой как расплавленный воск. Она не могла идти, каждое движение лапы приводило в движение все тело, которое неправлялось само с собой и расползалось в разные стороны. Тогда мозг превратился в медленную, мягкую улитку без панциря. Улитка поползла, оставляя за собой след.

Пирамида затряслась, а сверху посыпался песок и мелкие камни. Конан поднял голову и увидел, что сталакиты наверху угрожающие раскачиваются.

— Бежим, — вскрикнула Гизелла, которая посмотрела туда же.

Конан наклонился к Гилвану, намереваясь взвалить труп юноши на плечо.

— Оставь мертвцевов! — завопила принцесса. — Им уже все равно, а нам может быть хуже! Помоги лучше мне! Я не знаю, способна ли бежать.

Конан быстро оценил ситуацию. Принцесса. Гизелла, конечно, была права.

Улитки, огненные улитки, которые делали пещеры удивительными и неповторимыми, умирали. Свет от них становился все тусклее. В конце концов, Конану пришлось идти почти на слух, ориентируясь по звуку собственных шагов и воплям обезьяны, которая в темноте чувствовала себя лучше и привычнее, чем он.

Лунный свет был внезапен, как крик совы. За сову вскрикнула Гизелла. Конан от неожиданности едва не потерял равновесие. Это было тем более опасно, что они находились на крутом склоне, поверхность которого состояла из сыпучего песка. И опрометчивый прыжок на него грозил обвалом.

— Мы вышли, — сказал Конан.

— Прости, я испугалась, — ответила Гизелла. — Наверное, теперь нам лучше идти по отдельности.

— Я тоже хотел предложить именно это, — подтвердил киммериец. — Склон выглядит весьма опасно.

С большими предосторожностями они спустились по склону и оказались на дороге. Вскоре, когда лунный свет сделался привычен для глаз, Гизелла узнала эту дорогу. Путь из храма Вина и Крови в Шадизар.

Горная дорога сначала вилась по склону, потом вошла в ущелье и вскоре влилась в проложенную древними строителями мостовую, ведущую к воротам Шадизара.

Увидев брошенный, сломанный паланкин и растерзанные падальщиками тела носильщиков, телохранителей и любимых служанок, Гизелла остановилась, не в силах некоторое время ни двигаться дальше, ни что-либо сказать. Столько всего случилось, что ей казалось, что весь этот ужас, случившийся по дороге домой из храма Вина и Крови, был так давно, словно прошло множество лет. Все давно истлело — тела и воспоминания — и покрылось паутиной времени. Но оказалось, что это вовсе не так. Тела еще гниют и съедобны для паразитов, а боль в памяти так сильна, что отделаться от нее невозможно.

Конан молчал, понимая, что вряд ли чем-либо сможет утешить принцессу. Он не знал, что произошло. Но можно было легко догадаться. А при взгляде на лицо Гизеллы угадывалось и остальное. Эти растерзанные мертвцы — ее люди. И с некоторыми из них у нее была сильная и прочная душевная связь.

Вот эти два разодранных трупа с длинными волосами – у одного русые, у другого – черные, как вороново крыло, наверняка были приближенными служанками принцессы. Потому что остальные трупы при жизни были мужчинами.

– Здесь нам лучше расстаться, – не глядя на Конана, неожиданно сказала Гизелла. Она уже сделала несколько шагов вперед, судя по всему, не собираясь прощаться и хоть как-то благодарить киммерийца, когда он догнал ее и властно положил руку на плечо.

Принцесса вздрогнула, как от удара бича, и обернулась.

Конан держал в руке что-то блестящее. В неверном свете луны она не сразу узнала свое украшение.

– Твой браслет, – сказал Конан. – Обезьяна отдала его мне. Если бы не этот смышленый зверек, мы бы никогда не встретились.

– Да мы все равно, что и не встречались, – ответила Гизелла. – Разве нам стоило встречаться вот так? Это не подобает царской дочери. Ты теперь знаешь меня с такой стороны... К сожалению, наши пути далеко разошлись. Мы стали как птица и рыба. Если и можем встретиться, то только для того, чтобы сожрать друг друга.

– Вообще-то я не собираюсь тебя есть, принцесса, – сказал Конан.

– Я верю тебе. Но все равно. Рыба – я, и я боюсь тебя. Точнее я боюсь себя в тебе. Я боюсь Гизеллы, которую ты знаешь. Мне больше по душе старый образ надменной зазнайки. Прости, Конан, но нам лучше расстаться. И не иди в Шадизар. По крайней мере, не попадайся мне на глаза. Мне бы не хотелось сдирать с тебя кожу. А браслет... Он твой навсегда. Я не могу отнять у тебя память.

– Я буду хранить его вечно, – поклялся Конан.

... Через неделю, в Аренджуне, он обменял браслет искусственной работы на гораздо более ценные в тот момент вещи, способные удовлетворить голод двух видов – большой круглый хлеб, особым способом зажаренную утку, у которой можно есть не только мясо, но и хрустящие косточки, два кувшина сливового вина и бурную ночь с прекрасной юной женщиной, уста которой были нежны и благоуханны, как цветок вендинского лотоса.